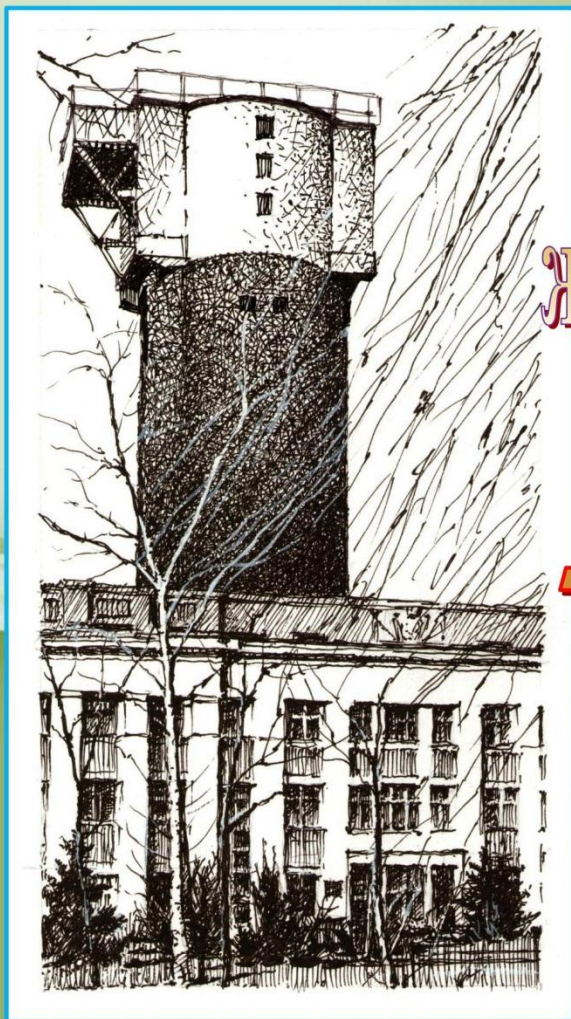

ISSN 2226-3586

Литературно-художественный журнал

ПЯТЬ СТИХИЙ

№ 2 (56) ММХХV

ЖУРНАЛУ

15

ЛЕТ

Издание выходит при содействии Союза писателей России

ISSN 2226-3586

Литературно-художественный журнал

ПЯТЬ

СТИХИЙ

Творчество без лишнего пафоса

*Устав от пресной чепухи,
Как в море, ухожу в стихи я –
Ведь эта пятая стихия
Просторней остальных стихий.*

Игорь Царёв

№ 2 [56] – ММХХV

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

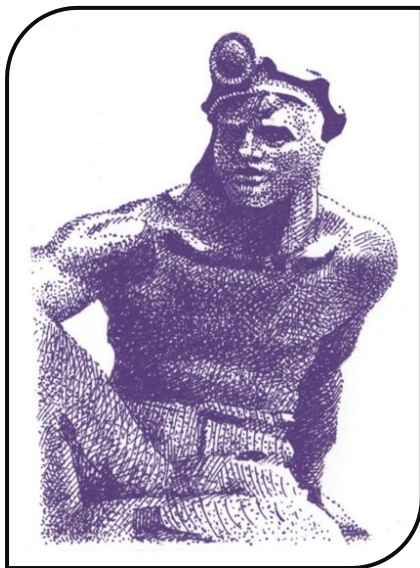
- Елизавета Хапланова (Москва) –
И. о. главного редактора
- Ирина Бауэр (Донецк)
- Иван Волосюк (Балашиха)
- Андрей Икрин (Алупка)
- Марк Некрасовский (Луганск)
- Александр Товберг (СПб)
- Алевтина Евсюкова (Севастополь)
- Художник: Г. Н. Иванова
- Корректор: А. Я. Чайка

Издаётся с ноября 2010 года.

12+ В соответствии с законом «О
средствах массовой информации»
Донецкой Народной Республики
от 29 июня 2015 года.

Работы и отзывы о журнале принимаются на п/я: 5stih@bk.ru

ё – Ёфицированное издание

Журнал «Пять стихий»
является лауреатом премии
Союза писателей России
«СЛОВО» – 2020

В НОМЕРЕ:

I. События

Итоги фестиваля «ВСВ» 4

II. Амфитеатр

Дарья Буймова, Эдуард Иванов ..9

III. Пятая стихия

Роман Башкардин..... 44

Дмитрий Бобылев..... 49

Никита Брагин..... 53

Татьяна Георгиева..... 58

Елена Заславская..... 62

Елена Колесникова..... 67

Сергей Кривонос..... 71

Вячеслав Кузьмин..... 75

Иван Нечипорук..... 77

Алексей Шихалёв..... 81

IV. Стихия прозы

Алина Болото 86

Михаил Востриков 95

Александр Жданов 104

Владимир Замышляев 108

Александр Товберг 119

Василий Толстоус..... 122

Алексей Фунт 129

V. Беседка

Николай Пересторонин 134

VI. Стихия поэтики

Нина Ищенко 142

Наталия Мавроди..... 149

VII. События

Елена Диченко..... 158

Константин Коваль 162

Анна Матвеенко 166

Екатерина Ромашук 175

VIII. Стихия публицистики

Елизавета Хапланова..... 180

Иллюстрации рубрик – Галины Ивановой;
Иллюстрации на обложке и титульной
странице, художественные виньетки –

Станислава Каплуна

15 лет Литературному объединению авторов Донбасса «Стражи весны»

Литературное объединение авторов Донбасса «Стражи весны» появилось весной 2010 года, как молодёжный интернет-проект. Но уже через год участники литобъединения окончательно вышли из сети в реал. Молодые литераторы начали активно организовывать и проводить мероприятия, воплощать издательские проекты и участвовать в фестивалях, выступать в библиотеках и учебных заведениях, участвовать в городских и областных/республиканских мероприятиях.

В 2013 году Литобъединение «Стражи весны» стало структурным подразделением Межрегионального союза писателей (соучредитель Международного сообщества писательских союзов), и более половины авторов Лито, по достижении определённых успехов получили членские билеты этого Союза. Ныне в рядах организации также имеются члены Союза писателей России и Славянской литературно-художественной академии (Варна, Болгария).

С началом гражданского противостояния в 2014 году, многие авторы разлетелись по свету, тем не менее, Лито работает продуктивно, и даже эту ситуацию использует во благо, расширяя культурные связи и географию литературных публикаций.

Логотип организации разработан в 2011 г. Сергеем Чайкиным (Запорожье).

СОБЫТІЯ ФЕСТИВАЛЬ

ИТОГИ ЗАОЧНОГО ФЕСТИВАЛЯ «ВОЛЬНЫЕ СТРАЖИ ВЕСНЫ»

Дорогие друзья, в этом году в честь 15-летия Литературного объединения авторов Донбасса «Стражи весны» был проведён Второй заочный фестиваль «Вольные стражи весны». Организаторами стали: руководство ЛитО и редакция литературно-художественного журнала «Пять стихий». Несмотря на короткий срок приёма работ, конкурсная программа получилась насыщенной. В конкурсе отметились авторы из шести государств (РФ, Украина, Беларусь, Казахстан, ФРГ и Канада). Было рассмотрено более 120 заявок.

Жюри конкурса:

Владимир СПЕКТОР (Бад-Зоден/Луганск)

Фёдор БЕРЕЗИН (Донецк)

Александр КУЧЕРЯВЫЙ (Донецк)

Марк НЕКРАСОВСКИЙ (Луганск)

Олег ЗАЙЦЕВ (Минск)

Ольга БОРИСОВА (Самара)

Конкурсная программа была анонимной, все работы были представлены жюри для оценивания под номерами.

Качество принятых на конкурс работ оказалось весьма высоким. Количество авторов, набравших высокое количество баллов настолько велико, а разница в оценках минимальная, что группы финалистов пришлось поделить. В результате места распределились таким образом:

ЛАУРЕАТЫ

Гран-при конкурса – **Светлана Кузьмина** – г. Хотьково Московской обл.

Поэзия «свободные авторы» в группе «Образы Отечества»:

1 место: **Никита Брагин** – г. Москва

и **Елена Колесникова** – г. Воронеж

2 место: **Анатолий Арестов** – г. Рубцовск

3 место: **Наталья Колмогорова** – ст. Клявлино

Поэзия «свободные авторы» группа «Звонкая лира»:

1 место – **Константин Коваль** – Донбасс

и **Наталья Тимофеева** – г. Химки

2 место: **Роман Башкардин** – г. Йошкар-Ола

и **Роман Дуров** – г. Донецк

3 место: **Наталья Преснякова** – г. Трубчевск

и **Михаил Афонин** – г. Донецк.

Проза «свободные авторы» в группе «Родное слово»:

1 место: **Анна Матвеевко** – г. Донецк

2 место: **Андрей Платонов** – г. Волжск

и **Раиса Кравцова** – п. Домбаровский

3 место: **Наталья Преснякова** – г. Трубчевск

и **Андрей Пучков** – г. Сосновоборск

Проза «свободные авторы» в группе «Заветное слово»:

1 место: **Оксана Соснина** – г. Ижевск

2 место: **Юлия Джейкоб** – г. Москва

и **Вероника Богданова** – г. Лабытнанги

3 место: **Никита Брагин** – г. Москва

и **Наталья Кадомцева** – с. Бессоновка

Поэзия «авторы лито»:

1 место: **Андрей Линник**

2 место: **Андрей Икрин** – г. Алушка/Горловка

и **Андрей Шталь** – г. Краматорск

3 место: **Александр Товберг** – г. СПб/Красноармейск

и **Анна Шемахова** – г. Тула/Горловка

Проза «авторы лито»:

1 место: **Виталий Винтер** – г. Цойленрода-Триес

и **Анна Шемахова** – г. Тула/Горловка

2 место: **Сергей Таран** – г. Горловка

3 место: по техническим и эстетическим причинам решено никому не присваивать, всем остальным финалистам автоматически присвоено 4 место.

ДИПЛОМАНТЫ

Дипломанты нашего фестиваля награждаются дипломами памяти незабвенных авторов Донбасса.

Поэзия:

Диплом имени Виктории Поляковой:

Вероника Богданова – г. Лабытнанги,

Ольга Березина-Луганская – г. Луганск,

Александр Клюквин – г. Выборг

Елена Диченко – г. Горловка.

Диплом имени Олега Герасимова:

Сергей Матыцин – г. Воронеж,

Наталья Майорова – г. Торонто,

Сергей Миронов – г. Калининград

Надежда Ерофеева – г. Геленджик.

Диплом имени Сергея Фомина:
Кристина Денисенко – г. Юнокоммунаровск,
Юлия Джейкоб – г. Москва
Сергей Фёдоров – г. Астрахань.

Диплом имени Виктора Полупана:
Аркадий Захаров – г. Тюмень,
Валерий Ткачёв – г. Минск
Ольга Чумакова – г. Липецк.

Проза:

Диплом имени Ивана Костыри:
Наталья Кравцова – п. Домбаровский,
Вероника Воронина – г. Люберцы
Любовь Большакова – г. Сыктывкар.

АМФИТЕАТР

ДАРЬЯ БУЙМОВА

Журналист, редактор. Родилась 22.07.1975 в Москве. Окончила МНЭПУ, факультет журналистики. Автор книг «Толкование сновидений», «Биолог-лаборант и его звери», переводчик книги «Как разговаривать с собакой» Стэнли Корена. Более тридцати лет работает редактором в издательствах, журналах и в информационных агентствах. Победитель международного конкурса «Ах, водевиль, водевиль...» 2024 года.

ЭДУАРД ИВАНОВ

Драматург, редактор. Родился 14.09.1973 в г. Вологда. Окончил Московский литературный институт, факультет «Драматургия», семинар Виктора Розова и Инны Вишневецкой. Более четверти века работает редактором – в издательствах, в информационных агентствах и на телевидении. Член Национальной Ассоциации Драматургов и Гильдии драматургов России. Публиковался в коллективных сборниках и литературных журналах.

СЛОВО О ЗАМПОЛИТЕ

Курс молодого бойца в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ПЕТРОВ АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ – замполит, подполковник, немногим более 50 лет

ГЛЫБА ИВАН – командир, почти генерал, друг и ровесник Петрова

ГОМАН – замполит, старший лейтенант, 26 лет

«**ЧИЖ**» – около 23 лет

«**ЛЕСНОЙ**» – командир подразделения разведчиков, за 30 лет

«**АКТЁР**» – около 25 лет

«**ТУНГУС**» – от 35 до 40 лет

ОЛЬГА СТЕПАНОВНА – военврач

«**ЛАВИНА**» – снайпер, бывшая биатлонистка

СЕРАФИМА ИВАНОВНА

НАТАЛЬЯ КОРЕНКОВА – военнопленная

ПЁТР КРЕЧЕТОВ – военнопленный.

Военнослужащие российской армии.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА 1

Кабинет. Стол, сейф, несколько табуреток.

Заходят Глыба и Петров.

ГЛЫБА. Сюда садись!

ПЕТРОВ (садится на указанный табурет). Что происходит?

ГЛЫБА. Он меня ещё спрашивает!.. Вот ты меня, Петров, осуждаешь... Сядь! Не перебивай!.. По глазам вижу, что осуж-

даешь в гибели группы... У меня приказ сверху!.. Создать опорник, укрепить... Я не знаю, почему вовремя не доложили... Кто мог знать, что рядом с ними колонна пойдёт!

ПЕТРОВ. Иван, не кипятись... Никто тебя не осуждает... Во-первых, подтверждения их гибели нет. Во-вторых, сам знаешь – случаются чудеса...

ГЛЫБА. Не в этот раз. Птички соседей несколько раз там летали. Глухо.

ПЕТРОВ. В-третьих, я тебя, командир, не осуждаю. И никогда не осуждал.

ГЛЫБА. Думаешь, полковник Глыба так хочет генеральские погоны, что решил своими ребятами пожертвовать?! Их жизни в унитаз спустить?!

ПЕТРОВ. Прекрати истерику, полковник!.. Ты чего расклеился, Иван?

ГЛЫБА. Сам меня пинал, что не в меру жёстким стал. Говорил: «Желваками Глыба поиграл, и все обосрались. Кинулись подвиги совершать, дзоты грудью закрывать». А как прикажешь мне командовать? Реверансы перед бойцами выписывать? Поставлена боевая задача – мы должны её выполнить!.. Или погибнуть... Война без потерь не бывает.

ПЕТРОВ. Успокоился?

ГЛЫБА. Да.

ПЕТРОВ. Почему решил, что я тебя осуждаю?

ГЛЫБА. А это?.. Объясни, какого ляда ты мне эту бумажку подсунул!.. Предатель... Это же рапорт об отставке! Что глаза прячешь?

ПЕТРОВ. Без нервов можешь выслушать?

ГЛЫБА. Валяй. Оправдывайся.

ПЕТРОВ. Я давно воюю. Почти вся жизнь – война. Там, здесь или куда Родина пойдёт. Два ранения. Контузия... А нам не тридцать и даже не сорок... Становлюсь степенным и медленным.

ГЛЫБА. Дерьмо аргументы!

ПЕТРОВ. А ещё... Только тебе, по секрету, как единственному оставшемуся в живых другу... Я в монастырь ухожу. Недавно определился. В северных лесах. Небольшая обитель. С настоятелем и братией познакомился. *(Пауза)*. Глыба, ты чего? Эй, Глыба!

ГЛЫБА. Ты – монах?!

ПЕТРОВ. Так и знал, что этим кончится. Сейчас шуточками начнёшь фонтанировать? Намерен на другом уровне бороться со Злом.

ГЛЫБА. Ты чего выдумал? В монахи... Взял ответственность быть здесь командиром, значит, будь им! Ты больше не вправе думать только о себе! Ты о них обязан думать, о доверенном тебе подразделении, товарищ замполит... А он в монахи! Оставить тут всех и за стеночку спрятаться!.. Ты никогда не был таким! Я тебя, как облупленного, ещё со времён Суворовского

училища... Петров, очнись. Ты же старый ловелас... Вот если бы решил гарем завести, я бы это не одобрил, но понял... А тут одобряю, но не понимаю! Не понимаю!.. Ну, брось! Где монастырь и где ты?

ПЕТРОВ. Там безгрешных нет... А знаешь, кто был первым замполитом на Руси?.. Не морщи лоб, не вспомнишь... Сергей Радонежский... Вот и я за вас из-за стен монастырских молиться буду.

ГЛЫБА. Ты мне зубы не заговаривай!.. Сергия Радонежского приплёл... А кто тебе мешает здесь за всех нас молиться?

ПЕТРОВ. Никто. Я молжусь.

ГЛЫБА. Вот и продолжай на здоровье... А если мы все сейчас в монахи ломанёмся, кто Родину защищать будет?

ПЕТРОВ. Ты, конечно, Глыба, мастер ёрничать... Но я... Я чудо видел.

ГЛЫБА. Ну, какое ещё чудо? Мина под ногами не разорвалась? Пуля рядом с ухом просвистела? Таких историй – море, океан. На каждой войне подобных тьма тьмущая... Чудо... Скорее всего, просто удачное стечение обстоятельств. Физика с химией и немного теории вероятности.

ПЕТРОВ. Не, тут другое. Тут чудо... Он меня вот тут коснулся, в груди. Это на удачу не спишешь.

ГЛЫБА. Ну, и какое чудо?.. Серьёзно? Даже не расскажешь?

ПЕТРОВ. Может, позже.

ГЛЫБА. Гляжу, замполит, устал ты, притомился... Давай-ка я тебе отпуск небольшой организую. К своим съездишь, успокоишься, на могилках у них посидишь – посоветуешься.

ПЕТРОВ. Не надо. Не успокоюсь.

ГЛЫБА. А мне с кем прикажешь вражин побеждать?.. *(Пауза)*. Хорошо. Если решил уйти, то уйди красиво – подготовь себе достойную смену. Подготовишь и вали в свой чёртов монастырь! Благословляю!.. Предатель... А ещё друг называется.

ПЕТРОВ. Разрешите идти?

ГЛЫБА. Идите! *(Петров уходит)*. Петров – монах... Точно конец света наступает.

СЦЕНА 2

Весенний сад возле санчасти.

Военврач Ольга Степановна любителю солнечным утром, выполняет дыхательные упражнения цигун.

Появляется «Чиж» с букетиком цветов.

«ЧИЖ». Доброе утро, Ольга Степановна! А это вам.

Отдаёт букетик Ольге.

ОЛЬГА. Спасибо, «Чижик», очень мило. Красивые цветочки. Где добыл?

«ЧИЖ». Представляете, в перелеске, возле большой воронки, прямо на склоне расцвели... Их там много... То ли шрамы земли хотят приукрасить, то ли исцелить их... И как стараются,

напрягая все свои силы... Это надо записать. (*Достаёт блокнот, ручку, записывает.*) Украсить собою шрамы планеты... Изю всех своих могучих сил.

ОЛЬГА. Теперь жаль эти цветочки. Старались, росли, а их сорвали.

«**ЧИЖ**». Там с запасом. Весь склон в этих малютках. Очень красиво. Хотите, вас туда свожу? Это почти рядом. Можем прямо сейчас.

ОЛЬГА. В следующий раз. Дел много. Вот сейчас закончу зарядку и...

Появляется «Лесной».

«**ЛЕСНОЙ**». Доброе утро, Оленька! Доброго утра господину поэту. Хотя бы один свой стих прочёл... Все говорят – поэт, поэт. А до сих пор никто ничего твоего не слышал. А может ты не поэт? Оленька, он вам читал свои стихи?

ОЛЬГА. Нет.

«**ЛЕСНОЙ**». Букетик принёс. Мило. А стихи прекрасной даме?

Возле забора сада появляются «Тунгус» и «Актёр», несут бидон.

«**АКТЁР**». Подожди, «Тунгус», дай передохнуть... О, смотри, «Лесной» опять над «Чижиком» прикалывается.

«**ЛЕСНОЙ**». Эх, «Чижик», «Чижик». Что цветы? Трава. Никакой пользы. Не съешь, не скуришь... (*Достаёт шоколадку.*) Вот, Оленька, угощайтесь.

«**АКТЁР**». Итак, дорогие зрители, приветствуем вас! Наш телеканал начинает трансляцию Битвы века! Воин против поэта! В левом углу ринга – опытный разведчик, наш непосредственный командир «Лесной». Поприветствуем бойца!

«**ЛЕСНОЙ**». Вы чего здесь делаете, балбесы? Захворали?

«**ТУНГУС**». Никак нет, командир. В столовую вот несём. Бидон. Тяжёлый. Волонтёры передали сгущёнку. Здравствуйте, Ольга Степановна.

ОЛЬГА. Доброе утро, ребята.

«**АКТЁР**». На счету «Лесного» невысказанное количество побед и наград. Особенно среди них выделяются четверо детишек и красавица-жена в Ярославле.

«**ЛЕСНОЙ**». При чём здесь жена?

«**АКТЁР**». В правом углу ринга – гордость нашего подразделения, легендарный поэт без стихов, быстрый, как молния, и стеснительный как... Кто стеснительный?.. Как осёл!

«**ЧИЖ**». Ничего не стеснительный!.. И при чём здесь осёл?

«**ЛЕСНОЙ**». Да. Ещё никто никогда не видел, чтобы поэт, настоящий поэт, стеснялся своего творчества. Ни одной строчки... Упрямый осёл.

ОЛЬГА. Может время ещё не пришло. Стихи, словно яблоки, должны созреть.

«**ЧИЖ**». Да, Ольга Степановна. Одна вы меня понимаете.

«ЛЕСНОЙ». Ой, «Чижик» – это запрещённый приём... Хватит из себя Белоснежку корчить! Будь как Маяковский! Волю в кулак – и читай!

«ТУНГУС». Однако, коллега, наши атлеты на ринге напомнили мне о доме.

«АКТЁР». Поясните, коллега.

«ТУНГУС». Когда у оленей гон, они также встают друг против друга. И вот рогами друг дружку щекочут. А самочка поодаль, типа не смотрит, не при делах. Но сама внимательно наблюдает.

ОЛЬГА (*смеясь*). Спасибо за самочку, «Тунгус». Первый раз удостоилась такого.

«ЛЕСНОЙ». И насчёт рогов аккуратно, комментаторы хреновы.

«ЧИЖ». Да! Вы двое – чего тут? А ты, командир, зачем пришёл? Видишь, люди разговаривают.

«ЛЕСНОЙ». (*подражая движениям Ольги, словно декламирует восточную поэзию*). Весна зазеленила верхушки деревьев. Раннее утро. Вижу, поэт идёт с цветами. Фудзияма далеко, здесь земля терриконов. Где взять вдохновения? Пошёл за ним. А здесь маленький серый комочек поёт о счастье с полуголой ветки. Видите? Лопнули набухшие почки, и вновь волшебство. Появились маленькие листья-недотроги, зелёного пожара язычки. И среди этой тихой красоты величественное создание природы – обворожительная Ольга, военврач от Бога.

«АКТЁР». Какая великолепная серия ударов! Мне кажется, коллега, это нокаут.

«ТУНГУС». Однако, не ожидал от командира такого коварства... Вы правы, коллега, однозначно можно открывать счёт. Вряд ли соперник оправится и продолжит бой.

«ЧИЖ». Ничего подобного! Ольга Степановна, несите йод, бинт и нашатырь.

«АКТЁР». Кажется, поэт решил контратаковать.

«ТУНГУС». Неужели готов прочесть свой стих?

Возле забора появляется «Лавина».

«ЛАВИНА». Всем привет.

«ТУНГУС». Здравствуй, «Лавина».

«АКТЁР». Привет! Прекрасно выглядишь. Лицо ангела. Фигурка, как у куколки. А эти глаза... О, как они манят к себе.

«ТУНГУС». На вашем месте, коллега, я был бы аккуратнее с глазами «Лавины». У нашего снайпера глаз шибко меткий. Такому глазу и винтовка не нужна. Так убить может.

«АКТЁР». Уже. В самое сердце.

«ЛАВИНА». Болтуны. Что тут?

«АКТЁР». «Лесной» против «Чижика»... За внимание военврача. Ждём развязки.

«ЧИЖ» (*откашлявшись, декламирует*). Она стоит над ним в палате белой // При беспощадном свете медицинских ламп. // И пилит ему руку так умело. // Ах, только бы он жил! Поду-

маешь рука. // И, если бы я мог, я отдал бы ей сердце, // Всего себя, всю трепетную плоть. // Берите всё! Мне ничего не надо, // Когда в душе моей любовь, любовь, любовь!

Пауза.

«ЛЕСНОЙ». Сильно. В общем и целом молодец! (*Жмёт «Чижу» руку*). Немного надо доработать, а так сильно. Не ожидал. Молодец!

«ЧИЖ». Правда? Ольга Степановна, вам понравилось? Это я для вас.

ОЛЬГА. Спасибо, «Чижик»! (*Целует «Чижа» в щёку*). Спасибо.

«Тунгус», «Актёр» и «Лавина» аплодируют.

«ТУНГУС». Посыл ясен, но вот форма изложения... Как вы считаете, коллега?

«АКТЁР». Это конечно не Есенин, но... Надо над образами и над рифмой поработать. А то как-то страшновато – рука, пила, любовь. Синописис фильма ужасов. Но потенциал есть... А вам, сударыня, понравилось?

«ЛАВИНА». Главное – искренне. Мне, например, ещё никто стихов не писал: ни в школе, ни на спортивных сборах. Наверно, я была бы счастлива.

«АКТЁР». Я напишу. Для тебя готов целую поэму написать.

«ЛАВИНА». Болтун.

«АКТЁР». Почему болтун? Я могу.

Появляется Петров.

ПЕТРОВ. И что тут за собрание?

«ЛЕСНОЙ». Так, дружеская перепалка родных и близких по духу людей. Во всех семьях такое бывает.

ПЕТРОВ. Или Ольга Степановна всё-таки услышала мои настойчивые просьбы и набрала группу для занятий цигун?

«Лесной» и «Чиж», стараясь быть незаметными, уходят. «Тунгус» и «Актёр», подхватив бидон, тоже уходят. «Лавина», ловко перемахивает через заборчик, подходит к Петрову и Ольге Степановне.

ОЛЬГА. Я бы с удовольствием, да времени нет... Что-то вы давненько к нам не заглядывали, товарищ замполит.

«ЛАВИНА». Доброе утро, товарищ подполковник. И меня забыли. Почти две недели не проводили со мной политинформацию.

ОЛЬГА. Вот как? Что ж, заходите, гости дорогие. Чайком угощу. У меня и шоколадка теперь имеется.

ПЕТРОВ. В следующий раз, Ольга Степановна. Мне бы какого-нибудь сильного обезболивающего. Что-то опять бедро зашатило. Не иначе к дождю.

ОЛЬГА. Сейчас принесу.

Ольга уходит.

«ЛАВИНА». Товарищ подполковник, вы меня избегаете?

ПЕТРОВ. Конечно, нет... Я постоянно за вами присматриваю... Так положено... Я за каждого бойца отвечаю.

«ЛАВИНА». Это понятно. Я о другом.

ПЕТРОВ. Марина Георгиевна... Дорогая моя «Лавина». Вы мне в дочери годитесь. Так что «о другом» я сам себе не только мечтать, даже думать запрещаю.

«ЛАВИНА». Сейчас здесь стихи читали... Так вот, я вас и без всяких стишков люблю... как командира.

Возвращается Ольга, выдаёт Петрову несколько таблеток.

ОЛЬГА. Это ваши обычные. Не забывайте – не более одной в сутки.

ПЕТРОВ. Благодарю, Ольга Степановна. Пойду.

Петров уходит.

ОЛЬГА. А у тебя что стряслось?

«ЛАВИНА». Ничего. Как обычно – нужен пластырь. Скоро выход... У вас с Петровым что-то есть?

ОЛЬГА. Ревнуешь?

«ЛАВИНА». Нет, но... Он мне очень нравится.

ОЛЬГА. Мне тоже. Но, к сожалению... Какой-то он в последнее время странный.

«ЛАВИНА». Также заметила. Но я настойчивая. Попробую ещё раз подкатить. Не против?

ОЛЬГА. Кто тебе запретит? Дерзай.

«ЛАВИНА». А сама?

ОЛЬГА. Думаю, мне уже поздно.

«ЛАВИНА». Зачем тогда все эти соблазнительные позы с потягушками перед пацанами?

ОЛЬГА. Для здоровья... Идём, чаем напою, ну, и выдам, что просила.

Ольга и «Лавина» уходят.

СЦЕНА 3

Поляна – импровизированная аудитория под камуфлированной сетью.

Петров и Гоман приносят и расставляют скамьи.

ПЕТРОВ. Думаю, хватит. Трибуны нет. Зато есть стол... Присядь, отдышись... Прибыло пополнение. Проведёшь у них вводное занятие.

ГОМАН. Что-то вроде испытания хотите мне устроить?

ПЕТРОВ. Что-то вроде... Подготовь себе воду. Если вдруг в горле запершит, сделай пару глотков... Я, можно сказать, самоучка. А тебя, товарищ Гоман, старший лейтенант, целенаправленно учили этому искусству. Хочу послушать, может, что новое для себя открою. Определился, о чём будешь рассказывать?

ГОМАН. Думаю, о целях и задачах Специальной военной операции. О политике Запада, о двойных стандартах...

ПЕТРОВ. Стоп! Ты не телевизор. Всё это они в новостях узнают. Не желторотики. Молодых у нас немного. Больше людей среднего возраста. И все пришли по зову сердца. Им больше собеседник нужен. Есть и совсем зрелые бойцы – пятьдесят и

старше. Эти надёжные. Всё обдумали, всё для себя решили. Да и советская школа оставила след. Некоторые до сих пор в транспорте женщинам и пожилым людям место уступают. Хотя у самих седина или лысина. А у некоторых и «трудовые мозоли» в области живота. Эти дядьки не подведут. Всегда помогут, если попросишь. Авторитета и опыта у каждого с запасом. У нас таких пятеро. С личными делами позжеознакомишься.

ГОМАН. И как они меня воспримут? Мне всего двадцать шесть.

ПЕТРОВ. Дело не в возрасте. Гайдар в шестнадцать лет полком командовал. Или наш коллега – Берест Алексей Прокофьевич. Украинец, между прочим. Родился под Сумами. За время Великой Отечественной – от рядового до заместителя командира батальона по политической части. Итог – возглавил выполнение боевой задачи по водружению знамени на куполе Рейхстага. Ему всего двадцать четыре было, на два года младше тебя. А он поднял, повёл и выполнил.

ГОМАН. Я воды себе принесу.

ПЕТРОВ. Держи... Пей... Представь, ты – отец, бойцы – твои дети. Тебе двадцать шесть, а ты уже многодетный отец. Поздравляю!

ГОМАН. Спасибо.

ПЕТРОВ. А детишки – шалунишки. Некоторые в два раза старше тебя. Но какие есть. В душе-то они всё равно дети. И твоя задача заботиться о них. Пусть воюют, пусть будут уверены, что в это время все заботы о них на себя взял отец, то есть ты – замполит.

ГОМАН. Метафора красивая. Но разве они будут меня слушать?

ПЕТРОВ. Конечно, нет. Они должны доверять тебе. Расскажи что-нибудь, чего им по телевизору не расскажут. Только никаких ультрамодных штук.

ГОМАН. Не понял. Вы о чём?

ПЕТРОВ. Клоуном себя не выставляй! Был у наших соседей любитель экстравагантных новинок. Решил на политзанятии бойцам рэп зачитать. Даже оделся соответствующе. Микрофон нашёл. И давай геополитические новости излагать. Кричит, старается, битбокс изображает... Быц-быц-быц!.. Так разошёлся. Все передние ряды оплевал. Бойцы утираются, но терпят... Долго его рэп-придурком называли... Пока не погиб... С «леночки» возвращались – на засаду налетели. Водитель сразу «двухсотый». А он держался, отстреливался. «Укропы» хотели в плен взять. А он подарок им в виде гранаты. С собой двух нациков забрал... С коптера видели. Не успели помочь.

ГОМАН. Что-то у меня мандраж... Что-то не хорошо... Мутит.

ПЕТРОВ. Эй, эй, ну-ка присядь. Глотни водички. Подыши. Успокойся, я проведу. Смотри и запоминай.

Под навес заходят бойцы, рассаживаются.

ПЕТРОВ. Ребята, вы третья группа? Все здесь? Тогда приступаем. С нашим командиром, с полковником Глыбой познакомились? Колоритный мужик. Со мной вы знакомы. А это замполит третьей роты. Сегодня вас распределят. А через недельку ваш первый выход на передовую... Первые дни там, они самые длинные. Каждый идёт за десять. А первый – за месяц. Иногда за целую жизнь... И вбейте себе в голову! Чтоб ни один из вас не погиб! Поняли? Если кого «обнулят», пусть лучше в расположение не возвращается – зашибу гада!.. Отставить смех!.. На рожон не лезть. И лицо первой попавшейся пуле не подставлять. Настоящий солдат должен выполнять приказы командования и при этом сохранять свою жизнь. В условиях СВО ваша жизнь не принадлежит вам. Она принадлежит военному ведомству подобно автомату и прочему инвентарю... И хватит ржать!.. Вернитесь живыми, братцы... *(Пауза)*. Современная война, с её техническими возможностями и технологиями, больше не даст шанса надеяться на «авось». Глупость, безответственность, разгильдяйство и нежелание относиться к противнику серьёзно – «делая на ноль» гораздо больше личного состава, чем что-либо ещё... Применяйте все навыки, которые успели накопить. Пригодиться может всё... Бои тяжёлые, потому что «укропы» воюют хорошо. Вооружения у них много. Экипировка отличная. Но мы всё равно их бьём. Если это не отмороженные навики, то украинцы – эти те же русские яйца, только в профиль. Наши деды вместе били фрицев. И учились мы в одних военных училищах... Вам там будут давать сдачи. Но лучше переоценить противника, чем недооценить его. Лёгкой прогулки не будет... А сейчас чисто практический совет. Всегда немного прищуривайте глаза. Не надо смотреть на этот удивительный мир широко открытыми глазами. Берегите видеоконтроллеры мозга от пыли, дезинформации и от щенячьего восторга или чрезмерного ужаса. Там, на передовой, всё будет направлено на то, чтобы обмануть вас. Будьте наблюдательными, думайте, анализируйте... Мужики, вы уже герои, раз приехали сюда и остаётесь здесь. Некоторые даже из страны бежали – испугались. Родину им стыдно защищать. Бог им судья. Главное, вы – не они. И Россия жива, пока есть такие, как вы. За что вам низкий поклон. *(Кланяется)*. И ещё пара слов... Тут нет ни мам, ни жён, нянек тоже нет. Здесь никто не будет подтирать вам сопли. Лишь мы, замполиты, сможем иногда помочь вам высморкаться... Отставить смех!.. Так сказать, по-семейному, как своим детям или младшим братьям... Но, если обгадитесь, портки за вами стирать точно не будем! Любые попытки ныть и требовать идеальных для себя условий будут строго пресекаться. Вы – в армии. К тому же – на Специальной военной операции... Кстати, для вашего духовного окормления иногда к нам приезжает батюшка – отец Илия. Видели бы вы, как его бесы боятся. Иногда так разойдётся, только успевай от кадила уворачиваться. Шучу... Вопросы есть?.. Тогда встать!

Смирно! Вольно! Старший группы, ведите бойцов ближе к камбузу – скоро обед... А вам, старший лейтенант, надо бы в санчасть.

СЦЕНА 4

Весенний сад возле санчасти.

Явление первое

«Актёр» стоит возле забора с букетиком цветов. Шёпотом читает на бумажке текст, пытается запомнить. В саду появляется «Лавина». «Актёр» прячет бумажку в карман.

«АКТЁР». А я тебя жду. Это тебе.

«Актёр» дарит «Лавине» букетик.

«ЛАВИНА». Зачем?

«АКТЁР». Цветы зачем? Для настроения.

«ЛАВИНА». Зачем ждёшь?

«АКТЁР». А... Сейчас... Надо настроиться... *(Декламирует)*. На улице пахнет сиренью. // Безоблачная голубизна. // Ты слышала птичье пенье? // Здравствуй, весна! // Пусть солнечный зайчик скачет! // Всем сердцем любовь встречай! // Забудь все свои неудачи. // Пусть нас Небеса обручат.

«ЛАВИНА». Хрень какая-то. Это и есть обещанная поэма?

«АКТЁР». Начало... набросок.

«ЛАВИНА». Сам сочинил или «Чижик» помог?

«АКТЁР». Сам... Честное слово сам... Первый раз со мной такое.

«ЛАВИНА». Заметно... Спасибо за старание. Мне приятно.

«АКТЁР». А хочешь, я тебе своё сердце подарю?

«ЛАВИНА». Зачем?

«АКТЁР». Ну, так говорят... Когда предложение... Предложение руки и сердца. Ты не думай, я не просто так, я всё продумал. Вот здесь закончим и создадим биатлонно-театральную ячейку общества. Детей нарожаем. Целую футбольную команду. Мы их тренировать будем.

«ЛАВИНА». Не хочу я никакого биатлона. Вообще ничего не хочу.

«АКТЁР». Хорошо. Тогда родим театральную труппу. Будем с ними на сцене выступать. Спектакли ставить. Я актёр и режиссёр. Ты на пульте – за музыку и свет отвечаешь. Билеты будем продавать. Частный семейный театр. Великолепная идея!

«ЛАВИНА». Ты «Актёр» по жизни актёр, ты всё время играешь. Как с тобой жить? Как узнаю, что ты – это сейчас ты, настоящий, а не очередная роль? Вообще у тебя там за мишурой и грудой масок есть кто живой?

«АКТЁР». Конечно. Но в мужчине должна быть небольшая загадка... На самом деле я обычный. Иногда даже скучный. И, если захочешь, дома, когда поженимся, буду готовить тебе фаршированные перцы. Любишь фаршированные перцы?

«ЛАВИНА». Наверно. А при чём здесь перцы?

«АКТЁР». Я их гениально готовлю. Тебе понравится. А актёрство, как говорит мама, у меня природное. Я лицедей, скоморох, шут. И мне это нравится. Понимаешь? Нравится развлекать зрителей. Чтобы иногда они задумались о вечном. Взять и вылечить их души от грусти. А вместо грусти подарить немного веселья. Обмен энергиями. Терапия... Я когда говорю, что люблю тебя, я не шучу, не лицедействую. Просто немного робею, поэтому и получается, будто прячусь за актёрскими масками.

«ЛАВИНА». Вот говоришь люблю, люблю, люблю... А что это, если подумать? Слова, слова, слова... И что мне делать с этими словами?.. Любовь... Что это? Я не вижу её. Я не чувствую её. Что это? Всего лишь слово. А мне не нужны слова. Нужно что-то другое. Но что именно – не знаю... Когда на несколько часов замираю на лёжке в ожидании цели, успеваю подумать о всякой ерунде, о пустяках, даже пофилософствовать, поспорить с собой... А затем появляется цель. Отрабатываю по ней и быстро сматываюсь, чтоб не накрыли... Или, наоборот, замираю, превращаюсь в камень, почти не дышу... По обстоятельствам... А любви я не чувствую, не понимаю.

«АКТЁР». Это временно. После СВО всё иначе будет. Если что, я буду рядом. Если захочешь. На «гражданке» каждый день тебе в телегу писать буду: «Я здесь». Рано или поздно, ты поймёшь, что тебе нужно. И, может быть, позовёшь в гости. Я тоже терпеливый.

«ЛАВИНА». Пиши. Я тебе иногда, может быть, даже отвечать буду. А если у тебя на горизонте появится другая девушка, помнее, получше меня, напиши одно слово: «Нашёл». И больше не пиши.

«АКТЁР». По рукам. Я провожу. А то вдруг какой «Чиж» или «Лесной» украдут по дороге.

«Лавина» и «Актёр» уходят.

Явление второе

Там же.

Появляется Гоман и Ольга Степановна.

ОЛЬГА. Так что, ничего страшного, товарищ старший лейтенант. Переволновались.

ГОМАН. Странно. Такое в первый раз... чтоб до дурноты.

ОЛЬГА. Всё когда-нибудь бывает в первый раз... Вы с Петрова пример берите. Здоровье теперь вам потребуется богатырское. На вас как на замполита, рано или поздно всё ляжет – и логистика, и обоз, и подвоз, эвакуация раненых, отправка домой «двухсотых», связь с родственниками, разбор жалоб по выплатам, даже сопровождение военкоров на «ленточку». А ещё волонтёры, гуманитарка. Одним словом всё.

ГОМАН. Откуда у вас такие познания о работе замполитов? Не иначе товарищ подполковник...

ОЛЬГА. У меня муж какое-то время совмещал должность замполита и командира добровольческого батальона. Я ему даже помочь пыталась. Затем он погиб.

ГОМАН. Извините.

ОЛЬГА. И не забывайте о поддержке раненых бойцов. Не теряйте их из виду. Интересуйтесь ими. Как процесс выздоровления? Какие планы? Вернутся ли назад в подразделение?.. Но самое тяжёлое – это общение с родственниками погибших. Что тут посоветовать? Найти слова утешения. Только искренние. Говорите правду, без прикрас... Знаете, вам повезло, в нашем подразделении – в нашей большой семье – недостойных людей нет. Действительно нет. В принципе, у каждого бойца есть свои тараканы. Но зато как они красиво маршируют, эти тараканы. *(Пауза)*. Это шутка.

ГОМАН. А, понял. Я думал, что... А вы с юмором.

ОЛЬГА. Здесь все с юмором. Правда специфичным... Обратили внимание? Здесь никто не говорит слово «смерть». Заменяют другими – «обнулиться», «вытечь». Не пускают её в окопы, создают иллюзию, что её нет... И умоляю вас, никогда не кричите на бойцов. Лучше спокойным голосом. Эффект поразительный. Это как успокаивающий крем для «необстрелышей». Некоторым из них завтра или уже сегодня придётся «вытечь» в вечность.

ГОМАН. Благодарю, Ольга Степановна. Я запомню ваши советы.

ОЛЬГА. Зажигай им глаза! Мотивируй. Эти ребята должны понимать, чувствовать, что выполняют важные и нужные задачи. Добейся, чтобы у твоих подопечных всегда было моральное превосходство над врагом... Всегда... Раскапывай примеры из истории, ищи факты. Используй правильные фильмы и художественную литературу. Но обязательно добейся этого. Твои бойцы – победители. Внуки победителей. Только в России могли появиться Суворов, Ушаков, Жуков.

Появляется Петров.

ПЕТРОВ. Всё нормально? Что с ним было?

ОЛЬГА. Нервы... Берегите себя, товарищ старший лейтенант. Если снова что-то подобное, сразу ко мне.

ГОМАН. Спасибо вам, Ольга Степановна.

ОЛЬГА. Обращайтесь.

Ольга уходит.

ПЕТРОВ. И часто с тобой подобные нервы?

ГОМАН. Вообще никогда не было.

ПЕТРОВ. И в военном училище? Ничего от медкомиссии не скрыл?

ГОМАН. Нет... Извините, что нарушил ваши планы. Видимо я не создан для подобной работы. Поддам рапорт, чтобы...

ПЕТРОВ. Ты это брось! Всё получится... Не зря я тебя приметил. Есть в тебе что-то такое... Если пока тяжело с большой группой, старайся вести индивидуальную работу. Желательно

вникнуть в проблемы каждого бойца. Заведи себе педагогический дневник, записывай туда психологические портреты бойцов: их склонности, особенности. Учили вас подобному?

ГОМАН. Да, что-то вроде.

ПЕТРОВ. Понимаешь, для чего это?

ГОМАН. В общем и целом, да.

ПЕТРОВ. В первую очередь, это пригодится для формирования групп, отрядов, подразделений, чтобы учесть психологическую совместимость, религиозность, образованность. Потому что каждое подразделение должно быть единым целым. Понятно?

ГОМАН. Так точно!

ПЕТРОВ. У нас в армии, слава Богу, введено единоначалие. Командир отвечает за всё. Но чтобы у него фляга не засвистела от нагрузки, ему дали помощников, то есть нас, замполитов. И вся воспитательная работа с личным составом на нас. С нас и спросят... Во время боевых действий привыкаешь к отсутствию эмоций. Поэтому похвала становится роскошью. Этот ресурс применяй дозированно, осторожно.

ГОМАН. Я вас услышал, товарищ подполковник. И наш разговор считаю для себя очень полезным.

ПЕТРОВ. Гоман, ты зачем так говоришь? Я с тобой попростому, по-человечески. А ты мне канцелярщиной в морду... Ты вообще понимаешь роль и ответственность замполита подразделения во время боевых действий?

ГОМАН. Так точно!.. *(Словно по заученному)*. В зоне ответственности замполита – формирование у военнослужащих высоких профессиональных, боевых, морально-политических и психологических качеств, верности воинскому долгу и военной присяге. Роль замполита – поддержание боевого духа, высокой морали и патриотизма у личного состава. Обеспечение дисциплины и правопорядка. Замполит оказывает психологическую помощь военнослужащим, решает спорные вопросы и конфликты, распространяет позитивную эмоциональную обстановку через организацию досуговых мероприятий.

ПЕТРОВ. Да... Учения плоды... И вроде говоришь правильные вещи, но как-то «по-деревянному». Ты книги любишь?

ГОМАН. Раньше много читал. Сейчас как-то не до книг.

ПЕТРОВ. Читай всегда. Только не дрянь какую-нибудь. Очисти речь от казённых слов. Формулируй мысль по-человечески... Заметил? У нас на каждом опорном пункте стенды с наглядной агитацией, фото наших героев и описание их подвигов. Твоя задача поддерживать их в надлежащем виде. Мы своего рода стабилизаторы душевного напряжения бойцов. Понимаешь?

ГОМАН. Кажется, да.

ПЕТРОВ. Тебе обязательно надо освоить искусство работы с душой солдата. Пускать на самотёк его духовную жизнь нель-

зя. Их поле битвы там, а наше поле битвы – это их души, их сердца, их сознание.

ГОМАН. А как вы стали замполитом?

ПЕТРОВ. По наивности и глупости... В госпитале лежал. Со вторым ранением. И меня навелит тогдашний замполит бригады с пакетом яблок, змей. Он тогда на новое место переводился, с повышением. Ну, и попросил заменить его. Многих до меня уговаривал – никто не соглашался. Я тоже отказался. Сразу и наотрез. На хрена лишняя ответственность? Своих забот выше крыши. Но он такие кружева наплёл, что я и не заметил, как согласился. Кудесник, мать его так... Кстати, там и познакомился с Ольгой Степановной. Она за мужем ухаживала, пока он в реанимации за жизнь боролся. Оказалось, она врач с большим стажем. Я и переманил её к нам. А затем у неё сын погиб. Но тут мы все за неё горой. Чтоб ни в депрессию, ни в уныние. Кто как мог. Как в обычной нормальной большой семье.

Вбегают «Чиж».

«**ЧИЖ**». Товарищ подполковник! Вас в штаб! Срочно! Там с капитаном из второй роты беда!

«Чиж», Петров и Гоман быстро уходят.

СЦЕНА 5

Кабинет. Стол, сейф, несколько табуреток.

Гоман сидит на табурете. Петров за столом.

Входит Глыба.

ПЕТРОВ и **ГОМАН** (*хором*). Здравия желаю!

ГЛЫБА. И вам не хворать. Что произошло? Только быстро. Что за странности с этим капитаном? Фамилию забыл...

ПЕТРОВ. Как и докладывал, отказался выполнять боевое задание. Всё понимает, но ничего не может с собой поделаться. Трemor в руках, ужас в глазах.

ГЛЫБА. Наглухо?

ПЕТРОВ. Думаю, отойдёт.

ГЛЫБА. Что предлагаешь?

ПЕТРОВ. Предлагаю замять... Отправил на камбуз работать... Всю ответственность беру на себя. Готов лично возглавить спасательную группу.

ГОМАН. Разве так можно? Надо рапорт составить. Это предательство. Преступление. Подсудное дело. Там раненные товарищи помощи ждут. Это, как я понимаю, та группа, которую считали погибшей?

ПЕТРОВ. Как они там держатся, ума не приложу.

ГОМАН. А он, видите ли, суеверный. Пригрезилось что-то. Отказывается. А за невыполнение приказа...

ГЛЫБА. Какой принципиальный... Это тот, которого ты выбрал?

ПЕТРОВ. Да.

ГЛЫБА. Уверен?

ПЕТРОВ. Да. Он быстро учится.

ГОМАН. Разве я не прав?

ГЛЫБА. Вы, товарищ старший лейтенант, филиал военно-полевого суда?

ГОМАН. Никак нет!

ПЕТРОВ. Тут, товарищ Гоман, не следует спешить с рапортами. Жизнь человеку за секунду можно испоганить. Так что... Такое случается, особенно на войне.

ГЛЫБА. С людьми работаешь, не с машинами... Я могу настоять на своём. Я умею. И он пойдёт. И ребята пойдут за ним. Но в таком состоянии он вряд ли выполнит задание.

ПЕТРОВ. Скорее группу обнулит. Он правильно поступил. Лучше честно признаться, что не готов, чем корчить из себя... Ты был там, на передке?

ГОМАН. Нет.

ГЛЫБА. Никогда не смогу привыкнуть. Вот только что разговаривал с человеком, перешучивался, сердился, обижался на него за глупую шутку... И вот он лежит. И смотрит в небо. Будто видит нечто такое, что нельзя передать словами. И его грузят. Но это не человек, и даже не покойник, а «двухсотый».

ГОМАН. Но разве он перестаёт быть преступником? Он, так сказать, дезертир.

ПЕТРОВ. Нет. Тут другое. Временное помрачение. Кто хочет «запятисотиться», того можно по взгляду вычислить. Человек замыкается. Фразы становятся сухими. Особенно после интенсивных прилётов. Боец в это время решение принимает, от которого зависит, будет он жить и воевать... Или его накрыло наглухо... Таких нам не вытащить. Только серьёзные спецпсихологи его душу на свет могут вывести.

ГЛЫБА. Хорошо, разрешаю возглавить группу. И старшего лейтенанта с собой возьми.

ПЕТРОВ. Есть!

ГЛЫБА. Час на сборы. Готовьтесь.

Глыба уходит.

ГОМАН. Я, честно говоря, пока не готов.

ПЕТРОВ. На стрельбище был? Стрелять научили? Вот и славно. Справишься... Ещё со времён Великой Отечественной главный принцип воспитательной работы – «Делай, как я!». Необходимость вести отряд в бой перед замполитом не стоит. Однако хороший замполит, если потребуется, должен повести бойцов за собой. Главное, чтобы они пошли за ним.

ГОМАН. За мной точно никто не пойдёт. Даже мне самому пока стрёмно за собой идти.

ПЕТРОВ. Это вопрос времени. Кто-то накапливает авторитет месяцами, годами, а кому-то за один бой удаётся. Тут как проявишь себя. Мы, как видишь, не только за сердца и умы бойцов сражаемся. Так что, не расслабляй булки, держи себя в форме... И ещё: у нас дружная боевая семья, в которой послед-

нее дело выносить сор из избы. Старайся решать все вопросы самостоятельно... Если что, ребята опытные, помогут, подскажут. Иди, готовься к выходу.

ГОМАН. Если честно, всё равно страшно.

ПЕТРОВ. Это хорошо. Страх нужен. Он тебе на уровне инстинктов поможет выжить. Не дай ему себя сожрать. Сделай его своим другом и помощником... И вот тебе персональная задача на этот боевой выход.

ГОМАН. Какая?

ПЕТРОВ. Присматривайся к бойцам, особенно, к вновь прибывшим. Они опытные вояки, судя по документам, но я ещё не ходил с ними. Замечай, если боец начнёт бояться, дрожать или ведёт себя неадекватно: замыкается или, наоборот, излишне веселый. Там, на передовой только ты сможешь его поддерживать. Но когда с выхода вернётесь – срочно убирай его с позиций. Пусть отдохнёт пару дней. Например, к медикам его отведи, чтобы дали успокоительное. Иногда помогает. Главное, чтобы над человеком в этот момент никто не издевался, не глумился, не унижал его достоинство. Всё на взаимном уважении. Мы тут стараемся помогать друг другу. Всё для общей пользы. Как в нормальной здоровой семье... Иди готовься.

СЦЕНА 6

Двор полуразрушенного частного дома в посёлке. Тихий весенний вечер.

На обломках, бревнах и грудях мусора сидят Петров, Гоман, «Чиж», «Лесной» и трое «новобранцев» разведывательно-диверсионной группы. На окопных свечах греют консервы и кипятят чай.

Появляются «Актёр» и «Тунгус». Присаживаются к товарищам.

«АКТЁР». Транспорт спрятали, замаскировали. Теперь можно и поесть.

«ТУНГУС». Деревня почти мёртвая. В крайнем доме, возле ручья, старушка лежит. Живая. Кто-то за ней ухаживает. Следы отчётливые. То ли галоши, то ли сапоги. Размер маленький. Похоже на детские. Техники давно не было, ни с нашей, ни с их стороны.

ПЕТРОВ. Добро. Ближе к ночи выдвигаемся. Пройдём вдоль ручья. Затем к грунтовке, но по ней не пойдём. Вот этим перелеском двинем. Пойдём максимально быстро. К рассвету должны быть на месте. В бой, по возможности, не вступать. Главное, пацанов вытащить.

«ТУНГУС». Однако хорошо сидим.

ГОМАН. «Чиж», слышал, вы поэт.

«ЧИЖ». Стихи читать не буду.

ГОМАН. Хотел узнать, почему вы на СВО добровольцем?

«**ЧИЖ**». Мне кажется, настоящий поэт не может быть в стороне от самых острых событий современности. Особенно, когда это касается его Родины. После армии мама на работу к себе устроила. В монитор смотрю, а там документы, цифры, отчёты... Затем парад потенциальных невест, смотрины... И всё это в то время, когда... Вот и пошёл добровольцем.

ГОМАН. А вы, господин «Актёр»?

«**АКТЁР**». А господин «Актёр» здесь в отпуске. Правда в отпуске. Я на последнем курсе в театральном. (*Подражает одесскому говору*). Ви таки знаете, шо это такое? Ой, вы не знаете, шо это. И дай вам Бог никогда этого не узнать. Вот как утром встал, так до часа ночи и не ложишься. А когда ложишься, надо уже вставать. Там зачёт сдай. Тут роль выучи. А ещё подработка в массовке на съёмках сериалов... Если повезёт... И мне везло.

ГОМАН. И где снимались?

«**АКТЁР**». Из последнего – в сериале «Крутой мент и сорок разбойников». У меня там даже небольшая роль, правда без реплик.

«**ЛЕСНОЙ**». Дай угадаю. В середине второй серии третий бандит слева?

«**АКТЁР**». Можно и так сказать... Хотя роли бандитов мне особенно удаются. «Сколько я зарезал, сколько перерезал». А здесь – другое дело. Забываешь о суматошной жизни в столице, о тусе. Тут всё по-настоящему. Жизнь по-настоящему. Друзья по-настоящему. Хотя, признаюсь, уже тянет применить на сцене накопленный здесь багаж образов.

«**ЛЕСНОЙ**». А я, можно сказать, из Донецка. Хотя родился в Череповце. Родители давно туда перебрались, на сталелитейный. А меня каждое лето отправляли к бабушке, под Донецк. А затем бабушка умерла. Я приезжал пару раз. Затем как-то приехал, а дома нет. Почти такие развалины стоят, как эти... Но последней каплей стало, когда увидел по телевизору, как по моей украинской земле танк едет, а на нём – свастика. Словно ожили картинки из книг... Это что получается? Мой дед-герой не добил врага? Непорядок. Деда нет в живых. Но пусть эти черти не расслабляются – я за него!

ГОМАН. Надолго всё это, как думаете?

«**ЛЕСНОЙ**». Кто его знает?

«**ТУНГУС**». Главное, не дата в учебниках истории, а когда это закончиться в душах у людей. Злости много, ненависти много. Слезы и с той, и с другой стороны.

«**ЛЕСНОЙ**». Да уж, призывы к братству сейчас – словно насмешка. Много времени должно пройти, чтобы из памяти... Думаю, не одно поколение.

ПЕТРОВ. Сколько раз в российской истории было – только что воевали, убивали друг друга, кричали, что никогда не задружился, и вдруг мы в одном строю, плечом к плечу... Недавно читал про адмирала Ушакова. Ой, как он турецкий флот

бил. Те на него даже охоту объявили, персональную клетку приготовили. Россия и Турция – непримиримые враги... И вдруг французы с Наполеоном... И вмиг непримиримые враги стали союзниками. А совместную русско-турецкую эскадру возглавил Ушак-паша, то есть наш Ушаков. Султан после славных побед на море ему челенг пожаловал. (*Общий смех*). Произношу по слогам – че-ленг. Это такое ювелирное украшение – перо вот с таким алмазом. К чалме крепили.

«**ТУНГУС**». Последнее подобное примирение совсем недавно было.

«**АКТЁР**». Да, действительно... Ахмат – сила! Аллаху Акбар!

«**ЧИЖ**». А ведь нас всех Бог любит.

«**АКТЁР**». О, «Чижик» проснулся.

«**ЧИЖ**». Помните, когда мы в том посёлке на пулемётный расчёт нациков возле дуба наскочили? Огромный такой дуб.

«**ЛЕСНОЙ**». Быстро мы их сняли.

«**ТУНГУС**». Они обдолбанные были.

«**ЧИЖ**». А по нам миномёты начали работать... Носу не высушень... Четырнадцать прилётов.

«**АКТЁР**». Ты что, считал?

«**ЧИЖ**». Конечно, считал... Как тогда под этими корнями мы все уместилась – до сих пор не понимаю. Я так в землю вжался. И как начал рыть... А дуб стоит, скрипит, терпит, но защищает. Его плоть металлические осколки рвут, но он стоит и терпит... А затем танк по нам шархнул... А ещё этот дрон-камикадзе.

«**ЛЕСНОЙ**». Ещё бы не помнить. Видимо тогда нас окончательно решили раскатать.

«**ТУНГУС**». Спасибо второй роте – вовремя подоспели.

«**ЧИЖ**». А дуб кряхтел, скрипел, но стоял и продолжал защищать нас.

«**АКТЁР**». Тут ни Бог, ни дуб ни при чём. Просто нора, которую ты вырыл под корнями, с научной точки зрения, была сделана идеально. Никакие взрывы бы не достали. Особенно, когда нас земелькой всех присыпало. Это, брат поэт, физика!

«**ЧИЖ**». И вовсе не физика. Представь, это Бог шепнул дубу: «Защити моих бойцов». Когда домой вернусь, дуб обязательно посажу. Он станет большим, с раскидистой кроной. И мы все возле него будем чай пить, когда вы ко мне в гости приезжать будете. Я даже один самовар приглядел в магазине. Красивый, пузатый.

«**ТУНГУС**». Дубы долго растут. Не успеет вырасти.

«**ЧИЖ**». Главное, вырастет. Не нам, так детям или внукам на радость.

Во дворе появляется Серафима Ивановна.

СЕРАФИМА. Расселись. Долго ещё у меня во дворе торчать будете? Вас никто сюда не звал.

ПЕТРОВ. Извините. Так получилось, что... Мы скоро уйдём. Как вас зовут?

СЕРАФИМА. Конечно, уйдёте... Расселись, закусывают... Зачем тебе моё имя? Я с вами знакомиться не собираюсь... Дом мой разрушили! Всю мою жизнь разрушили! А теперь имя спрашивают... Вот наглые!.. Серафима Ивановна я. Там – Архиповна лежит, помереть не может. Не ходит совсем. А больше и нет никого.

ГОМАН. Как же вы живёте здесь одни?

СЕРАФИМА. Живём?! Лучше уж добейте нас с Архиповной. Такую старость нам устроили!.. Тьфу на вас, ироды!.. Последние крохи доедаем. Так ещё и вас бояться?! Тьфу на вас, тысячу раз! Не боюсь я вас!

ПЕТРОВ. Серафима Ивановна, кроме еды, чем мы можем вам помочь? На обратном пути можем вместе с Архиповной в тыл эвакуировать.

СЕРАФИМА. Не надо нам ничего от оккупантов!.. Сына, царствие ему небесное, убили. Внук, кажется, до сих пор воюет, нашу Родину – Украину защищает... А вы меня в русский тыл?! Вот наглые!.. А если застрелите меня, я в претензии не буду. Вы и так всё у меня отняли.

«**ЛЕСНОЙ**». Хитра ты, мать... Пока не коснулось лично, думала всегда хата с краю будет? Чего ж ты молчала, когда твой сын и внук обнуляли русских, которые не захотели жить по украинским лекалам? Дети, женщины, старики... С ними легко было расправляться. Но твой сын и внук, видимо, забыли, что у этих детей есть отцы... И рано или поздно, если бы мы не пришли, эти разгневанные шахтёры пришли бы к вам, и вовсе не чай пить.

СЕРАФИМА. От, ты гляди-ка! Так вы ещё и спасители наши!.. В ножки тебе поклониться?

ГОМАН. Да, у каждого своя правда.

СЕРАФИМА. Вы вот сейчас куда пойдёте? Украинских хлопцев убивать? А знать и моего внука.

ПЕТРОВ. Мы никого не хотим убивать. Я, например, иду защищать твоего внука, пусть даже от него самого. Украина – это моя страна. Россия – это моя страна. Это всё – моя Родина! Вы все – моя семья! Ты – моя семья! Твой внук непутёвый с зарранными мозгами – моя семья! Если выяснится, что он воевал честно, зверств над мирными и пленными не устраивал, я его накажу по-отечески, без злобы, но накажу. Но если он превратился в зверя, поступлю как с бешеным зверем. Я не воюю со своей семьёй! С вами я не воюю!.. Мы вступили в бой с куда большим Злом... Собираемся. Через пять минут выдвигаемся.

СЕРАФИМА. Ишь разошёлся. Родственничек.

ПЕТРОВ. Это вам. (*Протягивает две банки консервов.*)

СЕРАФИМА. Сказала же, не возьму.

Петров ставит банки на обломок лавки. Бойцы готовятся к выходу, проверяют рюкзаки, оружие, амуницию. Каждый оставляет по банке консервов на той же лавке.

Бойцы уходят. Серафима Ивановна некоторое время смотрит на консервы. Затем она плюёт вслед ушедшим, крестит банки консервов, собирает их и уходит.

СЕРАФИМА. Спасибо, Господи!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА 1

Большой стол под камуфлированным навесом. Военнослужащий в белом фартуке и поварском колпаке заканчивает накрывать праздничный стол к Пасхе.

Появляется Глыба, осматривает стол.

ГЛЫБА (повару). Молодец! И аппетитно, и красиво... Молодец!.. А вот и наши герои!

Появляются Петров, Гоман, «Чиж», «Актёр», «Лесной», «Тунгус» и новобранцы. Под их присмотром двое пленных – девушка Наталья и юноша Пётр, оба в наручниках.

ГЛЫБА. Ну, Петров, ты в своём репертуаре – задачу выполнил, всех обратно привёл, никого не потерял... Даже больше нормы. Это кто?

ПЕТРОВ. Пленные. Сейчас ребята из фильтра их заберут. Вообще-то больше было – пятеро. Но трое размалёванных наколками отказались к нам в гости ехать.

ГЛЫБА. Нацики?

ПЕТРОВ. Да. Решили обнулиться. Никто возражать не стал.

ГЛЫБА. А эти?

ПЕТРОВ. Парнишка – мобик из Николаева, только призван. Совсем зелёный. А вот девушка, кажется, серьёзная.

ГЛЫБА. Снайпер?

ПЕТРОВ. Похоже на то. Спецы из фильтра выяснят.

ГЛЫБА. А наши?

ПЕТРОВ. Все «трёхсотые». Один совсем плох. Позывной «Булка». Помнишь, огромный такой, лысый? Ты ещё сказал, что на Шрека из мультика похож.

ГЛЫБА. Помню.

ПЕТРОВ. Кишки наружу, но держится. Всех в госпиталь передали. Вовремя успели.

ГЛЫБА. А чего этих сюда? Я специально для вас стол пасхальный готовил. Весь личный состав уже отпраздновал. Отец Илия приезжал, молебен провёл, освятил – всё как надо. Сейчас к соседям поехал. О тебе спрашивал. (*Шёпотом*). Признайся, это он тебя соблазнил?

ПЕТРОВ. Чего?

ГЛЫБА. Ну, в монастырь.

ПЕТРОВ. Да пошёл ты, товарищ полковник!

ГЛЫБА. Значит, не он.

ПЕТРОВ. А эти с нами пусть немного посидят. Праздник всё-таки.

ГЛЫБА. А как наш принципиальный?

ПЕТРОВ. Нормально. Даже геройски. Хочу к награде представить. Всё в рапорте изложу.

ГЛЫБА. Первый выход – и сразу геройский? Надо же, а так вроде и не скажешь.

К столу под навес постепенно подходят другие военнослужащие, здороваются с ребятами, рассаживаются, некоторые удивлённо смотрят на военнопленных за столом. Появляются «Лавина» и Ольга Степановна.

ПЕТРОВ. Ты как? Может, с нами?

ГЛЫБА. Да я бы с удовольствием. Но в штаб вызвали. Тороплюсь. Тебя хотел увидеть. (*Подходит к столу*). Так, ребята и девчата, всех с праздником. А вам, пацаны, огромное спасибо, что наших спасли, и живыми вернулись... А от тебя, Александр Васильевич, к вечеру жду отчёт, рапорт и представление к наградам. Всё, командуй!

Глыба уходит.

ПЕТРОВ. Все собрались? Так, за стол. Накладывайте, наливайте. Празднуем!.. А вы чего глазами хлопаете? Ешьте. Наручники не снимем. Управляйтесь так. Помогите им, кто поближе.

ОЛЫГА. Я видела раненых. Как вам удалось их эвакуировать? Даже не представляю.

ПЕТРОВ. Ребят нашли быстро. Оказывается, они успели часть колонны в хлам. Хотя им тоже досталось. Охоту за ними устроили. Как они держались столько дней без еды и воды? Затем их взяли. Уже грузили в транспорт, а тут мы. Татуированных слили, этих с собой. Транспорт угнали. Это Пётр Кречетов – новобранец, мобилизованный из Николаева. А это Наталья Коренкова – то ли медсестра, то ли снайпер.

«ЛЕСНОЙ». Животным, от которых намерен избавиться, не надо давать имена – можно привязаться. Ты зачем им имена дал, командир? Я бы вовсе их в плен не брал, особенно после того, что они с «Булкой» сделали.

ПЕТРОВ. Я им не давал имена. Они сами сказали.

«ЛЕСНОЙ». Так они врут. Они всегда врут.

ПЁТР. Я не вру. Я не зверь. Честное слово. И у меня действительно есть имя, я – Пётр Кречетов.

«ЛЕСНОЙ». Доброволец?

ПЁТР. Мобилизованный. Но я люблю Украину. Я люблю свою Родину... Меня спрятать не успели. Во дворе поймали. У мамы денег на выкуп не было. А отец и дядя Толя уже в Польшу уехали... Странно, вроде у русских в плену, а меня куличом угощают.

«АКТЁР». А что странного? На вот, яичко съешь.

ПЁТР. Рассказывали, вы пленных мучаете и на куски режете. Лучше сдохнуть, чем к вам в плен.

ГОМАН. Жаль, что вы плохо образованы, молодой человек. Мало читаете.

ПЁТР. Наоборот. Я очень много читаю.

ГОМАН. Разве?.. Да, война – вещь жестокая. На войне убивают. Иногда гибнут и мирные жители. Но русское воинство во все времена отличалось... Даже в зарубежной классике это неоднократно отмечено... Совесть, честь, душа – они никогда не позволяли нашим воинам опускаться до зверств... Наше командование и руководство во все исторические периоды всегда на этом делали акцент. Хотя неоднократно имели право ответить на зверства врага. Мы никогда этого не делали. В наших душах это никак не стыкуется с понятием совесть. Это и отличает нас от других народов... Многие ищут тайну русской души. Она, в том числе, и в этом. Суворов прославился таким отношением к пленным. А во времена Великой Отечественной... Вот уж когда в полном праве наши деды могли «глаз за глаз». Но принципиальная позиция руководства страны была другой – «Нет, мы так делать не будем».

«Лавина» подходит к Наталье. Девушка держит в руках красивое яйцо, словно не знает, что с ним делать.

«ЛАВИНА». Я узнала тебя.

НАТАЛЬЯ. Я тебя тоже. В двадцатом на соревнованиях пересекались.

«ЛАВИНА». Значит, теперь Наталья Коренкова? И давно?

НАТАЛЬЯ. Полтора года. Он был тренером по боксу. Восемь месяцев назад погиб. В БТР сгорел.

«ЛАВИНА». Глажу, браслетик. И сколько бусинок?

НАТАЛЬЯ. Шестьдесят четыре. А у тебя?

«ЛАВИНА». Больше. Скоро сотня. За мужа мстишь или из-за денег?

НАТАЛЬЯ. Всё вместе. А ты?

«ЛАВИНА». Я за Родину.

НАТАЛЬЯ. Красиво. Такая же убийца, как и я, только в пафосной обёртке.

«ЛАВИНА». Ничего подобного! Во-первых, я лучше. Во-вторых, правда на моей стороне. Как ни крути. Вот ты сейчас сидишь с нами за столом целая и невредимая. Кулич с тобой преломили. А что вы с нашими ребятами в плену вытворяете? Знаешь? Ты видела? Ты же знаешь... Да, знаешь.

НАТАЛЬЯ. У нас там выбора особо нет. Либо вместе с ними, либо бежать из страны. Что с этим прикажешь делать?

«ЛАВИНА». Да что угодно! Убивать не надо! Делай вид, что убиваешь, но не убивай.

НАТАЛЬЯ. Неужели ты так делаешь?

«ЛАВИНА». Я убийц убиваю. Как это назвать, когда убиваешь убийц?

«ТУНГУС». Охота на зверя. Так у нас говорят.

К «Лавине» подходит «Актёр».

«АКТЁР». «Лавина», успокойся. Не переживай из-за девушки. Не надо горячиться, не тот день сегодня. Держи, давай

лучше яйцами стукнемся. Знаешь, мы дома всегда яйцами стучались – у кого не лопнуло, тот и победил.

«ЛАВИНА». Да пошёл ты!

«Лавина» уходит.

«АКТЁР». А чего я такого сказал? Почему обиделась? Не каждую девушку можно развеселить. (*к Наталье*). Держи вот так, острым концом, оно более боевое. (*«Актёр» бьёт яйцом по яйцу в руках Натальи. Яичко девушки лопается, «Актёр» празднует победу. Девушка, глядя на разбитое яичко, плачет.*) Что я опять не так сделал? Ты... Ты не плачь! Давай почищу. Вот, ешь, оно вкусное. Правда. И кулич держи. И чаем запивай. Ты пойми, всё, в принципе, неплохо закончилось. Главное, живая.

НАТАЛЬЯ. Неживая я! Неживая!

Появляются двое военнослужащих.

ПЕТРОВ. За пленными? Забирайте... Пленные, на выход!.. Яиц с собой на дорогу им дайте и кулича. И бойцам тоже пасхальные подарочки соберите... Вот сопроводительные документы и служебная записка Фролову. Рапорт завтра ему подвезу.

Пленные в сопровождении бойцов уходят.

ПЕТРОВ. А теперь хочу поздравить старшего лейтенанта Гомана с первым героическим поступком во время выполнения боевой задачи. Документы подготовлены, сегодня вечером будут отправлены на утверждение командования.

«АКТЁР» (*подходит к Гоману и жмёт ему руку*). Молоток, так держать! Пряма так и вижу, как старший лейтенант превращается в легендарного орденоносца. А затем я его в блокбастере играю... Согласен, мы не похожи. Но, братцы, современные гримёры творят чудеса. Родная мама не отличит. У тебя есть мама?

ГОМАН. Есть.

«АКТЁР». Так вот – она не отличит.

«ЧИЖ» (*подходит к Гоману, жмёт ему руку*). Боец наш юн, но возраст не помеха // Для совершенья подвигов в бою. // Иди же, друже, в бой – тебя там ждёт победа! // Я горд идти с тобой в одном строю.

Все аплодируют.

«ЛЕСНОЙ» (*подходит к Гоману, жмёт ему руку*). Поздравляю, товарищ старший лейтенант.

«Лесной» отводит Петрова в сторону, пока бойцы продолжают поздравлять смущённого Гомана.

«ЛЕСНОЙ». Командир, ты зачем свой честно заработанный подвиг ему отдаёшь? Мы все видели, кто что делал. Кто от страха едва не обделался и прятался, а кто делом занимался.

ПЕТРОВ. Вы тоже без награды не останетесь.

«ЛЕСНОЙ». Дело не в нас и не в наградах. Он же струсил!

ПЕТРОВ. Но, главное, взял себя в руки и вернулся. И очень помог мне – раненых на себе из оврага до транспорта таскал, пока бой шёл. Разве нет? Мне эта награда погоды не сделает, а

ему на пользу. В себя поверит. Мы с тобой за короткий срок из него такого боевого замполита сделаем, будешь вспоминать и благодарить меня.

«ЛЕСНОЙ». А сам куда?

ПЕТРОВ. На другую службу.

«ЛЕСНОЙ». Ты чего, замполит, бросаешь нас? Хочешь на него всё это хозяйство оставить?

ПЕТРОВ. Прозвучало грубовато. Но суть передана верно. И ты мне в этом поможешь.

«ЛЕСНОЙ». Ну, тебе виднее, командир. Тебе виднее.

«Лесной» и Петров жмут друг другу руки.

СЦЕНА 2

Небольшой склон возле прошлогодней воронки, на котором видны цветные пятна маленьких ранних цветов.

На склоне сидит «Лавина», утирает слёзы. Появляется «Тунгус».

«ТУНГУС». Плачешь? Зачем плачешь? Почему плачешь?

«ЛАВИНА». Я не плачу.

«ТУНГУС». Слёзы льёшь? Зачем слёзы льёшь?

«ЛАВИНА». Глаза промываю.

«ТУНГУС». Молодец! Цветок хочешь?

«ЛАВИНА». Нет.

«ТУНГУС». Тогда держи конфету. Ешь. Она сладкая.

«ЛАВИНА». Спасибо.

«ТУНГУС». Можно рядом сесть?

«ЛАВИНА». Валяй. Только земля холодная.

«ТУНГУС». «Тунгус» — опытный охотник. У меня под попу всегда с собой коврик есть.

«ЛАВИНА». У меня тоже.

«ТУНГУС». У тебя красивый. Аккуратный... Зачем плакала?

«ЛАВИНА». Никак себя понять не могу.

«ТУНГУС». Никто себя понять не может. Шаман может, но шамана рядом нет. Мой старший брат шаман. Мудрый и сильный. К нему за советом многие приезжают. Сильный. Хочешь, когда в город поеду, я позвоню ему, о тебе скажу. Он у духов спросит. Что они посоветуют, тебе расскажу. Хочешь? Он очень сильный.

«ЛАВИНА». Не верю я в это.

«ТУНГУС». Духам твоя вера не нужна. С ними шаман разговаривает.

«ЛАВИНА». Спасибо, не надо.

«ТУНГУС». Ты поверила в слова той девочки, что ты убийца? Поэтому плачешь?

«ЛАВИНА». Нет. Плевать мне на её слова.

«ТУНГУС». Её жаль?

«ЛАВИНА». Нет. Себя жаль.

«ТУНГУС». Себя? Почему?

«ЛАВИНА». Не знаю... Боюсь возвращения домой.

«ТУНГУС». Как так?

«ЛАВИНА». Вот ты вернёшься. Что делать будешь?

«ТУНГУС». О, дома много дел. Дом в посёлке обновить надо. Чум для стойбища новый купить. Всем братьям помочь надо: и руками, и денежкой.

«ЛАВИНА». И много братьев?

«ТУНГУС». Пятеро... Они молодцы. Моей Айне всегда и рыбу принесут, и зверя с охоты, и со стадом помогают. Говорит, во всём помогают... Детям игрушек куплю, планшеты, лыжи пластиковые беговые, два дрона, много всего – у меня список на две страницы. Надо купить.

«ЛАВИНА». Ещё есть конфеты?

«ТУНГУС». На, ешь.

«ЛАВИНА». Вот, видишь, у тебя семья: жена, дети, хозяйство. А у меня нет ничего.

«ТУНГУС». И друзей нет?

«ЛАВИНА». Были. Сейчас не знаю. Они какими-то чужими стали. Когда в последний приезд с ними встретила в ночном клубе... Не понимают. Я их не понимаю. Они – меня. Мы совсем разные. Все мои друзья, кажется, теперь здесь... Да и кем я там работать буду? Специальности нет... Вряд ли смогу в офисе усидеть.

«ТУНГУС». Тренером спортивным можешь.

«ЛАВИНА». Не хочу.

«ТУНГУС». В центр ветеранский сходишь, они помогут, специальность подберут, научат.

«ЛАВИНА». Хотя можно и контракт продлить.

«ТУНГУС». Можно.

«ЛАВИНА». И что тогда? Вся жизнь – армия?

«ТУНГУС». Это очень хороший вариант. Это путь, у которого есть сердце, достойный путь... Да и семья...

«ЛАВИНА». Что семья?

«ТУНГУС». Ты зачем Мишу «Актёра» отталкиваешь?

«ЛАВИНА». Да он какой-то несерьёзный. Симпатичный, но... Шут, одним словом... Какой-то ненадёжный.

«ТУНГУС». Неправда. Я видел, как он воюет. Надёжный, внимательный, быстрый и серьёзный... А за дурацкими шутками прячет свою неуверенность, влюблённость... У мужчин так бывает... Ой, ты бы слышала какой я бред говорил, чтобы понравиться моей Айне, когда ухаживал. Очень хотел перед ней умным быть, а получалось наоборот... Даже олени смеялись надо мной. Я им рассказываю, делюсь своей болью, а они ржут... И вроде не лошади... А моя Айна мудрая, она внутрь меня посмотрела, всё поняла и поверила.

«ЛАВИНА». Человек-рентген. Повезло. И как в душу человека заглянуть?

«ТУНГУС». Наблюдать. Айна видит – мне стадо большое доверили, видит – не пью алкоголь, видит – с младшими братья-

ми и сёстрами нянчусь умело. И сделала вывод – парень не дурак, ответственный, добрый... А потом и духи своё слово сказали.

«ЛАВИНА». Через шамана, через твоего старшего брата?

«ТУНГУС». Он сильный шаман.

«ЛАВИНА». Понятно.

«ТУНГУС». Вижу, как «Актёр» за своим оружием следит. Вижу, как он аккуратно и надёжно берцы затягивает. Точно говорю – он хороший мужчина.

«ЛАВИНА». Может быть. Но смотрю на него – не вырастают у меня крылья за спиной.

«ТУНГУС». Крылья растут два-три года, пока кровь бурлит. А затем всё. Это баловство, влюблённость. А семья – это другое. Это... Это...

«ЛАВИНА». А у Айны были крылья, когда ты за ней ухаживал? Как думаешь?

«ТУНГУС». Может были, небольшие, как у стрекозы. Мы вместе с ней пару десятков зим пережили. Потому что у нас настоящая любовь. Потому что у нас общие дети, общие олени, у нас всё общее. И даже крылья общие. Обнялись и полетели. А когда врозь... Чего летать-то? Да и как с одним крылом? Махай, не махай – всё одно не взлетишь, одно баловство и упадок сил. Приглядишься к нему. Я не шаман. Брат шаман. Но ты приглядишься. Он хороший.

«ЛАВИНА». Пригляжусь. Мне на днях оптику на винтовку волонтеры подарили. Обалденная оптика. Смогу теперь каждую его ресничку рассмотреть.

«ТУНГУС». Смешно. На ужин пойдёшь?

«ЛАВИНА». Пойду. Даже есть захотелось.

«Лавина» и «Тунгус» уходят.

СЦЕНА 3

Весенний сад возле санчасти.

Появляется Ольга, выполняет дыхательные упражнения. Появляется «Чиж».

«ЧИЖ». Ольга Степановна... Ольга, мне с вами срочно надо поговорить.

ОЛЬГА. Что-то случилось?

«ЧИЖ». Случилось. Это давно случилось. Но молчать об этом я не могу... Я вас люблю!

ОЛЬГА. Ах, это... Это пройдёт.

«ЧИЖ». Я вам совсем-совсем не нравлюсь?

ОЛЬГА. Нрависься. Очень нравишься. Как друг, как однополчанин, как человек. Иногда даже как поэт. Но не как мужчина. Ты пойми, у нас с тобой кошмарная разница в возрасте. У меня сыну столько лет, сколько тебе.

«ЧИЖ». Так это хорошо. Мы с ним подружимся.

ОЛЬГА. Не подружитесь.

«ЧИЖ». Тяжёлый характер?

ОЛЬГА. Он погиб. Добровольцем в двадцать втором ушёл и погиб.

«ЧИЖ». Охренеть!.. А я думал, только муж... А ещё и сын... Охренеть!

ОЛЬГА. Точнее не скажешь... К тому же, милый мой «Чижик», через пять, ну, через десять лет вся моя женская привлекательность сползёт как позолота. В то время как ты только начнёшь наливать соком зрелости, превратишься в прекрасного мужчину. И станешь знаменитым поэтом. И вручают тебе государственную премию в Кремле за вклад в литературу. Солидный мужчина в сопровождении старухи. А вокруг будут перешёптываться: «Это его мама?», «Нет, это его жена». «Что вы говорите? Какой ужас». Тебе неловко, мне неловко... Настоятельно рекомендую присмотреться к Валентине, у соседней в санчасти служит. Молодая, красивая, незамужняя. Соперников, конечно, море, но ты поэт, к тому же красавчик, у тебя есть шанс.

«ЧИЖ». Меня отвергла самая мудрая женщина на свете.

ОЛЬГА. *(поцеловав в щеку).* Спасибо, «Чижик».

«ЧИЖ». А знаете что?

ОЛЬГА. Что?

«ЧИЖ». К тебе, как гость неожиданный и далёкий, // Я иногда во сне являться буду. // Войду чуть слышно в темноту ночную, // Взгляд устремлю, чтобы тебя увидеть, // Присяду кротко, нежно поцелую // И, наглядевшись, незаметно выйду.

ОЛЬГА. Это твои стихи?

«ЧИЖ». Нет, это один болгарский поэт написал. Красиво. Вот и запомнил... Я так пока не умею... Пойду посмотреть в небо, есть о чём подумать.

«Чиж» уходит, столкнувшись с входящим в сад Петровым, которого даже не заметил.

ОЛЬГА. Привет! А у тебя что?

ПЕТРОВ. Таблетки кончились, а бедро вновь о себе настойчиво... А что это с «Чижиком»?

ОЛЬГА. Несчастливая любовь отвергнутого поэта.

ПЕТРОВ. Мне стоит беспокоиться?

ОЛЬГА. Нет. Печаль его светла. Она быстро переплавится в несколько строк удачной или посредственной лирики... Присаживайся. Сейчас принесу таблетки.

ПЕТРОВ. И водички, если можно. Сразу здесь выпью. А то, зараза, тянет.

Петров садится. Ольга уходит и возвращается с таблетками и стаканом воды. Петров ест таблетку, запив водой.

ОЛЬГА. А я к тебе собиралась.

ПЕТРОВ. Какие-то проблемы или чем помочь?

ОЛЬГА. По личному вопросу... Ну вот, себя облил... Слышала, намерен покинуть нас?

ПЕТРОВ. Однако слухи расходятся быстро.

ОЛЬГА. Как сюда пригласил меня, помнишь?

ПЕТРОВ. Помню. Конечно, помню.

ОЛЬГА. Буду говорить откровенно... Я женщина одинокая. Опереться мне в жизни теперь не на кого. Ты мне тогда понравился. А сейчас и подавно... Даже больше, чем нравишься... Мне в какой-то момент показалось, что и ты ко мне неровно дышишь... Я ждала. Долго ждала от тебя каких-то действий. Но ты не действовал. А сейчас выясняется, ты намерен уйти от нас, куда-то перевестись... Может у меня ещё есть шанс наладить с тобой близкие отношения?

ПЕТРОВ. Я расскажу. Тебе расскажу... Я намерен уйти в монастырь.

ОЛЬГА. Это шутка?

ПЕТРОВ. Нет.

ОЛЬГА. Звучит, как шутка... А зачем? Почему сейчас? Почему?

ПЕТРОВ. Недавно у меня погибла семья. Вся. Разом. Жена, сын, дочка. Разом. Я держался. Старался держаться. Чтoб никто не заметил...

Ольга обнимает сидящего на табурете Петрова.

ОЛЬГА. Господи, за что ж ты нас так?

ПЕТРОВ. Глыба почти сразу понял. Сам узнал. Но ему можно, мы с ним почти с самого детства, ещё с Суворовского училища... А больше никто... Да и не надо. Не хочу, чтоб жалели. Но начал замечать, что сердце черствеет, как хлебушек... Боюсь чудовищем стать... «Лесной» на словах грозен, типа, расстреливать их всех, не брать пленных. Блеф. Сам лично видел, человеком остался. Всегда сначала предлагает им сдаться, даже нацикам. А вот я поймал себя на мысли, когда увидел, как они волокли «Булку» к транспорту, что... Едва не сорвался.

ОЛЬГА. Понимаю. Я тоже... Также боялась, что однажды принесут ко мне раненого пленного «укропа», а я ему помочь не захочу. Сына и мужа припомню... А затем принесли. Помню, разворчалась, пофыркала, но сделала операцию. Ворчу и делаю... Просто время такое: каждый день экзамен на звание человека сдаём. И не только здесь, на СВО... Потому что это не просто мы и они, это словно библейские Добро и Зло, думаю – финальный раунд... А монастырь... Бои сейчас на всех фронтах, на всех уровнях. У Бога каждый воин на счету. Тебе ли не знать, замполит?

СЦЕНА 4

Поляна – импровизированная аудитория со скамьями под камуфлированной сетью.

На скамьях рассаживаются военнослужащие. Среди них – «Чиж», «Актёр», «Лесной» и «Тунгус». Появляется Петров.

ПЕТРОВ. Мужики, нужна помощь. Сейчас у вас проведёт политинформацию замполит третьей роты. Хочу экзаменовать его

на психологическую стойкость. Устройте ему групповой спарринг. Включите неадекватный режим. Как вы умеете. Цепляйтесь к словам. Попробуйте раздавить. Но без злобы, без унижений, в рамках закона. За десять минут сомнёте?

«АКТЁР». Легко!

ПЕТРОВ. Легко?! Ставлю на то, что у вас не получится.

«ЛЕСНОЙ». Ого!.. В нашу неадекватность перестали верить! Мы принимаем бой!

«ТУНГУС». Что на кон?

ПЕТРОВ. Желание. Любое.

«ЧИЖ». Как карточный долг? Всё по-серьёзному?

ПЕТРОВ. Да... Десять минут.

Появляется Гоман.

ГОМАН. Здравствуйте, товарищи... Товарищ подполковник, разрешите начинать?

ПЕТРОВ. Начинайте... Не буду вам мешать.

ГОМАН. Вы не останетесь?

ПЕТРОВ. Я позже подойду.

Петров уходит.

ГОМАН. Тема занятия: «Общеполитическая обстановка в мире. Необъявленная полномасштабная гибридная война против Российской Федерации в период Специальной военной операции». (*«Тунгус» поднимает руку*). Что такое? У вас какой-то вопрос?

«ТУНГУС». Есть вопрос. Вы замполит?

ГОМАН. Так точно. А почему спрашиваете?

«ТУНГУС». Странно. Когда на «срочке» служил, ещё тогда, давно, раньше... Политруки взрослые были, с жизненным опытом, всех подряд в политруки не брали.

«АКТЁР». У старшего лейтенанта не хватает речитатива, чтобы ответить. Как считаешь, поэт?

«ЧИЖ». А мне мама говорила: «Сторонись, сынок, психологически слабых личностей».

«ЛЕСНОЙ». Армия без жёсткой дисциплины – это толпа.

ГОМАН. Что происходит? Я недавно с вами на выходе был. Плечом к плечу в бою раненных вытаскивали. Вы почему сейчас предаёте меня?.. Вы люди опытные, взрослые... Да, со мной можно по-простому. Задавайте любые вопросы. Единственное, я буду строг в вопросах дисциплины.

«АКТЁР». А у нас сейчас в стране есть идеология?

ГОМАН. Конечно. Это идеология патриотизма, любви к Родине. Моя задача наладить военно-патриотическое воспитание личного состава в нашем подразделении.

«ТУНГУС». Странно. А в Конституции записано, что у нашего государства нет идеологии.

«ЧИЖ». Патриотизм или родинолюбие – это не идеология, это состояние души. А идеология у нас запрещена на уровне Конституции.

ГОМАН. С чего ты взял? Наш Верховный главнокомандующий в одном из своих обращений дал чётко понять, что...

«**АКТЁР**». Статья тринадцать, пункт два. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной... И это все твои пропагандистские лозунги, замполит?

ГОМАН. Я не понимаю, чего вы добиваетесь.

«**ЛЕСНОЙ**». Там, за ленточкой, много иностранных наёмников. Они решили поохотиться на нас, словно на дичь... Мы это знаем, мы это видим... Есть там ещё нацики. Они хуже эсэсовцев из книжек. Мы для них – никто... Даже наши дети для них – пыль.

«**АКТЁР**». Абстрактных ответов нам не надо. Ты нам конкретику дай.

«**ЧИЖ**». В моих руках победа – так автомат мне говорит... Ай! Кажется, я ухо обжог!

«**ТУНГУС**». На него пописать надо. Быстро заживёт.

«**ЧИЖ**». Я гибкий, но не до такой степени, чтобы на ухо мочиться.

«**АКТЁР**». Я могу помочь. У меня целебная.

«**ЛЕСНОЙ**». А у меня вообще донорская.

«**ЧИЖ**». Да пошли вы!

ГОМАН. Отставить! Почему вы срываете занятие?

«**ЛЕСНОЙ**». Мы здесь с риском для жизни оперируем, вырезаем злокачественную опухоль, боремся с метастазами... А в это время у нас за спинами, в тылу... Что?

ГОМАН. Что? О чём вы?

«**ЧИЖ**». А наши уста позорно молчат. Мы молча продолжаем терпеть. О, моя Родина! Заброшенная целина. Глушь захолустья. От полярных вьюг до жгучих засух. И по этим землям, как псы бездомные, плетутся унылые года.

ГОМАН. Что? Я не понимаю.

«**ЧИЖ**». Иногда мы оплакиваем души наших погибших товарищей. Иногда этот плач превращается в песни, стихи, книги. Но эти песни и стихи не слышат – им не интересно, им скучно. Борьба за деньги. Серая жизнь. Но они ждут просвета.

«**ЛЕСНОЙ**». Мы же сами!.. Разве нас кто-то под пули толкает? Разве нас кто-то заставляет умирать? Мы же сами! Сейчас, наверно, и дурак понимает, что мы своё слово должны сказать.

«**АКТЁР**». Людям необходимы мифы. Люди любят мифы. Я на третьем курсе один этюд поставил. Он как раз в тему политзанятия. Товарищ замполит, позвольте? Я быстро.

ГОМАН. Ну, пожалуйста... если по теме занятия.

«**АКТЁР**». Представьте. Сказочная страна. Почти у края карты. И эта страна пребывает в глубокой печали – её экономика больна. И лихорадит её не первый год, не первое десятилетие, не первый век... Но однажды правители страны – в той стране их много... Так вот, они решили стать спасителями. И пообещали народу всё исправить... Они нашли гениальную идею –

усыпить население, хотя бы на год. Богатство народные – в банки под выгодные проценты. Спящие без тепла и света вполне обойдутся. Автомобили им тоже ни к чему. С едой и одеждой и вовсе никаких проблем... Всем гражданам устроили процедуру замедления жизнедеятельности, что-то вроде зимней спячки. Всем, да не всем. Оставили бодрствовать пограничников и правительственных говорунов, чтобы держава не осталась без защитников на мировой политической арене. Прошёл год. Настал миг пробуждения. Но праздника не получилось. Оказалось, неправильно посчитали. Столько времени на народе сэкономили, прибыли по вкладам выгадывали. Но забыли, что ничего не производилось. Всё пришло в запустение – поля заросли, станки заржавели. Зато весь мир хохотал над той страной у края карты. Затем её пожалели, даже денег дали. А как первые пятьсот миллионов поступили в казну – на них сразу памятники Великим Усыпителям поставили. Из чистого золота. Правда, на следующий день их украли... Ну, я так понимаю, десять минут прошли.

ГОМАН. Какие десять минут?

«**ЛЕСНОЙ**». Даже больше. С запасом.

Появляется Петров.

ПЕТРОВ. Слышал, слышал... Товарищ Гоман, присядь, я закончу занятие.

ГОМАН. Но я даже не успел... *(Садится за стол).* Я готовился. Я конспекты вот...

ПЕТРОВ. Молодцы! Признаю, проиграл. За вами слово. Благодарю вас, ребята. Есть, над чем поработать... Да, там, у нас за спиной, злая и гнилая жизнь. И так она быстро и просто поймала нас... Но там есть и другая жизнь, другие люди... У меня есть свой архивчик. Я никогда не видел этих людей. Но именно они дают мне силу. За этих людей я воюю. Эти письма, словно обереги, словно нательные крестики или иконки... Вот это с цветочком и солнышком – письмо от Верочки Зайцевой. Ей семь лет. *(Зачитывает.)* «Здравствуй, дорогой солдат! Меня зовут Вера. Мама говорит, что это очень хорошее имя. Оно как щит. Я могу быть твоим щитом, солдат. Я мультик видела. Там солдат с мечом и щитом ходил. И он победил чудовище. Чудовище дышало на солдата, хотело сжечь, а он прятался за щит и улыбался. И щит его защищал. Ты называй моё имя, и я тебя буду защищать. Чудовища будут дышать на тебя, а ты улыбайся. Они не знают моё имя, а ты теперь знаешь... Ты сражаешься за Родину, чтобы чудовища не пришли и не убили меня, маму, папу и Чака. Это мой попугайчик. Мне иногда разрешают его кормить... У нас во дворе хорошо, спокойно и чисто. Большое спасибо тебе за это. Посёлок Сосновка. Верочка Зайцева. Семь лет». *(Пауза).* Я иногда перечитываю это письмо. Я сделаю всё возможное, чтобы защитить от чудовищ эту девочку, её семью и, разумеется, попугайчика Чака... *(Пауза).*

Встать! Смирно! Вольно! Занятие окончено. Старший, ведите группу на полигон.

Военнослужащие уходят.

ГОМАН. Товарищ подполковник, я виноват, сорвал учебный процесс.

ПЕТРОВ. Ты понял свои ошибки?

ГОМАН. Вы всё слышали?

ПЕТРОВ. Конечно... Предлагаю пройтись и разобрать все твои промахи. Не переживай. Ребята старались. Хотя я не ожидал от них такого напора. Сильно тебя потрепали. Выше нос, старлей. За битого – двух небитых дают.

ГОМАН. Даже не понимаю, как так вышло. Я весь вечер и утро готовился. Даже тезисы и план занятия записал.

Попов и Гоман уходят

СЦЕНА 5

Кабинет. Стол, сейф, несколько табуреток.

Петров собирает в большой спортивный рюкзак вещи.

Входит Глыба.

ГЛЫБА. Собираешься?

ПЕТРОВ. Так пора. Я хотел в город заскочить, пока магазины работают, чтобы... Что случилось?

ГЛЫБА. Вот такая ситуация... Да... Я не подписал твой рапорт.

ПЕТРОВ. Да как так-то? Ты обещал! Я и сменщика себе подготовил. Мы договорились!

ГЛЫБА. Гоман в госпитале. Ранение средней тяжести. С передка возвращается. Их буханку дрон-камикадзе накрыл. Слава Богу, никого не обнулил.

ПЕТРОВ. А на кой хрен он на передок пошёл?!

ГЛЫБА. Хотел тебе сюрприз сделать. Он меня предупредил, я разрешил.

ПЕТРОВ. Сделал сюрприз, мать его так!

ГЛЫБА. Так что, подождёт твоё служение Богу в монастыре. Здесь пока Ему послужишь. И мечом, и словом, и молитвой. Благословляю... Это тебе.

Глыба передает Петрову детский деревянный меч.

ПЕТРОВ. Что это?

ГЛЫБА. Меч. Для служения. Мы немного не так планировали... Но есть и хорошая новость. Наш легендарный «Чижик» тебе поэму написал. Называется «Слово о нашем замполите».

ПЕТРОВ. Даже представить боюсь, что он там написал... Ты читал?

ГЛЫБА. Нет... Сегодня вечером в саду возле санчасти состоится литературный вечер. Он же концерт. Любовная лирика и политико-патриотические стихи на злобу дня.

ПЕТРОВ. Хорошо не рэп-батл.

ГЛЫБА. В завершение вечера – премьеры поэмы «Слово о нашем замполите» в исполнении автора... Спешите видеть! Вот пригласительный билет и программка.

ПЕТРОВ. А вдруг там что-то неприличное?

ГЛЫБА. Перестань. Что там может быть неприличного, если все тебя здесь любят и уважают? И почти никто не считает тебя предателем. Есть, конечно, несознательные элементы, но они работают над собой... И чтобы тебя немного успокоить, разведка доложила – почти вся лирика посвящена военврачу Ольге, одно стихотворение «Лавине», два – маме, одно – сестре... Кажется двоюродной.

ПЕТРОВ. Нет у него двоюродной сестры. Родная есть. Но она с ними ещё до СВО в ссоре была. Где-то на чужбине сейчас мыкается. Уговаривают вернуться.

ГЛЫБА. У тебя только о «Чижике» такие сведения? Или...

ПЕТРОВ. Почти о каждом. О новобранцах – только начал собирать... По «Марику» – с женой и сыном по видеосвязи общался. У сынишки небольшие проблемы в школе – по математике и биологии. А ещё со зрением. Уточню. Если что серьёзное – надо помочь. Это я всё Гоману оставлю. Предупрежу... По «Кондрату» – там всё спокойно. Без проблем... Стоп! А кто литературный вечер организовывал? Как это мимо меня всё прошло? Почему я ничего не знал?

ГЛЫБА. Так я и говорю, мы сюрприз готовили... Там ещё сценки намечены, шутки-прибаутки. В финале – танцы. С соблюдением светомаскировки. Программу вечера Гоман готовил. Ну и я немного руку приложил. Мы с ребятами почти войсковую операцию подготовили, чтобы тебя здесь силой художественного слова удержать. Но, как видишь, Бог всё по-своему устроил... Кстати, завтра выделю тебе транспорт, навести своего сменщика в госпитале... Так что, распаковывайся. Приоденься подобающе. И ко мне на ужин. Целый день ничего не ел. А от меня сразу на культурно-массовое мероприятие... Ну, чего стоишь? Переодевайся! Я на улице, возле машины... И помни, твой друг голоден. Так что поспеши.

Глыба уходит. Петров садится возле своих упакованных в рюкзак вещей. Глыба возвращается.

ПЕТРОВ. Ещё что-то случилось?

ГЛЫБА. Да... Я вспомнил... Какое чудо ты увидел?

ПЕТРОВ. Какое чудо?

ГЛЫБА. Не тупи!.. Ты сказал, увидел чудо. Мозги в аут, душа в монастырь запросилась. Что за чудо?

ПЕТРОВ. Не скажу.

ГЛЫБА. Ладно. Понятно. В следующий раз... Ну, чего расселся? Машина ждёт!

Глыба уходит.

СЦЕНА 6

Двор полуразрушенного частного дома в посёлке. Тихое весеннее утро.

Появляются Петров, Ольга Степановна и «Лесной», у него в руках огромная сумка с красным крестом.

ОЛЬГА. А вы уверены, что здесь кто-то есть? Какое-то всё неживое.

ПЕТРОВ. Была здесь ещё пару дней назад.

ОЛЬГА. Может, ушла?

«ЛЕСНОЙ». Вряд ли... Не думаю, чтобы она неходячую Архиповну бросила... Но хата, где по словам «Тунгуса», дислоцировалась Архиповна, пуста... И следов никаких нет... Новых прилётов не было. Посёлок на отшибе. Он на фиг никому не нужен. Никакого стратегического значения.

ПЕТРОВ. Вытащили военврача в такую даль, а пациентов не выдали... Извините, Ольга Степановна.

ОЛЬГА. Вот уж лишнее... Это вместо утренней зарядки.

«ЛЕСНОЙ». Здесь где-то они. Чувствую.

ПЕТРОВ. Чутью опытного разведчика доверяем полностью и всецело... Мы прибыли с той стороны, ты прошёл там – никого... Остаётся глянуть там, там и там.

Появляется Серафима Ивановна.

СЕРАФИМА. Опять вы! С утра пораньше шастают. О, и дивчину с собой притащили.

«ЛЕСНОЙ». Тебя бы, мать, в полковую разведку – неслышно передвигаешься.

СЕРАФИМА. Ага, собакой-ищейкой. Остатки съестного по разорённым вами домам вынюхивать.

ПЕТРОВ. Доброе утро, Серафима Ивановна.

СЕРАФИМА. А, родственничек.

ОЛЬГА. Здравствуйте.

ПЕТРОВ. Мы вам врача привезли.

СЕРАФИМА (*иронично*). Ой, благодетели вы наши... Ничего мне от вас не надо!

ОЛЬГА. А откуда вы воду набираете?

СЕРАФИМА. Из колодца. А что?

ОЛЬГА. Хотите горячего чая? На травах, душистый. У меня термос в сумке.

СЕРАФИМА. Большая сумка... Гляжу и таблетки есть. Что, правда, врач?

ПЕТРОВ. Самый настоящий.

«ЛЕСНОЙ». А где Архиповна? Я заглянул в дом, не нашёл.

СЕРАФИМА. Я её к погосту оттащила. Померла вчера. Омыла, одела в чистое, чего нашла у неё в комодке, саваном обернула – гроба-то нет. На доску. И поволокла. Оттуда до... Ой, а хорошо, что пришли, похоронить поможете. Могилу надо вырыть. А то я с ней долго ковыряться буду.

ПЕТРОВ. Возьму из машины лопаты.

Петров уходит.

СЕРАФИМА. Ну, и для меня заодно ямку надо.

ОЛЬГА. Не надо вам.

СЕРАФИМА. Надо-надо... Помру, а у меня уже могилка.

«ЛЕСНОЙ». До неё идти или ползти придётся. Ну, и как вы туда, если здесь, например, скопытитесь?

СЕРАФИМА. Вот молодёжь! Сразу видно – никакой смекалки... Почувствую, что смерть приближается, умоюсь, быстренько в чистое, и к ямке своей. Сяду на край могилки, помолюсь. А там – дух вон, тело в землю.

«ЛЕСНОЙ». Момент, мамаша. А если это не смерть? Просто сознание потеряли. Или случайно свалитесь. А достать некому.

СЕРАФИМА. А чавой мне сознание терять? Да и случайно никто в могилы не падает.

«ЛЕСНОЙ». Хорошо. Всё предусмотрели. Предположим, умерли. Свалились в могилу. А кто закапывать будет?

СЕРАФИМА. А какая разница? К тому моменту мне будет всё равно.

«ЛЕСНОЙ». Ну, и где логика?

Появляется Петров с двумя лопатами.

ОЛЬГА (*Серафиме*). Держите чай. Только он горячий. Не обожгитесь. Это бутерброды. Угощайтесь.

СЕРАФИМА. Ничего мне не надо... Спасибо... А вкусно пахнет.

ОЛЬГА. Ребята, вы тоже берите. Угощайтесь.

ПЕТРОВ. Сейчас товарищ военврач вас осмотрит, пока мы для Архиповны там... Затем её в последний путь... И поедем... До обеда надо обернуться.

СЕРАФИМА. А я?

ПЕТРОВ. А с вами вопрос решён. (*Пауза. Петров, Ольга и «Лесной» пьют чай, смотрят на Серафиму Ивановну. Та заметно нервничает, но молчит.*) (*К «Лесному»*). Вы когда озвучите своё желание? Я даже немного нервничаю в ожидании вашего решения.

«ЛЕСНОЙ». А ты не нервничай, замполит. Желаем, чтобы ты с нами остался... до конца СВО или пока смерть не разлучит нас... Такое вот желание у твоей большой боевой семейки.

СЕРАФИМА. А я? А со мной что?

ПЕТРОВ. С собой возьмём, Серафима Ивановна. Пока под присмотром врачей в госпитале побудете, если товарищ военврач сочтёт нужным. А затем – в «Светлый путь».

СЕРАФИМА. Это куда? Это зачем? А что там?

ПЕТРОВ. Путь... Светлый... Совхоз... Ладно, пошли работать.

ЗАНАВЕС

ПЯТАЯ СТИХИЯ

РОМАН БАШКАРДИН

Родился 6 июня 1984 года в городе Йошкар-Ола. В 2005 году окончил юридический факультет, работает по специальности, прошёл профессиональный путь от юрисконсульта до начальника юридического отдела. Стихотворения публиковались в сборнике стихов «Симфония ночи», альманахе «Вольный лист», «Вдохновение», сборнике «Лето внутри», а также в Йошкар-Олинской газете «Открытый взгляд» и литературных журналах.

**Мне говорят:
Не нужно о войне,
Мол, там не так, как кажется извне,
И если я там не был – то вдвойне –
Писать ни строчки.**

**А я отвечу -
Видел я во сне,
Как прадед мой погиб на той Войне,
И сердце памятью своей звучит во мне –
И точка.**

**Поэтому я буду о Войне!
О памяти, что дорога вдвойне,
О доблести, что отдана стране –
Дышать по строчке.**

**О той и этой буду я Войне! –
Писать стихи ночами в тишине –**

**Покуда смерть с крестами на коне,
Покуда Курский лес горит в огне,
Покуда сердце русское во мне –
И точка!**

**Не бойся, моя хорошая, страха нет.
Есть плач матерей у церковной большой свечи
Под рокот снарядов. И кроткое имярек,
Что тихой молитвой до первых лучей звучит.**

Есть рык автомата, рубиново-красный лист
Упавший с рябины, кассетным дождём задет.
На курской земле, как убивает детей – фашист –
Но страха, моя хорошая, страха – нет.

Немецкими «кошками» в Суджу прощупан путь,
Но видит в прицеле наводчик фашистский крест:
И в этот момент что-то русскую щемит грудь –
Поэтому, моя нежная, страха – нет!

Поэтому, моя милая, страх – труха
В глазницах пустынных домов – за селом – село,
И будет ещё украинская ночь тиха
Когда их Россия укроет своим крылом.

Тогда, через многие годы, придёт весна,
В полях васильковых под небом совьёт букет
И вспомнит страна, что сегодня была война
Поэтому, моя милая, страха нет.

И детские слёзы покуда горчат в груди,
И ждёт тишины над полями брусничный цвет
Мы выстоим, сможем, прорвёмся и победим...
Ведь смерти, моя хорошая... Смерти – нет!

Ты болеро на тоненьких плечах,
Петроглиф ветра на палитре снега.
Ты тонкая церковная свеча,
Горящая мольбой в святое небо.

Ты мой палач и ты мой пьедестал,
Ты мой апостол у калитки рая.
И если я споткнулся и упал –
Ты лик икон, что плачет, но прощает.

Ты скрип окна весеннему теплу,
Ты первые подснежники апреля,
Ты гордый стяг, что реет на ветру
Как символ возрождения и веры.

Ты никогда не гаснущий маяк,
Ты звёздный свет, что пасть в ладони грезит...
И если Мир проснётся без тебя –
Умрёт Поэзия.

Приходи ко мне в ночь,
в мой тобою забытый дом,
где повсюду стихи
тихо шепчутся
о былом,
Где на сумерках стен
бледной тенью
висит луна,
и звенящею бездной
скребётся
в квадрат окна.

Приходи ко мне в ночь,
Приходи, когда дождь и снег,
когда время
безудержный свой
ускоряет бег,
Когда где-то в груди -
аритмией –
сердечный стук.

Приходи ко мне в ночь –
на двоих разливать тоску.

Заходи ко мне в осень –
в бокалы налить печаль.
Пусть виски серебрят
пережитых имён
печать.
Пусть на жизненных тропах –
туман
и идут дожди...

Просто выверни жизнь наизнанку –
И приходи.

Посмотри мне в глаза.
Что ты видишь под маской взгляда?

Дождливую осень забытого всеми сада?
Застывшее в плёнке,
сошедшее в Лету лето?
Любовь, что в рубашку его тёплых дней одета?

Пустынные окна чувств, там, где свет погашен...
И мальчика, что вдруг стал
на полжизни старше.

И да, и нет.

Это Мир нас такими учит.
Это то, что с годами у нас притупляет чувства.
Это тот антидот от жизни, броня и средство
Что внутри прорастает, когда умирает детство.
Как хитиновый панцирь - с годами прочней и толще

И душа не болит.
Никогда.
Ни на Вечность больше.

И идут повзрослевшие мальчики так по свету,
И не знают, что в Зеркале Мира мы все поэты.

Но не каждый готов к экзамену личной Бездны
На руинах которого зиждется мир Поэзии.

Давай я тебе погадаю по венам рук,
По линиям гжели, под тонкой, прозрачной кожей.
И пальцы поймают в до боли знакомой дрожи,
От нежных касаний неровный сердечный стук.

Давай я тебе расскажу, как пришли снега,
Как город устал от ветров, ноябрём болея,
Как угли остывших чувств от снегов истлели,
И осень теперь обезличена и долга.

И души смиренно идут в бездорожье дней,
Подняв воротник, и купив, на дорогу, кофе.
Но ни дорогой алкоголь, ни аптечный морфий
От будней ни разу ещё не спасли людей.

От жизни и чувств нет набора тугих бинтов,
Всему вопреки, даже время уже не лечит.
Лишь смотрит презрительным взглядом седая Вечность
Откуда-то из созвездия Гончих псов.

В ноябрьском небе поёт и цветёт гроза,
Боль выпцветших слов на мгновение обесточив...

Всё самое важное мы произносим молча -
Поэтому, просто взгляни на мои глаза.

ДМИТРИЙ БОБЫЛЕВ

Родился в 1987 году в г. Серове. Окончил Нижнетагильскую государственную социально-педагогическую академию. С 2014 года живёт в Санкт-Петербурге. Член Санкт-Петербургского союза литераторов, лито авторов Донбасса «Стражи весны», лито «Дар» г. Серова. Публикации в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Наш современник», «Нева», «Урал» и др. Автор книг стихов «Флажки на карте» (Екатеринбург, 2017) и «Улица Бобылева» (СПб, 2023); книги прозы «Ксякся» (СПб, 2023).

**А то — провести по овалу лица в полутёмной прихожей,
Когда провожает с утра, полусна не жалея,
Коснуться щеки — и горячее море на коже
Вдохнуть, и растрёпаны волосы будто бореем.**

**На фоне стены с разноцветными пятнами двух полушарий,
Накой мне моря с африканским пятном посредине.
В помятой тельняшке русалка меня провожает,
Над спящей землёй я шепчу её тёплое имя.**

**Как бьётся в паутине тонкий лист,
Как пух скользит, подошвами примятый,
Живые духи смёрзшейся земли
Тревожат воздух сыростью и мятой.**

**Искрится пряжа, сохнет на ветру,
Большой проспект и Невский в ней увязли,
И я, как будто точно не умру,
Вишу иконкой в путанице пазлов.**

**лица моих друзей
и лица моих бывших друзей
и лица моих бывших
господи сохрани вконтакте
чтобы я мог их видеть
всегда такими же
как тогда
когда имел роскошь
не просматривать старые фотографии**

Придёт зима – и ходишь по воде,
И на воду кладёшь свои пожитки -
Плевков, окурков, план великих дел
Следами у заснеженной калитки.

То человека слепишь из воды,
И он плывёт, и все плывут над твердью.
И медленно течёт стекольный дым
Презрением над холодом и смертью.

Если видишь поле, пересеки его -
даль вдалеке, взгляд из кустов, мокрые травы.
Ветка попадает в сапог:
похоже, эти сапоги мне не по размеру.
Называла меня по имени так,
будто у меня ещё не было имени.
Называла меня, словно был
безымянным.
Что я
мог
возразить?!

С ВОКЗАЛА

Осталась музыка, но некому играть.
Бормочет радио, но некому послушать.

Как будто зацепившись за рукав,
Гудка неисчерпаемая нота
Все тянется и тянется в века,
И... рвётся за случайным поворотом.

Смотри, тут больше некому смотреть:
Вот небо истончается на треть,
И осень оседает на очках
Незримым ископаемым налётом.

ПО ТЕЛЕФОНУ

Это такой талант – провожать в трамвае,
Сидя в тиши за тысячу километров.
Слишком железный, мост её обрывает,
И – набирать по-новой, в огни проспекта

Ей говорить о важном и Достоевском,
Ей рисовать на стёклах своё дыханье.
И забывать лицо, выходя на Невском:
Кто-то стальной рукой здесь убрал трамвай.

Ветры дуют невыносимо.
Верим свято: придёт весна -
В глину, паханную под зиму,
Навзничь брошены семена.

невообразимо
неадекватно правый
закрывался от холода
щупал рукой стекло
рвался дыханьем
наделал в окне проталин

зима большая
с неадекватным
бесспорным правом
взирала сверху
снизу
и в особенности
изнутри

Какие птицы рвутся от земли!
Какие снега тянутся на землю!
Глаза окрест предикативам внемлют,
Инфинитивы выжить не смогли.

Врасти, Емеля, в каменку. В горсти
Огонь земли цигарно умирает.
Со стенки Сталин мёрзнет и грустит,
И ближе к раю.

Да наплевать, что тонкое пальто!
В асфальте отражаешься — навеки.
Души твоей сиреневые реки
Запружены под маленьким зонтом.

Твой гость пообещал и не пришёл.
Так голос остывает в человеке,
Сорвавшийся с божественного века,
И испаряется прокуренной душой.

ПРАДЕД

Дмитрий Матвееч идёт по радуге -
Припадает на левую ногу,
В вещмешке цветут одуванчики.
Смотрит вниз сквозь носки сапог,
Дивится, что внук его перерос.

А я стою, задрав голову,
Затекая шейей:
Там, на радуге, кто-то ходит!
Белый пух падает мне в лицо.

ОКТЯБРЬ

Излом стекла напоминает осень -
Звенящую погоду в октябре,
Болящую любовь, простор, тире,
Военкомат, значок с взлетевшим лосем

Над пропастью, над городом взлететь -
Лишь вытряхнуть тяжёлые карманы!
И, если б не бояться снежной манны,
В глазах замёрзшего котёнка стекленеть.

КЛАДБИЩЕ

Глазами, полными синиц,
Вращает дерево натужно
И, опрокинутое в лужах,
Дотягивается до лиц

Лежащих здесь. На то и смерть,
На то и пестрядь рыхлой тучи,
Чтоб липа голос свой скрипучий
Могла в покой перенеметь.

УТРОМ

Надеются на чудо провода,
Согретые вороной бранной стаей -

Хватают пар летящий иногда
Да блики пролетающих трамваев.

А утром – взгляд, уставший в темноте
От мельтешенья серых снежных крошек,
И слышат пульс тогда в её руке,
И шёпотом «Все будет, мой хороший...»

Гаснешь высоким ре
В воздухе безмянном,
В городе окаянном,
В трещинах на коре.

В кедах на босый лёд,
В теле на двадцать с лишним
Гаснет в тебе Всевышний -
Липнет к тебе белье.

Я с утра говорил с тишиной –
Не смотри, что обветрил губы.
Увязалась она за мной,
Уходя от морозов грубых.

Я её положу в карман,
Буду слушать, у печки сидя.
В дымоходе шумит зима,
Только некого ей обидеть.

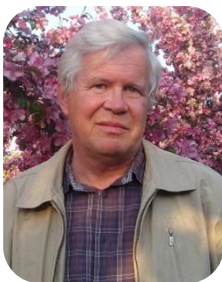
ОСЕНЬ

Обиженный на листопад,
Кот умывается лениво,
А за окном неторопливо
Несут в ведре топить щенят.

Я дожевал свой бутерброд -
Немного чёрствый, вот досада!
Старуха шла по листьям сада
С пустым ведром и без забот.

НИКИТА БРАГИН

Москвич, 1956 г.р., доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник ГИН РАН. Член СП России, автор 14 сборников стихов. Победитель Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина (2018), Большого литературного конкурса «Преодоление» МГО СП России (2020, Гран-При), XXVIII Международного конкурса имени А. Платонова «Умное сердце» (2021), Открытого литературного проекта «Поэзия русского слова» (2022), Международного конкурса имени Уолта Уитмена (2023, Гран-При). Финалист III Всероссийской литературной премии «Гипертекст» (2025).

Когда стоит предзимье и нагие кроны
отряхивают слёзы на сыром ветру,
когда однажды утром, бледным и бессонным,
печально шепчет память — я с тобой умру,
я ощущаю землю тяжелей и ближе,
в сыром дыханье листьев, луже ледяной,
в распутице и распре, на золе и в жиже,
где перемешан с глиной чёрный перегной.

Я небо ощущаю всё светлей и выше,
туманно и печально тают облака,
я чувствую, как ветер над полями дышит,
и на опавших листьях изморось легка,
и я встречаю зиму светлой и крылатой,
свободной и желанной, чистой как снега,
и память возвращает все мои утраты,
и каждая минута сердцу дорога.

Душа нащупывала дно,
и не хватало сил,
и было смутно и темно,
и мокрый снег валил;
вилась из прошлого вина
змеёю подколодной,
и горечь зелена вина
текла слезой холодной.

И дум истерзанная рать
ползла как вешний лед,
и было время горевать
неделю, месяц, год,
и волочить свою тоску,
как срубленное дерево
по гравию и по песку,
меж валунов по берегу.

Прости меня, моя беда,
на волю отпусти,
поток моего труда
не преграждай пути;
я искуплю свои грехи
стихами и бессонницей,
и, словно ива до реки,
душа моя поклонится.

И смерть, весной побеждена,
заплачет, уходя,
и растворится тишина
в шептании дождя...
Какие тонкие мечты,
пушинки тополиные!
Любимая, что скажешь ты,
моя неопалимая?

Кучевых облаков громады,
словно снежные паруса,
наплывают, чреватые градом,
и небесная бирюза
в этой кипени растворилась,
и уже темнеет кругом,
и вот-вот необорной силой
сотрясёт мироздание гром!

Вспоминаешь это, услышав
вой с экрана и брань газет;
мир дрожит и неровно дышит,
подчиняясь идущей грозе;
это зло всё темнее и ближе,
словно мрак, плывущий извне,
свет дневной задушил и выжег,
пролагая дорогу войне.

И уже колеблет устои
из глубин восходящий рёв,
примирения чувство простое
не находит спасительных слов,
и рука поднимает камень,
и стрела летит над ордой...
А надежда над облаками
проплывает светлой звездой.

Иных миров тревожное дыхание
моей щеки касается во сне,
и холод высшего загадочного знания,
как фимиам, течёт извне.

И, просыпаясь, неизбежно чувствую,
что из крошечной вековой дали
уже плывут слова преданья устного
как эллинские корабли.

И кубок золотой в пучину падает —
закончился его прощальный пир,
и выгибается над морем радуга,
любовью осеняя мир.

Изломы древних гор белеют мрамором,
вбирающим гармонию и свет,
чтоб воплотиться солнечными храмами
и устоять до наших лет.

Седой мыслитель говорит об атомах,
плетет софист сухие словеса,
а рыба мчит за перстнем Поликратовым,
как повелели небеса.

И дивное растёт во мне сознание —
я слышу пеньё бронзы издали,
и вижу белокаменные здания
родной владимирской земли.

Я вижу — царь на небо поднимается
на крыльях двух божественных орлов,
и Китоврас размахивает палицей,
и древний сказ идёт без слов!

И грезится за львами и грифонами
России сокровенная краса —
встающие несчётными колоннами
её сосновые леса.

Могучих рек спокойное слияние
само провозглашает — навсегда!
Так пятиглавий золотых сияние
увенчивает города!

И летний ветер пролетает во поле
тугою колосащейся волной,
и падают в ручьи серёжки тополя
на Воскресение весной.

И, словно струг варяжский в море греческом,
душа плывёт по глади тихих рек
под бесконечным небом человечества
из года в год, за веком век.

На электричку из Алабина в Москву
спешить просёлком сквозь берёзовую рощу,
всё узнавая — и репей, и мураву,
запоминая всё пронзительней и проще,
как в детской памяти, где счастьем нет конца.
Ах, лето красное в ромашковом уборе,
смеёшься ты, не веря ни беде, ни горю.
Я узнаю в чертах любимого лица
тебя — и смотришь ты прозрачно и наивно,
как этот вечер тихий, как листва берёз,
чуть-чуть желтеющая, как приметы ливня
на травах, и тропинка, и туманный плёс,
открывшийся с моста — покоем и призывом —
приди, зажги костёр, на воду погляди,
взгляни на облака в закатных переливах;
подумай о любви, о том, что впереди,
за этой ночью, этим летом, этим счастьем,
и радуйся, и пусть неспешно и светло
душа твоя поёт, распахнутая настезь,
как в сонный сад окно, как в небе высоко
сквозь облачную темень лунная дорога...
Ах лето красное, продлись ещё немного!

РУССКОЕ УТРО

Светает над полями вешними,
и на душе легко и вольно,
как будто светлое раздолье
охватывает и несёт,
и над цветущими черешнями
плывёшь, возносишься и вскоре
ты видишь золотое море
и слышишь голос древних вод.

Ты представляешь поле дикое,
его ковыльные курганы,
где каменные истуканы
стоят на страже вековой,
и корабли Петра Великого,
что шли к Азову тихим Доном,
и боевых машин колонны,
и бомбы беспощадный вой.

И надо всем — виденье Родины,
хранящее под омофором
все эти вольные просторы
бескрайних солнечных полей!
Как древле у реки Смородины,
мы ныне стали на распутье
меж смутой, серебром и сутью,
и надо выбирать скорей!

А впереди война столетняя,
всё длится, множа кровь и ужас,
вершится и в жару, и в стужу
России новой горький труд.
Мы ждём, когда настанет сретенье
у разделённого народа,
когда на бранном поле всходы
над нашей кровью прорастут.

Оно настанет без сомнения,
в один поток сольются воды
согласно Богу и природе,
согласно кровному родству.
Так поднимаешься ступенями
из предрассветной тьмы всё выше,
и вскоре птичье пенье слышишь,
и видишь утра синеву.

ТАТЬЯНА ГЕОРГИЕВА

Музыкант, поэт, педагог. Родилась в 1989 году в городе Мурманске. В 2004 году закончила Пермское музыкальное училище, а в 2014 году – Челябинскую Государственную Академию Искусств и Культуры по специальности «Хоровое дирижирование». Работает в сфере начального и среднего образования. Стихи пишет с юности. Лауреат: II Международного фестиваля русскоязычной поэзии «Поэт года», VIII международного фестиваля русскоязычной поэзии им. Константина Васильева, Московского межрегионального поэтического конкурса «Россия-земля моя». Автор книг «Через сотую долю минуты», «Предчувствие солнца». Проживает в Перми.

Музыкант, поэт, педагог. Родилась в 1989 году в городе Мурманске. В 2004 году закончила Пермское музыкальное училище, а в 2014 году – Челябинскую Государственную Академию Искусств и Культуры по специальности «Хоровое дирижирование». Работает в сфере начального и среднего образования. Стихи пишет с юности. Лауреат: II Международного фестиваля русскоязычной поэзии «Поэт года», VIII международного фестиваля русскоязычной поэзии им. Константина Васильева, Московского межрегионального поэтического конкурса «Россия-земля моя». Автор книг «Через сотую долю минуты», «Предчувствие солнца». Проживает в Перми.

ЗА ТЕБЯ

Любимая, здравствуй. А мы продвигаемся к западу,
и, значит, становится ближе заветная встреча.
Так странно: трава зеленеет, и птицы щебечут,
а только вчера воздух рвался под частыми залпами.
Затишье пока. С луга тянет душицей и клевером,
и горькой травой, я названия, правда, не знаю.
Я чувствую жизнь, мне отчаянно хочется верить:
слабеют враги, сокрушается чёрное знамя.
Мы трудно, но неумолимо смещаемся к западу.
А чтобы не выгореть в страх и не сгнуться во мраке,
я имя твоё всю войну повторяю как заповедь,
во имя тебя я встаю и бросаюсь в атаку.
Мне скажут потом, что неверно дорога, мол, пройдена,
что не за страну, за т е б я мне хотелось сразиться...
Но где начинаешься ты, и кончается Родина?
Не думаю, что существует такая граница.
А если письмо это так и не будет отправлено,
и если вернуться к тебе я уже не сумею, –
Любовь — вот, что станет в итоге единственно правильным.
Любовь, что однажды меня обнаружила смелым.

ЗЕРКАЛЬНОСТЬ

Нет, апрель в двух шагах, Серёжа.
Снег уставший в лесу и чалый.
Мы так сильно с тобой похожи, только мама и различала.
Я – драчун, а ты больше скромник,
в остальном мы зеркальны будто.
Я сейчас не хвалюсь, но вспомни, что я старше на три минуты.

«Победа... Победа! Вставайте, окончена война!» Эхо остро звенело от слёз. Облётшийся в слух в синеве многогочия, на считанный миг город стал безголовос. Я вышел во двор, в ветер, пахнувший временем, шагнул, как в раскрытую книгу душа. Я помню, как окна мерцали растерянно, и блики бежали по стёклам, дрожа... Казалось мне, флаги взметнулись незримые, рванулись по ветру на запад, туда, где стихли разрывы, и тайными силами вливается в вены живая вода. Где рдеет туман над боями минувшими, бойцы засыпают в святой тишине. Их души расцвечены верою в лучшее... Всё это так явственно виделось мне! Заря занималась холодная, чистая. Я плакал от счастья, не пряча лица. А вешнее утро рождалось, как истина, и солнце без стука входило в сердца.

СВЕТИ

Закрой глаза. Представь: тебе пять лет. Мир целостен, без сломов и насечек. А ты настолько изнутри подсвечен, что луч – твой якорь, щит и арбалет. Миг неделим: и завтра, и вчера в единстве полном. Время просто длится. Тебе ещё не нужно выбирать – нимб или бездна, маски или лица. Июль, рассвет, к реке пологий спуск. Смеётся солнце на листке крапивы. И ломтик дыни, земляники вкус тебя безмерно делают счастливым. Вдохни поглубже. Вскоре, встав на след, жизнь распахнётся в пёстрой круговерти. Ну, а сейчас – свети. Тебе пять лет. Ты просто есть. И потому бессмертен.

РУКИ

Полночь сковала свет ледяной печатью. Слышался мне сквозь сон раскалённый бой. Знаешь, зачем так важно дарить объятия? Просто внутри ладоней живёт любовь.

Видишь, узор ладони лучист и тонок,
словно изгибы солнечных рек в раю?
В руки ложится вызванный в жизнь ребёнок,
руки благословляют и создают.
Пальцы сплетают память неувязимо
и доверяют тайны души письму.
Руки удержат меч, защитят любимых,
руки подхватят падающих во тьму...
Руки мудры, как сердце. Теплеют с теми,
кто отворяет искренно. И поверь:
там, где глаза увидят глухую стену,
кончики пальцев могут нащупать дверь.

ЗАПОМНЮ

Мы для чего-то выбраны друг другом,
а, значит, суждено остаться здесь.
Пусть в прорези окна томится лес,
и дождь по подоконнику упруго
шлифует монотонность третий час.
Ты не молчи, пожалуйста, не надо.
Мы скоро будем в сердце снегопада,
поскольку время не жалеет нас,
и лето уместилось в четверть мига.
Но вот сейчас запоминай меня.
Представь, как мы однажды станем книгой
из мятных листьев, ветра и огня.
В ней будет много неба и зари,
и нежности, которой не утратить.
И я запомню, как ты говоришь,
распахиваешь руки для объятий...
Да, я запомню, как ты веришь смело,
как на вершинах безымянных чувств
душа моя перерастает тело,
и, не вмещаясь в буквы, я молчу...
Я знаю, ты и дальше будешь храбрым.
В лучах рассвета влажный воздух бел,
и ангелы к заброшенному храму
слетаются молиться о тебе.

ЕЛЕНА ЗАСЛАВСКАЯ

Поэт, член Союза писателей России, Межрегионального СП (МСПС), Союза писателей ЛНР. Лауреат литературно-исторической премии «Моя Россия», финалист Национальной литературной премии «Слово». Автор двенадцати поэтических сборников и поэмы «Новороссия гроз. Новороссия грёз». На её стихи написаны песни московской рок-группы «Зверобой», которые вошли в альбомы группы «Война за мир» (2017), «Родина» (2018), «Русская весна» (2021), «Добрый знак» (2024). Стихи переведены на немецкий, французский, испанский, английский, литовский и болгарский языки.

РУКОПОЖАТИЕ

Шрам на руке твоей.
Как же смотреть мне больно!
«Взгляд отводить не смей!»,
Но я отвожу невольно.
Глаз твоих мёд и медь.
Нет в них ни страха, ни муки.
В них отражалась смерть,
Твою пожимая руку.

ПОД ТРОИЦКИМ

Тебе моя нежность зачем?
Тебе моя нежность за что?
И сам ты не знаешь наверно.
За розовый шрам на плече,
За сны о прекрасной Елене.
За то, что придумал Гомер,
А мы проживаем сегодня.
Как в море в степи БТР
Под Троицким словно под Троей.
Герой, поскорее проснись!
Гексаметры нынче без толку.
— Я – Гектор. Парис, отзовись.
Приём! Доложи обстановку.

Полегли под Спорным...
Живи – не забывай!
Выжил только взводный
Коля-Николай.
В больничном коридоре
Говорили с ним:

Полегли под Спорным.
Выжил я один.
Взяли мы опорник
Дорогой ценой.
Николай Угодник,
Спасибо, что живой.
Гроб, покрытый знаменем,
И прощальный залп...
Не забыть глаза мне.
Матери глаза.

Сквозь тьмы мазут:
«Нас всех убьют!»
В небесный град
Идёт солдат.
Идёт на свет –
Ценой побед.
Идёт на смерть.
И стонет степь.
— Давай-ка, Ангел, подсвети!
— А где твои?
— Ещё в пути!

Так получились, что война!
И нам учиться умирать.
Нам заново учиться умирать.
И побеждать, конечно, тоже,
Но сначала,
Сначала всё же
Нам хорошо бы научиться умирать.

И прорасти сквозь жёсткий наст,
Сквозь мокрый снег,
Сквозь изморозь и ледяную стужу,
Сквозь «все забудут нас»,
Сквозь боль и ужас,
Сквозь смерть.
Расти, расти, расти, расти на свет.
Вот ты – побег, росток, но если нужно,
Ты – хлеб, ты – чёрный хлеб войны.
Ты – чёрный хлеб
скорбей и бед
Своей страны.
Один из всех.

Один за всех.
Без имени. Без рода.
И в этом настоящая свобода,
Одна из тех побед,
Что создают величие народа.

Когда деревья умирают на войне,
Разбитые снарядами от пушек,
Когда сгорают в адовом огне,
Куда деваются их призрачные души?

Их души попадают в райский сад,
Где соловьи поют и днём, и ночью,
Они летят, они туда летят
И прорастают в солнечную почву.

Никто ту землю потом не польёт,
Никто ту землю не польёт слезами,
За то, что в ней лежит который год
Однополчанин с синими глазами!

И соловей в растрёпанной листве,
Хоть будет тьохкать, но без той печали,
Что всем понятна русским на земле,
Которые здесь жили и мечтали.

РУССКАЯ ИДЕЯ

Как говорил философ Дугин,
Лунарный и солярный Путин
Порой сливаются в один
Монументальный цельный образ.
Но мне не разобрать пути!
Куда мне, Господи, прости,
брести?
Стою на перепутье.
И надо мной зияет космос.

Так может, ввысь? Где свет планид?
Где росчерки ракет сигнальных?
Где пролетают FPV?
И под кевларовой скрижалью
Живое сердце, как магнит,
Их манит, светится, болит
И в каждый бой вступает жадно!

Как говорил философ Дугин,
Мол, страны моря нам не други,
Пределов у России нет.
Лети, душа, леги на свет!
Лети, оставь свои тревоги,
Здесь неизменны сотни лет
Просторы, дураки, дороги
И государевы остроги —
Для тех, кому покоя нет.

Здесь, на просторах евразийства
Не раз ещё придётся биться
И утверждать в бою себя!
Так посмотри в родные лица,
В глаза, в которых отразиться
Есть радость жизни для тебя!
Нам краткий миг всего даётся,
Чтоб превозмочь своё сиротство,
Сражаясь, мучаясь, любя.

Так что ты, русская идея?
Ты космос или Арктогея?
А может, ось, что свяжет их?
Меж бездной бездн и высью высей
Летит стрела свободой мысли,
Как мой воздушный лёгкий стих.
Под утро небо розовеет.
Заря восходит над Рассеей —
Так вот он, правды ясный лик!

Не рыдай Мене, Мати,
Я за други погиб.
Я в последнем объятьи
К первым травам приник.

Свет земной благодати
Напоследок узрел.
Не рыдай Мене, Мати.
Сам свой выбрал удел.

На груди моей раны.
Лик мой светел и свят.
Сын весны-несмеяны —
Безымянный солдат.

Ты носила во чреве.
Ты вила колыбель.
Нынче саваном белым
Укрывает апрель.

Отцветающих яблонь
Облетающий цвет...
Не рыдай Мене, Мати!
Смерти нет.
Смерти нет.

В городе, полном печали,
Ветер с моря запутался
В кронах акаций,
Я вышла на берег песчаный,
Ракушку как рацию –
К уху. В ней зов
Из Азовского моря.
Так можно связаться
Со всеми,
Кто с той стороны горизонта.

— Ты слышишь меня?
Ну скажи же, ты слышишь? Ты слышишь?
Мой голос есть память.
Мой голос есть нить
Меж грядущим и бывшим.
Мой голос — волна...
Бесконечное эхо прибоя.
Ты слышишь меня,
Я тогда не вернулся из боя.
Но здесь я живой,
И ты слышишь бессмертную душу ...

Упала в прибой
Из дрожащей ладони ракушка.

ЕЛЕНА КОЛЕСНИКОВА

Родилась 1 октября 1976 года в городе Кузнецке Пензенской области. Окончила музыкальный факультет Самарского Государственного Педагогического университета. Работала в школе. В настоящий момент является музыкальным руководителем Центра ментального здоровья детей. Публиковалась в журналах «Подъём», «Берега», «Александръ», «Сура», «Родная Кубань», «Невский альманах», «День и Ночь», «Пять стихий» и мн. других. Победитель Национального поэтического конкурса «PoetFest» (г. Санкт-Петербург) в номинации «Поэт года». В 2023 г. выпущена первая книга – сборник стихов «Три ипохастис весны». Живёт в Воронеже.

*Посвящается моей бабушке
Королёвой А.И.*

**Ты всё цветёшь, покинутый мой дворик,
Как затяжна холодная весна...
Остылый дух черёмухово-горек,
И набело сирень оседана.
Сроняет сад своё кружеплетенье –
Луны льняной ослаблен узелок,
И небо так светло и несмятенно
Рассветом поцеловано в висок.
Душист тропинки белой – первопуток,
По лепестками застланной земле –
Узор свежедыханный незабудок
Под утро синим вышит мулине.
У неисцельных яблонь сухоруких
Обнимешь тёплы ржавые бока.
Но скрипнут вдруг от нерасцветной муки,
И вспламенеет заревно тоска.
Ожжёт золой калёной и остынет,
И вновь в покоях памяти тихи –
Родимых ликов первые святыни,
Ночной молитвы первые стихи.
Туманятся от многих горь и грустей –
В оправе ссохшей – стёклышки окна.
Прошу, цветы и пусть тебя отпустит
Последняя холодная весна...**

О ЛЮБВИ

**Взолотилась за окнами нежность
И охлынула дом,**

«Погуляем – ты бросил небрежно, -
По прохладце вдвоём?»
Дремлет улица, ветки топорща,
Изомлев под дождём,
Розовеет наплаканно роща:
«Отчего же – пойдём...»
Наживлён белокипельной ниткой
К старым вишням туман,
С каждым шагом светлей у тропинки
Зеленится кайма.
Улетая рассеянно взором
За алеющий лес,
«Что за зори, – вздыхаешь, – не зори,
А смотрины невест!»
И тотчас же притихшая нежность
Разлилась соловьём –
Я бросаю с улыбкой, небрежно:
«Хорошо нам вдвоём!»
Расшептал ветерок быстроногий
Мне секреты свои –
Посопутствуй, весна, нам в дороге
К позабытой любви...

ПЕТРАРКА

Стекло покрылось копотью седой -
Закат горел безудержно и жарко,
Из sklepa пыльно-книжного Петрарка –
Разбуженный стоял передо мной.
Светлелся месс созвездиевых строй,
В окно сырым несло средневесеньем,
И стрельчатые башенки сирени
Из яшмы возводились голубой...
Как явны - смертью прерванные сны -
Живого сада шум крылоплесканный,
И гул в крови - волнующе-органный,
И бледный пурпур тени у стены.
По длиннополой мантии ночной
Акаций абрис нежно рисовался,
И в отблики пасхальных впево: «Славься!..»-
Вплетался локоп лунно-золотой.
Любви воскресшей – голос неземной
Шептал листвою в типи заворожённой,
И билась, билась бабочка безвольной
В плену хрустальном звонницы резной...
Как странны явью прерванные сны –
Закат горел безудержно и жарко,

И в переплёте бархатном Петрарка
Пылится в книжном склепе у стены.

ФЕВРАЛЬСКИЕ СНЫ

В такт мыслям моим,
Полётно-живым,
Качаются мерно ели.
Верхушек смычки
Воздушно-легки,
Вихрят фуэте метели.

Аллей духовых
Винтажно-седых
Басисто плывёт гуденье.
За ночь до весны
Февральские сны –
Печальной зимы творенье.

Кантабиле вьюг
Струится вокруг,
Легато нежнейших линий.
Пусть тают вдали
Все беды земли
Под занавес сказки зимней...

В полотнице искуснейшей зимы
Пестрится белостволие берёзок,
Завешен дом – с надвьюжной стороны,
И воздух – ненадышенно-морозок.

Стежки ветвей по небу – золоты,
Синится нить дороги долевая,
И разбегаясь, множатся следы,
Заторы на лету одолевая.

И вот уже искомканы снега,
Испит холодным ветер, иссмакован
И подоспев, плывут издалика
На нищий лес пуховые обновы.

Как легкотканны снежно бремена...
Засумерело сонное подолье,
И тощая лоханница-луна
Стемнелый холст отбеливает солью.

КОЛЯДА

Машины, изглохшие за ночь,
Под хлопковым-иссиня снегом
Звездчатого переплетенья,
Святилище тьмы.

Длинные запрокинулись навзничь,
Похожие на человека
Фонарно-размытые тени
Суглобой сосны.

Челнок полусношенный, лунный
На ниточке свесился низко,
Натёрт до искрящего блеска
И вывьюжен двор...

Соткался рождественно-чудно
Рассвет, но под окнами близко,
Вдруг пеня и хохота всплески
И переговоры.

И кривда кричала лубочно,
В колядочном перемешенье,
И свет затемняла далёкий
Издревняя брань.

Бледнело фронтоном восточным
Двуликих домов громожденье,
Смотрела младенчески кротко
Морозная рань.

И были извеяны страхи,
Занежилось небо, юнея,
О солнце пророчеством явным
Засвечены сны.

И тихо исснежена прахом
Гудела сосна, зеленея –
Где шли по заре христоравы –
Дорожками тьмы...

СЕРГЕЙ КРИВОНОС

Поэт, журналист. Член Межрегионального союза писателей. Автор более 15 поэтических сборников. Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина (Союз писателей России), литературной премии имени Николая Ушакова (Национальный союз писателей Украины). Победитель и призёр конкурсов и фестивалей «Звезда полей» (г. Москва), «Славянские традиции», «Души прекрасные порывы», «Русский стил». Главный редактор районной газеты «Сватовский вестник».

**Натирал я лопатую руки до боли,
Ныли садины. Но все равно
На ладонях моих не твердеют мозоли,
На душе затвердели давно.**

**Чёрный свет мой пошёл безвозвратно на убыль,
Белым светом наполнится дом –
Ведь не стала душа толстокожей и грубой,
Просто сверху прикрылась щитом.**

**Мир един. И холмы на ухабистом поле,
Что туманится грустно вдаль,
Это, может быть, тоже тугие мозоли
На душе утомлённой земли.**

**Здесь трава-мурава с каждым годом редееет,
Здесь машины режут, мельтеша,
Но под коркой земли, что все больше твердеет,
Остаётся живою душа.**

КОЧАН

**Здесь и радость, и грусть, здесь повсюду звучат голоса.
Здесь буфет-ресторан. Рядом – парк и аллеи просторные.
Это маленький город с названием привычным «вокзал»
Во главе с чуть подвыпившим, вечно мешающим дворником.**

**Почему, неизвестно, его называют Кочан.
Проживает один. Во дворе – только Шарик хромающий.
Выпивает Кочан втихаря, а потом по ночам
Матерится во сне и кричит в тишину угрожающе.**

Он собаку когда-то отбил у разгульных юнцов,
Что её на костре, на пашлычном, едва не зажарили.
Пусть по полной досталось ему от юнцов-подлецов,
Но теперь поиграть во дворе можно с преданным Шариком.

Подбирает объедки Кочан, подметая вокзал,
Ежедневно – похмелье и рожа с небритыми скулами.
Чтоб у Шарика жизнь человечней была, так сказать,
Сам он жизнью собачьей живёт, но об этом не думает.

Пусть считают отшельником, пусть осуждает народ,
Твёрдо верит Кочан, что простятся ему все чудачества.
После смерти к могиле спасённый им Шарик придёт,
И ему не завоет, не заскулит – заплачется.

Опять сегодня небо всем прохожим
Взглянуло доверительно в глаза.
И показалось – что-то Бог сказал...
А нелегко осилить слово Божье.

Послышались стихи. А в них тревога,
Печаль и радость, осень и весна.
Что на земле, что наверху у Бога
Поэзия, наверное, одна.

Мне вспомнились шаги через запреты,
В стихи перераставшие грехи.
Стихи всегда значительней поэта,
Когда они действительно стихи.

Я думал о тебе. О днях беспечных,
Возвышенных судьбою и тобой.
Любовь всегда сильнее сомнений вечных,
Когда она действительно любовь.

Ещё не раз встречаться, расставаться,
Быть злым и добрым, трезвым и хмельным,
Но все-таки дано объединяться
Стихам небесным и стихам земным.

И где бы ни был, не скитался где бы,
О чем я не мечтал бы,

позарез

Мне нужен взгляд распахнутого неба,
Как во Христа поверившему – крест.

Я в дом вхожу... камин... накидки скромные...
Кровать... Во всем заметна экономия...
Хозяйка не спешит разжечь огонь.
И начинает мне про жизнь рассказывать,
В которой – нищеты однообразие,
Хоть выйди на крыльцо и волком вой.

Муж, в общем-то, прилично зарабатывал,
Прилично также выпивал и матами
Её привычно крыл. И вот беда —
Он, обмывая грамоту почётную,
Напился как-то в дрободан, до чёртиков,
Уснул и, оказалось, — навсегда.

Теперь никто не материт сердечную,
А на душе мучительно по-прежнему —
Над каждой копейкою дрожит:
Была сиделкой, трудная профессия,
Но дали оскорбительную пенсию,
С которой только впроголодь и жить.

Скребётся мышь в углу холодной комнаты,
Но что тут огорчаться? Хоть какое-то
Живое обитает существо.
«Я с мышью, — объясняет мне, — беседую,
Когда живёшь одна, кому посетовать
На горькое-прегорькое вдовство?»

И я помог, чем смог, хозяйке старенькой
В неброском доме, бедами обставленном,
Где столько неуютя и тревог.
Чинил, носил, ворочал и морочился,
Но в доме было столько одиночества,
Что я его преодолеть не смог.

Зимы начало. Торжество снегов.
Не в лад скрипят качели бесполезные.
Я привыкаю музыку шагов
Переводить на музыку поэзии.

Мне слышен в монотонности ходьбы,
В ещё негромком, осторожном хрусте

Спокойный ритм сложившейся судьбы,
Живые ноты радости и грусти.

А голоса рассветного двора
Своей несуетливостью похожи.
Мне интересно музыку добра
Искать и находить среди прохожих.

Смотреть в окно, внимать обрывкам слов
И, трудно пробиваясь к пониманью,
Восторженную музыку следов
Переводить на музыку свиданий.

В твоём лице есть что-то от весны,
От всех апрелей будущих и прошлых.
Проталины морщинок осторожных
Улыбкой добрых глаз освещены.

В твоём лице от лета что-то есть.
Когда приходишь ты, теплеют будни,
И на душе становится уютней,
Как будто добрую прислали весть.

В твоём лице и белизна зимы,
И осени задумчивость лесная.
Что будет с нами завтра, я не знаю,
Но знаю, будет мир с названьем «Мы».

И, небо исписав наискосок
Безоблачными буквами созвездий,
Хмельная ночь нам окна занавесит
И бережно прижмёт к виску висок.

Нам многое дано, однако жаль:
Любой из нас как будто обворован —
Ведь смерти не удастся избежать,
Коль Божий мир когда-то был дарован.

На каждом этот тяжкий крест лежит,
Но словно заново сейчас открылось:
Смерть не нужна, чтоб появилась жизнь,
Но жизнь для смерти есть необходимость.

ВЯЧЕСЛАВ КУЗЬМИН

Проживает в г. Балашиха, Московской области. Член Московской областной организации Союза писателей России. Сотрудник отдела по работе с творческой молодёжью и социальным вопросам МОО СП России, член Художественного Совета Проекта «Официальная гостиная МОО СП России «Облака вдохновения». Руководитель виртуальной Творческой гостиной – «Балашиха литературная». Дипломант общественно-литературной премии «Золотая строка Московии» в 2024 году. Лауреат литературных конкурсов. Автор трёх сборников стихов.

ЛИШЬ БЫ НЕ БЫЛО ВОЙНЫ

**Мы победим. Сомнений быть не может.
Мы правы. Мы не чувствуем вины.
Но, отчего же дед был односложен,
Мечтая, чтобы не было войны?
Хлебнув сполна в те огненные лета,
Нося в себе осколки, как помин,
Он редко говорил на тему эту
И повторял лишь постулат один...
Мы стерпим всё. Как не было б нам трудно, -
Ведь иногда удобства не важны.
Как не было б обидно и паскудно,
Всё мелочь. Лишь бы не было войны...
И я внимал. Не постигая смысла,
Не понимая сути слов сполна,
Пока над нами снова не нависла
Та, деду ненавистная война.
Нам снова в бой. Без страха, без сомнений.
Так вышло. И никто не виноват.
Ведь он тогда, в порыве откровений,
Строгал мой первый, деревянный автомат...**

ДЕНЬ ПОВЕДЫ

*Моему деду, Куприяну Ивановичу Лобастову,
посвящается...*

**О военных годах шальных
Дед всегда говорил тихо,
Очень редко и крайне мало, –
Не желая будить лихо.**

Не желая будить память, –
Повзрослели тогда рано,
Грозных лет роковых пламя
До сих пор бередит раны.
Отстояли. Цена безмерна.
Горю горькому нет предела.
А осколки – подарок смерти
И ночами терзают тело.
Жизнь из пепла – росток тонкий.
Ласка – грубая нарочитость.
День Победы.
Скорблю.
Помню,
Как для нас эта жизнь добыта...

А в четыре уже светло.
И над домом кружатся чайки.
Золотится в лучах стекло.
Стоны чаек полны печали.
Я там не был, не мог тогда.
День такой же, погожий, летний.
Как же быстро бегут года
И детей подрастают дети.
Просыпаются по утрам
Под ликующий птичий гомон.
А земля носит шрамы ран
И гудит колокольным звоном.
А земля помнит тот рассвет,
Когда первый разрыв снаряда
Стал предвестником многих бед
И разлучником с тем, кто рядом.
Стал историей.
Стал быльём.
Стал набатом сердец и судеб.
И сквозь слёзы помин поём.
Помним всё.
Да и помнить будем...
Ведь в четыре – уже светло.
И над домом кружатся чайки.
Золотится в лучах стекло,
Стоны чаек полны печали.

ИВАН НЕЧИПОРУК

Коренной горловчанин. Шахтёр с 20-летним стажем. Выпускник Горловского института иностранных языков и Славянского педагогического университета (филфак, заочно). Параллельно с работой на производстве сотрудничал с городской и областной прессой в качестве публициста и ведущего литературной рубрики. Заместитель председателя правления Межрегионального союза писателей, член СП России и Славянской литературно-художественной академии (Болгария). Автор двух десятков поэтических, прозаических и публицистических книг.

НЕРВНЫЙ ПУЛЬС БЫТИЯ

Умирают друзья и уходят враги,
Оставляя смятенья и чёрные дыры.
И на грани чужого незримого мира
Затихают усталые чьи-то шаги.
И в строках вместо слов проступают пунктиры.

И летит в пустоту нервный пульс бытия,
Разверзаются души и тает сознание.
Мы живём на отчаянно-раненой грани
Ни судьбы, ни надежд, ни тревог не тая
И пытаясь отсрочить момент расставанья.

НЕ ТА ФИГУРА

Клуб 27, Клуб 37, Клуб 42
Я проскочил. Не велика фигура:
Бродить по свету, стаптывать слова
И находить себя во мгле едва,
Быть приживальцем у литературы.

Не зарекался от сумы-тюрьмы,
Войны наелся, наскитался вволю.
От бед лихих отмолен и отмыт,
Летел на свет, но не ушёл от тьмы.
Не обречён, но вечно недоволен.

До звёзд не дотянулся – тянут вниз:
Грехи, сомненья, скудные желанья.
Застыла жизнь на полотне страниц...
У аналоя простираясь ниц,
Молюсь о милости и даре нестяжанья.

СНЫ

Оплавлена души моей свеча:
Мстиславщина мне снится по ночам,
И сердце бьётся беспокойно, гулко.
Брожу по деревенским закоулкам
Пустующим, как будто невзначай.

И в утренней прозрачной синеве
Я росы собираю на траве,
И тёплый ветер память тихо кружит,
В краю, в котором сам себе не нужен,
Где только сны напоминают о родстве.

СНЕЖНЫЙ ШЁПОТ

Город радуется белизне.
С тихим шорохом, шелестом, шёпотом
Опадает с небес робкий снег.
Мир светлеет и словно во сне
Напевает: «А что потом, что потом?»

Разгулялся во всю снегопад,
И ликует зима, как положено,
Колдовской совершая обряд.
А деревья на небо глядят
И о марте вздыхают встревоженно.

ПРОСПЕКТ ПОБЕДЫ

Проспект уводит в синеву.
И март – предтеча процветанья –
Являет сказку наяву,
Взрывает смыслы мирозданья,
Выпестывая каждый звук.

Весна назло лихой судьбе
Течёт меж лип и звонких клёнов,
Где греет свой хребет Дом «Б».
Здесь время льётся удивлённо,
Свой притормаживая бег.

Проспект спешит на запад, вдаль,
Туда, где сходятся дороги,
Где воздух чистый, как хрусталь,
Где, пряча страхи и тревоги,
Уходит в небо магистраль.

ПОРА ОБНОВЛЕНЬЯ

Пора обновленья! Чтоб снова влюбляться и
Поверить в приметы и светлые сны.
Весна накатила в какой-то прострации,
И жёлтые гроздья тревожной акации
Становятся признаком новой весны.

И воздух наполнился нотами новыми,
Сквозь призму любви и весенних цветов.
Вчера ещё будни казались суровыми,
Но город, уже не охвачен оковами,
С весной прорастает из всех уголков.

БЕГ ВРЕМЕНИ

А я отчаянною птицей
Несу навязчивую звень.
Мой каждый несуразный день
Опять куда-то вдаль стремится,
Не успевая впечатлиться,
И тень бросая на плетень.

Жизнь – нескончаемая школа
Среди мерцающих огней.
И в этом беге светодней
Я, словно март, контрастов полон,
На грани вечного раскола
Судьбы отчаянной моей.

ЦВЕТЕНЬЕ

Забудь про февраль, про снега и заносы,
Доверься теплу, наслаждайся весной...
Один взмах руки – и цветут абрикосы,
Другой – и печали уходят на дно.

Пьянят тополя, распускаются клёны,
И вяхири вьют на берёзе гнездо.
Мой город избитый, но вечно влюблённый,
Его не смущает ничто и никто.

К апрелю ещё вызревают вопросы,
И только в мечтах у нас: тишь, благодать.
Ты знаешь, когда здесь цветут абрикосы,
Вскипает желание – не умирать.

У МАКАРЬЕВСКОГО ХРАМА

Среди слепых многоэтажек
Руины храма – как укор.
Свидетели потом расскажут,
Что храм стоял беззвучным стражем,
Не замечая страх в упор.

А после словно ураганом
Бои огнём прошлись окрест...
Саднят кварталов битых раны
Среди руин на поле бранном
Поклонный крест стоит, как перст.

ВЕСНА ДУШИ

И вновь в душе цветущий май,
Весёлый, взбалмошный, чуть дерзкий.
Трепещет сердце невзначай,
Как старый горловский трамвай
Стучит разбитою подвеской.

Сиренью город мой пропах,
Витают кофе ароматы...
Спешу на полных парусах
И отрясаю пыль да страх,
И смерть от демонов крылатых.

ДУША ЗАКРЫЛАСЬ

Душа закрылась на замок
От суеты и непогоды...
Я в воду лез не зная броду,
Сухим не вышел, весь промок,
Лишь чудом удержав свободу.

Вполсилы научился жить,
Стихи в ночи читать беззвучно.
Я ожиданьями измучен,
Всё жду, что луч пропустит нить,
Сквозь серость нестроений тучи.

АЛЕКСЕЙ ШИХАЛЁВ

Родился 29 мая 1980 года в деревне Красный Ключ Малмыжского района Кировской области, ныне проживает в Ижевске. По профессии инженер. Работал на нефтегазовых объектах Ямала и Удмуртии. В данный момент работает ведущим инженером в Центральном банке РФ. Публиковался в региональных и столичных литературных журналах и альманахах России, а также в литературных изданиях Финляндии и Эстонии.

ОКТАБРЬ

Октябрь переехал в мой дом над рекой,
Раскинул осеннюю грусть.
Стихи шелестит пожелтевшей листвой,
И ветром поёт наизусть.

Октябрь переехал, и в дымке речной,
На склоне холодного дня
Туман, собирая в рукав дождевой,
Настойчиво манит меня.

Он эхом заплачет в окрестных лесах,
На ветках сосны вековой:
«Пойдём погоняем задумчивых птах!
Сыграем, Алёшка с тобой!»

КРАСНЫЙ КЛЮЧ

День за окошками мается,
Топчет свою колею.
Я, как законченный пьяница,
Жизнь допиваю свою.

Мне бы уехать отседова,
Бросить постылый уют.
В логово доброе дедово,
Где по-старинке живут.

Мне бы в сарае поленницу,
В ней озорные дрова.
Чтобы Большую Медведицу,
В зимнюю ночь согреть.

Кошку, собаку весёлую,
Пару гусей под окном.

**Жизнь православную новую,
Жить христианским трудом.**

**Месяц, другой,
Дело к осени.
Дождь.
Поредел косогор.
Скоро декабрьские проседи,
Сядут на старый забор.**

**Что-то не видно Алёши нам.
Кстати, а где он вообще?
Ходит.
Счастливый, взъерошенный.
С Господом.
В Красном Ключе.**

МОЙ МИР

**Земля проталиной чернела.
Лес оживал от тишины.
Везде в природе было дело,
Как будто не было войны.**

**Как будто не было раскатов,
Ревущих мин, снарядных трасс,
Как будто живы те ребята,
Что нет в отряде среди нас.**

**Опять распаханы дороги,
День застилает сизый дым,
И внемлют каменные Боги,
Безумным сыновьям своим.**

**Среди ручьёв капли звонкой,
Среди оттаявших равнин,
Горит мой мир лучинкой тонкой,
И я сгораю вместе с ним.**

СИБИРСКАЯ ВЕСНА

**Скачет, скачет белый мячик,
Гонит прочь седую мглу.
Солнце лучиком мастачит
Разноцветную юлу.**

Скачет, скачет выбивает
Из заснеженных полей,
Капли ветреные стаей
В фиолетовый ручей.

Суетливо греет тайно,
Серебрит,
Бежит вперёд,
Разгоняет снег хрустальный
По окраинам болот.

Припустил,
Летит как птица.
Зяблик, Иволга, Орлан.
На крылах его искрится
Бирюзовый океан.

Льды тяжёлые ломая,
Ускоряя новый день,
Солнце журавлиной стаей,
Возвращается в Тюмень.

ДЕРЕВНЯ

Ах, деревня, родная деревня,
Мир отцовский бревенчатый древний,
Покосились заборы твои.

Зарастают поля понемногу,
И хвалу деревенскому Богу
На рассвете поют соловьи.

Ах, деревня, родная деревня,
Временами привидится в ней мне,
Между ёлок мерцающий путь.

Мчимся с горки на саночках с братцем,
От февральских снегов отряхаться,
И на тёплых полатях уснуть.

ФОНАРЬ

Я шёл с собой наедине,
При свете фонарей.
Был тусклым свет,
И лишь один
Сиял чуть-чуть бодрей.

Я поравнялся с фонарём,
И в дымке заводской,
Услышал осторожный скрип.
И тихое:
«Постой,

я вижу тысячи людей,
Спешащих по утрам.
Светить для них тоскливо мне,
Среди огней реклам.

Никто не пишет писем мне,
Не скажет мне привет.
А я в ответ дарю вдвойне
Свой бирюзовый свет.

Вот двое рядом на скамье,
Влюблённых городских.
Взирают блики дальних звёзд,
И я свечу для них.

Сейчас погасну.
Будет тьма.
Опомнятся тогда.
Что старый уличный фонарь,
Важнее чем звезда».

СТИХИЯ ПРОЗЫ

АЛИНА БОЛОТО

Родилась в городе Горловка, где проживает и сегодня. Медицинский работник по образованию до 1997 года трудилась в Горбольнице №1, а потом перешла на должность редактора в Центр здоровья г. Горловки. С 1984 года является участницей литературной секции горловского КЛФ «Контакт». Неоднократно принимала участие в работе Всесоюзного Творческого Объединения молодых писателей-фантастов, произведения публиковались в коллективных сборниках: «Убежище», «Тайфун в закрытом секторе»; в литературных журналах: «День и Ночь», «Реальность фантастики», «Пять стихий». Авторские книги: «Лучше сидеть дома», «Вдова узурпатора», «Твоя Мария и Киб», «След Фата-Морганы». Пьесы ставились на сцене городского народного театра «Юность».

ТРАНСПОРТЁР НА ОБОЧИНЕ

Серая промозглая погода ну никак не напоминала декабрьскую! С утра то и дело моросил мелкий дождик, рыжий пёс-боксёр по кличке Тайсон забился под сараем в щель, которую лично рыл вот уже трое суток, и оттуда торчал только короткий его хвост. Возле будки мокрые воробьи выклёвывали из собачьей миски размокшие остатки вчерашней каши. С юга, со стороны остановленной шахты, нёсся какой-то заунывный звук, словно опять заработали насосы. Словом, серые будни, и никакого праздничного настроения!

Да и какое может быть настроение, если уже с утра где-то на окраинах посёлка переругивались автоматы, и периодически тяжело бухал миномёт!

Говорят, в верхах кто-то с кем-то договаривался, что на праздники стрелять не будут. Это Клавдия Николаевна сказала вездесущая Светка, которая опять с раннего утра сидела в интернете, пока окончательно не разрядила батарею мобильного. Баба Клава охотно бы этому поверила, но стрелять начали как раз в тот момент, когда Светка воткнула в розетку зарядное устройство. Само собой, тут же куда-то попали, и свет погас.

Странно, что он до этого был, но до сих пор об этом заботился сосед Сергеевич. Во времена молодости Сергеевич работал на заводе электриком, а теперь вот уже несколько месяцев регулярно сращивал порванные во время боёв в посёлке провода. Но Сергеевича два дня назад забрал в город сын. Вообще-то, он обещал помочь выбраться и соседке с внуками, но что-то, видимо, не получилось, машина не вернулась. А здесь, очень некстати, возобновились обстрелы!

И провода перебили. Клавдия Николаевна видела, как у дома Сергеевича со столба свисали оборванные концы. Теперь даже телевизор посмотреть на Новый год не получится!

Хотя бухало вроде бы достаточно далеко, но Светку с Юриком баба Клава всё же загнала от греха в погреб, но когда выходила покормить собаку, не заметила, как они выбрались. Как потом выяснилось, вначале выбралась Светка, которая решила сходить к Сергеевичу за новой батареей для мобильного. А Юрик пообещал поднять крик, если она его с собой не возьмёт.

Чтобы не попадаться на глаза бабушке, пошли огородами. Между огородами Елисеевых и Василенко ещё отец Клавдии Николаевны навесил маленькую калитку, которой соседи временами пользовались.

Ключ от дома Сергеевич всегда держал на крыльце под ковриком, а запасные батареи к телефонам — в ящике кухонного стола. Светка выгребла обе, а Юрик прихватил ещё и фонарик, и парочка бабыклавинных внуков отправилась бы сразу домой, но тут к перестрелке подключился танк, и на соседнюю улицу прилетел снаряд. Грохнуло так, что Юрик от страха описался, а Светка рванула его вниз, и они вдвоём забились под Сергеевичево крыльцо. «Под» — это, конечно, громко сказано, реально под настил крыльца поместились только детские головы, но спины и попы всё-таки оказались прикрыты каменными ступенями крыльца.

Юрик тихонько заплакал, но Светка безжалостно дала ему по шапке подзатыльник:

— Молчи! Навязался на мою голову! Лучше бы я сама сходила!

Юрик заплакал громче. Страх уже проходил, однако давали о себе знать мокрые штаны, лежать было холодно, и впереди ещё предстояло пережить позор от ехидства сестры, когда она заметит пятно.

Сейчас бухало где-то у балки, снова довольно далеко, поэтому Светка поднялась сама и потянула за собой брата:

— Бежим скорее!

Возвращаться огородами показалось далеко, а до дворовой калитки всего-то шагов пять! Дети опрометью бросились через мощный плиткой двор, распахнули калитку, и тут Светка чуть не упала, споткнувшись о чьи-то ноги. На земле лицом вниз лежал человек в камуфляже!

— Мертвяк! — взволнованно выдохнул Юрик.

— Дурак! — тут же ответила Светка. — Беги за бабой Клавой!

Клавдия Николаевна вовсе не обрадовалась известию, что возле соседского двора лежит мёртвый солдат, но ещё больше её возмутило поведение бегающих во время обстрела по улице внуков.

— Лезь вниз, и чтобы я тебя здесь больше не видела!

Юрик громко зашаркал ногами в сторону погреба, но, едва баба Клава отворила наружную дверь, тут же вернулся и припал к окну. Он видел, как распахнулась уже их собственная калитка, и Клавдия Николаевна вместе со Светкой втащили во двор человека в пятнистой форме. Очень хотелось выбежать навстречу, но

вместо этого Юрик только раскрыл и придержал дверь, пока бабушка с сестрой затаскивали раненого в дом. То, что это раненый, Юрик уже понял, потому как человек в камуфляже еле-еле передвигал ноги, пока баба Клава и Светка с двух сторон подставляли плечи и тянули.

На пороге зала чуть не растянулись все трое, потому что раненый, запнулся о половик. Баба Клава рывкнула:

— Ноги поднимай, ирод! А то брошу сейчас!

Солдат послушался, и до дивана его дотащили вполне благополучно. На диване он завалился спиной на подушки, и сразу стало заметно быстро увеличивающееся тёмное пятно вокруг торчащего возле правой ключицы осколка.

Клавдия Николаевна, мрачно осмотрев незваного гостя, вынула из ящика стола ножницы и пинцет:

— Светка, тащи аптечку!

Пока сестра ходила за бинтами и лекарствами, Юрик бегом рванул в свою комнату переменить штаны. Когда он вернулся, бабушка привычно вскрывала пакет со стерильным бинтом, Светка отвинчивала колпачок на флаконе с перекисью водорода, а солдат, из-под наполовину прикрытых век, молча наблюдал за этими манипуляциями.

Юрик подошёл поближе, чтобы хорошенько рассмотреть форму, но не увидел никаких знаков различия. Какая армия — непонятно!

— Ты чей?! — спросил мальчик нетерпеливо. — И где твой автомат?

Солдат растерянно поглядел на окружающих. На вид он был очень похож на Виталия — младшего сына Клавдии Николаевны, который ещё до начала войны уехал на заработки вместе с отцом Светки и Юрика. И звонил-то сын всего недели две назад, что скоро приедет и заберет всех к себе. Только волосы у солдата были цвета пшеницы, гораздо светлее, чем у Виталия, и усы отсутствовали.

— Твой-то знают, где ты? — неласково спросила Клавдия Николаевна. — У нас здесь нет медпункта, а «скорая» из города под обстрелы не поедет!

Солдат промолчал, баба Клава тяжело вздохнула и принялась за перевязку. Для начала хотела разрезать форму возле раны, но одежда оказалась настолько прочной, что ножницы её не взяли. Зато осколок не только успешно пробил пятнистую куртку, но и застрял в плотной ткани, торча зазубренным краем наружу. Несколько секунд Клавдия Николаевна изучала ситуацию. С одной стороны, осколок трогать не хотелось, а с другой стороны, неизвестно, когда прибудет медицинская помощь.

— Как снять твой бронежилет?

Солдат смотрел непонимающим взглядом.

— Иностранец ты, что ли?! Как снять твою броню? — баба Клава помахала руками возле пробитого камуфляжа, всячески демонстрируя желание добраться до раны.

Солдат коснулся воротника, что-то легонько щёлкнуло, и пятнистая куртка просто исчезла, оставляя после себя какое-то подобие майки, только почему-то серебристой, вроде как из алюминиевой фольги.

— Вона как! — сказала баба Клава. — Всё-таки не наш! И кого дьявола ты у нас забыл?!

В сердцах она так дёрнула пинцетом осколок, что раненый разом посерел и обмяк.

— Экие мы нежные! — сердито произнесла Клавдия Николаевна. — Но впрочем, оно и к лучшему! Рану надо промыть, чтоб не загноилась!

Она щедро полила рану перекисью, наложила повязку и велела Светке принести из шкафа какую-нибудь тёплую рубашку, чтобы одеть гостя в цивильное.

Юрик наблюдал за происходящим очень внимательно.

— Ба, а он чей? — спросил он. — Оттуда или отсюда?!

— Из глупости он твоей! — закричала бабка. — Сидели бы дома, никого бы не находили! Вот сейчас стрельба закончится, вернём его обратно! Пусть его свои подбирают!

— А если не свои, а чужие найдут?! — резонно предположила Светка. — Что будет?

— А если его у нас найдут, что будет? Ты знаешь, кто сюда войдёт следующим?! Давай-ка, касатик, просыпайся! Светка, где нашатырь?!

От нашатыря незнакомец не только очнулся, но и закашлялся. Он кашлял так долго и мучительно, что Клавдия Николаевна смягчилась.

— Зачем таких хилых в армию берут? Светка, дай ему попить. Компота, что ли, дай!

Раненый пил компот жадно, пока баба Клава тихим шёпотом крыла всех, кто затеял эту войну, захлёбывался и снова пил.

— Ба, а ему не вредно пить? — тоже шёпотом спросила Светка.

— С таким ранением можно! Осколок-то еле воткнулся, там вообще пустячный случай! Это он больше с испуга в обморок хлопнулся! Что взять с иностранца?!

Опустив наконец-то кружку, раненый вытер губы ладонью («Точь-в-точь, как Виталий!» — подумала баба Клава) и что-то быстро сказал не по-русски. Смесь звуков показалась Клавдии Николаевне смутно знакомой.

— Это он по-каковски болтает? — спросила она у Светки.

— Не английский! — пожалала плечами внучка.

— Может, он китаец? — предположил следивший за лечением незнакомца из-под стола Юрик.

— Сам ты китаец! — фыркнула Светка. — Скорее, немец, потому что блондин!

— Хотя кто бы ни был, но пусть уходит! — закончила спор Клавдия Николаевна и указала на дверь. Раненый посмотрел в сторону двери, ткнул себя пальцем в грудь и вопросительно расширил глаза. — Да, тебе надо идти!

Солдат показал на сидящего под столом Юрика и стоящую рядом Светку, изобразил губами свист и отчётливо произнёс «Бах»!

— Сама знаю, что бах! — рассердилась баба Клава. — Задрали уже своими бахами, придурки! Не успели мы выехать, сын должен был забрать, но не получилось!

Солдат показал на себя, потом махнул рукой в сторону и старательно произнёс: «Др-р!»

— Машина у него где-то! — предположила Светка.

Раненый обвёл рукой всех, в заключение ткнул себя пальцем в грудь и повторил своё: «Др-р»

— Вроде бы помощь предлагает! — сообщила Светка с сомнением.

Клавдия Николаевна потрогала совершенно холодный лоб солдата:

— Ты, часом, не бредишь? Какой из тебя сейчас водитель? Я рулить не умею, а это, между прочим, дети!

— Дети! — повторил солдат и закрыл глаза.

— Да ты, друг, просто мухлюешь! Не хочешь сейчас уходить, так и скажи! Ладно, уйдёшь, когда стемнеет!

На стол Клавдия Николаевна накрывала с чётким ощущением, что за спиной кто-то стоит, несколько раз оглядывалась, но натыкалась только на настороженный взгляд солдата. Раненый полулежал на диване и внимательно наблюдал за происходящим. Непривычно притихшая Светка молча нарезала хлеб, а Юрик затащил в дом Тайсона, чтобы прицепить ему на ошейник брелок от старых ключей. Тайсон радостно хватал брелок зубами и при этом тихонько порывивал в сторону незнакомца.

— Хватит играть, садитесь есть!

Дети молча присели к столу, застучали ложками, а Тайсон был выдворен со своей миской во двор. Прежде чем приняться за еду самой, Клавдия Николаевна обратилась к гостю:

— За стол сядешь или туда подать?

Солдат поднялся, с некоторым усилием дошёл до стола и тяжело опустился на стул. Баба Клава до краёв налила тарелку борщом, подвинула гостю:

— Ешь!

Солдат взял тарелку и, поднеся к губам, начал пить. Юрик от неожиданности громко фыркнул, за что тут же получил от бабки

подзатыльник. Клавдия Николаевна взяла из рук незнакомца тарелку, поставила на столешницу, протянула ложку:

— Детей не смеши! Ложкой это едят! Да, хлеб возьми!

Под её руководством через минуту незнакомец освоил правильный способ поедания борща. Только луковицу не одолел: лишь надкусил, как его одолел лютый кашель. Баба Клава вздохнула, забрала луковицу и подала тарелку с картошкой. Глядя на удивлённо раскрывшиеся глаза, гостя снова вздохнула:

— И картошки не знаешь?! Откуда ты такой на наши головы свалился? Вилкой это едят!

Но тарелку с картошкой солдат отодвинул, жестом показав, что сыт. Глядя на него, занял было и Юрик, но в этом месте Клавдия Николаевна была непреклонна:

— Ешь! А то таким же хилаком вырастешь!

Опечаленный Юрик мрачно зарылся вилкой в картошку, а баба Клава решила поддержать разговор

— Так говоришь, у тебя машина где-то стоит?

— Машина! — неожиданно вполне отчётливо произнёс солдат.

— Большая?

— Большая! — подтвердил солдат.

— А до города нас подбросишь?

— Я без Тайсона не поеду! — тут же заявил Юрик.

— А с собакой возьмёшь?

— До города! — предупредил солдат.

— Да нам дальше и не надо! — обрадовалась баба Клава. — В Танровке сестра моя живёт, у неё побудем, пока сын за нами не приедет!

Собирались в спешке. На самом деле, самые необходимые вещи давно уже были собраны, только и оставалось, что одеться самим и сумки захватить.

Чтобы не надевал снова камуфляж, Клавдия Николаевна пожертвовала незнакомцу ещё и куртку сына. Теперь, как она надеялась, можно пройти по посёлку без привлечения внимания военных.

Весьма недовольного суетой Тайсона Светка взяла на поводок, который ещё вдобавок несколько раз обернула вокруг кисти. Пёс как-то не настроен был на дружеское общение с незнакомцем и всё норовил показать ему клыки. Обнаружив, что гость скалитесь собаке в ответ, баба Клава внезапно засомневалась в целесообразности поездки.

— Ты, что ли, псих, служивый?

Солдат наклонил голову, закрыл глаза, подумал и ответил:

— Нет! Я не псих. Как это, по-вашему, будет? Я просто обычаев не знаю!

— А по-нашему всё-таки разговариваешь? — тут же заинтересовалась Светка.

— Немного и плохо! Учить язык надо!

— Так учи! А то мы подумали, что ты китаец!

— А не немец?

— Много болтаешь! — оборвала завязавшийся было диалог Клавдия Николаевна. — Где твоя машина?

Когда тяжело нагруженные сумками вышли из дома, уже изрядно стемнело, но фонарик из осторожности пока решили не включать. И слева, и справа за заборами сумрачно темнели брошенные хозяевами дома. Ни один лучик света не оживлял осенне-зимний пейзаж. Хорошо, хоть дождь наконец прекратился. Идти было тяжело, едва не отрывая от сапог подошвы, под ногами хлюпала грязь. Клавдия Николаевна мрачно подумала, что по таким дорогам, пожалуй, только на танках ездить. А что будет, если машина увязнет?! Дома хотя бы тепло, а посреди поля и перемерзнуть детворе недолго.

И всё-таки они добрались почти до края посёлка. Уже смутно маячил в темноте террикон остановленной шахты «Рудуч», когда Светка поскользнулась и чуть не скатилась вместе с сумкой в канаву. Хорошо, хоть пёс вовремя шарахнулся в сторону, дёрнув хозяйку за поводок, да солдат поймал девчонку за воротник, а то так и полетела бы вместе с сумками в грязную холодную воду.

Рассерженная происшествием баба Клава уже готова была повернуть назад, когда солдат остановился возле продолговатого металлического сооружения. В темноте было не очень-то хорошо видно, но Светка радостно сообщила, что это грузовик.

— А где здесь кабина? — спросила Клавдия Николаевна, с сомнением разглядывая сплошную бронированную поверхность. — Детей надо в кабину посадить!

— Здесь! — ответил солдат, открывая тёмный проём. — Кабина здесь!

Баба Клава ничего не видела, но Юрик бодро полез куда-то вверх, а вслед за ним, волоча за собой на поводке Светку, большими прыжками устремился Тайсон. Прежде чем Клавдия Николаевна успела обругать такую непонятную конструкцию машины, какая-то неведомая сила втянута её в кабину вслед за внуками и бросила на вполне мягкое сидение.

— Так у тебя броневик?! — воскликнула баба Клава, с удивлением оглядывая немалых размеров кабину без окон, освещённую изнутри неярким бело-зелёным светом. Сдвоенные кресла располагались в два ряда перед тусклыми погашенными экранами. — А где твой экипаж?

Вместо ответа водитель включил экраны, в которых, несмотря на темноту, сразу проявился не только окружающий пустырь и

склон террикона, но ещё и заборы на той стороне улицы. Краска на заборах, правда, выглядела блёклой, но, в принципе, различие между зелёной и салатной присутствовало. Ещё было заметно, что на левой стороне пустыря груда битого кирпича громоздится там, где до войны стоял продуктовый магазинчик, а за остовом сгоревшей возле магазина машины притаился человек.

— Хорошая у тебя техника! — оценила баба Клава. — Даже и спрашивать боюсь чья! А тот мужик с автоматом нам не помешает?

— Не мешает! — ответил солдат. — Город где? Покажи!

Баба Клава увидела, как в воздухе материализовалось вначале изображение их посёлка, вот поплыли вниз дома и улицы, всё уменьшаясь и превращаясь в полоски дорог и прямоугольники домов.

— Хороший у тебя навигатор! — вставила свои пять копеек и Светка, тоже разглядывая висящую в воздухе объёмную карту. — Возьми южное направление, точнее, юго-западное. Только придётся не по прямой, а в объезд, потому что там мост взорван! И как мы через блокпост проедем, поздно уже? Нас не пустят в город!

— Юго-западное?

Вновь замелькали полоски с прямоугольниками, но уже городские, потом танровский парк, площадь Победы.

— Нам бы до площади доехать! — высказала пожелание баба Клава. — Там два шага пройти до дома сестры!

Она была внутренне готова к заверениям, что это совершенно невозможно. Невозможно покинуть Тайцево, невозможно добраться до города, а уж проехать в эту пору на площадь абсолютно невозможно!

— Хорошо! — сказал солдат, убрал карту и положил руки на тёмную, словно бы эбонитовую, пластину перед собой. Пальцы солдата забегали по невидимым клавишам.

Клавдия Николаевна ждала, что сейчас грозно взрвёт мотор, но вместо этого изображение на экранах вдруг резко качнулось и пошло вниз, а из углов мгновенно прочертилась летящими вспышками выстрелов темнота. Пули должны были с грохотом врезаться в броню, но что-то гасило их на подлёте, как будто тёмный эбонит поглощал энергию, и светлячки исчезали прямо в воздухе.

Похоже, что стреляли, как минимум, с двух сторон: не только от магазина, но и с террикона. С верхушки его неслись длинные цепочки огоньков, но абсолютно бесшумно, как будто в ночном телевизоре отключили звук.

Никто не успел испугаться, только Тайсон потянулся мордой к экрану, чтобы зубами схватить этих назойливых светящихся мух. В следующую секунду через экран промелькнули вначале облака, потом звёзды, а потом вдруг появились фонари. Обычные

городские фонари проплыли через экраны сверху вниз. И ёлка. Большая ёлка на по-вечернему пустынной танровской площади, щедро украшенная шариками и серпантинном, увитая свечащими гирляндами, огороженная металлическим заборчиком.

Еле заметный толчок, и где-то сзади открылся люк, потому что в кабине явственно потянуло холодным влажным воздухом.

— Город, площадь! — сообщил солдат.

Тайсон выскочил первым, экраны послушно отразили, как, волоча за собой отпущенный хозяйкой поводок, пёс радостно задрал лапу возле ближайшей лавочки. Тут же всё та же неведомая сила вынесла из кабины и Клавдию Николаевну, и её внуков, и они оказались прямо перед новогодней ёлкой.

Только теперь, при ярком свете ночных фонарей баба Клава увидела: то, что она принимала за грузовик, было больше похоже на летающую тарелку — серый диск на невысоких решётчатых опорах, занявший половину свободного пространства на середине площади. Из люка выглянул уже знакомый «солдат» в распахнутой дарёной куртке и совершенно по-мальчишечьи помахал рукой.

— Спасибо, сынок! — только и выговорила Клавдия Николаевна, с ужасом понимая, что они сейчас, кажется, спустились с неба. — Ты рану-то обязательно покажи своим марсианским врачам! И не летай больше над позициями, а то кто-нибудь собьёт, и броня не поможет!

Едва захлопнулся люк, воздушная волна чувствительно ударила в грудь, отодвигая бабу Клаву и детей к самой ёлке. Серый диск свечой взвился вверх, и тут же на другом краю города тревожно застрекотали автоматы, пытаясь сбить стремительно уносящийся в небо неопознанный летающий объект.

— Отудить твою радость! — сказала баба Клава. — А сумки-то наши где?!

Но сумки чинно стояли возле ёлочного заборчика.

— Как это я не догадалась у него номер мобильника взять?! — посетовала Клавдия Николаевна. — За домом-то присматривать надо! Может, подбросил бы меня потом обратно в посёлок, когда обострение закончится и стрелять перестанут!

— Ба, а он точно с Марса?! — задрал голову, Юрик с восторгом продолжал всматриваться в затянутое плотными облаками небо.

Тяжело вздохнув, баба Клава взяла сумки в обе руки, Светка схватила третью, погрузневший Юрик поднял четвёртую, и Елисеевы потихоньку побрели через площадь. А на минуту забытый Тайсон старательно принюхивался к быстро тающим на асфальте следам опор от НЛО.

МИХАИЛ ВОСТРИКОВ

Родился 4 мая 1961 г. в Новосибирске. Специалист по созданию технологий термического обезвреживания (уничтожения) особо опасных отходов. Автор монографии-учебника и множества научных публикаций. Кандидат технических наук. Победитель III сезона Международного литературного конкурса «Есть только музыка одна» памяти Дмитрия Симонова, с книгой «Вот такая, блин, музыка...». Живёт в Санкт-Петербурге.

ОПЕРАЦИЯ «ШАХЕД»

Восьмидесятилетию Победы Советского Народа в Великой Отечественной Войне!

Директива Ставки

31 мая 1944 года, среда. Москва. «Большой» зал совещаний штаба Военно-Воздушных Сил (ВВС) Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА).

В зал вошёл заместитель командующего ВВС РККА генерал-полковник авиации Федор Яковлевич Фалалеев, впоследствии маршал авиации, крупный представительный мужчина, выходец из вятской многодетной крестьянской семьи. Раздался упреждающий возглас дежурного:

— Товарищи офицеры!

— Здравствуйте, товарищи! — приветствовал собравшихся Фалалеев.

— Здра жла тащ грал!

Замкомандующего ВВС обвёл глазами находившихся в зале. Блестящие русские офицеры – генералы и полковники. Взращённая в боях командная элита советской военной авиации, сталинские соколы!

Всех он знал лично. Кого-то с курсантов Первой военной школы лётчиков имени Мясникова, кого-то по Польском походу 1939-го, по Дальнему востоку, по Академии Жуковского, по Юго-Западному фронту и множеству сражений этой войны.

За плечами у сорокапятилетнего Фёдора Яковлевича уже два инфаркта, но до третьего, после которого он уже так и не смог полностью восстановиться, было ещё целых пять лет.

Сегодня генерал Фалалеев проводил секретное совещание с руководителями оперативных групп - командующими воздушными армиями, их заместителями и командирами авиационных корпусов, посвящённое мерам безусловного выполнения положений частной директивы Ставки Верховного Главнокомандования советской авиации в грядущей Белорусской наступательной операции с шифром «Багратион».

Задачи Ставки поражали невероятной масштабностью и размахом, однако были вполне выполнимы. Силами аж пяти воздушных армий, советской авиации следовало:

✓ создать и удерживать господство в воздухе на направлениях двух главных ударов под Бобруйском, один – от Рогачёва на Осиповичи, другой - от Озаричей на Слуцк.

✓ организовать связь и снабжение всем необходимым партизанских соединений, помощь которых при наступлении была нужна Красной Армии как воздух.

✓ освещать маршруты ночного движения танковых соединений и многое другое.

«Н-да, не 1941-й год, когда мы бились с фрицем на «ишачках». Никогда ещё Красная Армия не имела такого количества новейших боевых самолётов и, соответственно, такого превосходства в воздухе, факт» — удовлетворённо подумал он.

Всё было предельно ясно и не являлось неразрешимой проблемой, а было тяжёлой боевой работой, которую советской авиации предстояло спланировать и выполнить в предписанные директивой сроки.

Поручение Верховного

Однако, вчера, вместе с директивой Ставки по «Багратиону», Фалалееву передали и небольшую записку от руки с поручением от самого Сталина:

«Совершенно секретно. Фалалееву Ф.Я. Предлагаю рассмотреть с коллегами и по возможности реализовать боевое применение изобретения ленинградского учёного Воробьёва. Как выйдет, доложить. И.Сталин»

— Где он, Воробьёв? — спросил генерал у адъютанта в конце совещания, - Заодно и науку вместе послушаем.

— В коридоре сидит, тащ грал, ждёт вызова, с ним два офицера НКВД, — чётко доложил адъютант-порученец и протянул генералу лист бумаги с короткой справкой:

— Та-а-ак! Павел Михайлович Воробьёв, 1898 года рождения, доцент факультета радиосвязи и радиовещания Ленинградского электротехнического института связи (ЛЭИС) имени профессора М.А. Бонч-Бруевича. Учился... Проживал... Семья... Ох-х ё! Временно изъят из мест заключения по личному указанию наркома внутренних дел Л.П. Берия.

Фёдор Яковлевич слегка нахмурился:

— Ну фамилия-то у этого доцента наша, лётная. Ладно, заводи его.

«Тем более, что у него такой ходатай!» — добавил он уже про себя.

Сталина он, как и все тогда, опасался, особенно после того, как в июне 1942 года был снят с должности из-за задержки выполнения постановления Государственного комитета обороны (о демонтаже

реактивных снарядов РС-82 с истребителей). После в должности он был восстановлен, но инфаркт заработал.

— Есть, заводить науку! — адъютант чётко развернулся на каблуках и вышел в коридор.

Через минуту два молчаливых офицера НКВД уже внесли в зал два вещмешка, из которых выложили на длинный стол - на вид самую обычную носимую войсковую радиостанцию и небольшой ящик с торчащими из него тугами и проводами.

Высокий, худой, нескладный человек, уже стоял возле стены, обшитой деревянными панелями, и обычными канцелярскими кнопками крепил к ним два больших ватманских листа с мнемо- и радиосхемой, с заголовками «Шахед» и «ПВ-1», соответственно.

Временно изъятый...

В самом начале войны семьдесят процентов преподавателей ЛЭИС ушли на фронт. Кафедры начали выпускать радиостанции, а к ним радистов-операторов, весьма востребованный тогда продукт.

Зимой 1941-1942 года от лютого голода и дикого холода умерли около пятидесяти преподавателей и в январе 1942 года ЛЭИС срочно эвакуировали в Кисловодск. Но уже без доцента Воробьёва, который к тому времени содержался во внутренней тюрьме НКВД на Воинова, 25.

Его супруга, Татьяна Воробьёва, преподаватель химии, от полного отчаяния, безнадёги и голода, из оставшихся химикатов на кафедре изготовила вполне качественное мыло, за каждый кусок которого на Сенной толкучке ей, о чудо! предложили по два куриных яйца или буханку сырого блокадного хлеба с опилками, на выбор! Она не была преступницей, она просто спасала себя и мужа. Но те люди, кто предложил ей этот ворованный хлеб и впоследствии снабжал нужными ингредиентами для кустарного изготовления мыла – тутовое масло, каустическая сода и др., были самыми настоящими бандитами и приговор суда всей их банде вместе с Татьяной Воробьёвой был краток – расстрел, а членов семей, как пособников и недоносителей – в тюрьму!

В той блокадной тюрьме, при катастрофической смертности, каким-то чудом Воробьёву всё же удалось написать письмо Сталину с описанием его изобретения. И это письмо почему-то пропустили многочисленные цензоры, возможно не поняв содержащихся в нём схем и формул. И каким-то чудесным образом оно не сразу, но всё же дошло до адресата. И вот автор этого письма, который последние несколько месяцев уже работал по данной теме в «туполевской шарашке» на московской улице Радио, переминался с ноги на ногу в зале совещаний штаба ВВС РККА и был готов докладывать.

Дроны

Когда доцент Воробьёв уже открыл рот, чтобы начать доклад, генерал Фалалеев вдруг поднял руку – дал знак, мол, пока помолчи, наука. Он внимательно вглядывался в значки и изображения на ватманах.

И он уже всё понял.

По долгу службы и природной тяге ко всему новому, Фёдор Яковлевич был в малейших деталях знаком со всеми проектами боевых беспилотных летательных аппаратов, ещё с 1936 года называемых американцами «дронами». И все эти чрезвычайно дорогие проекты до сих пор с треском проваливались, как в СССР, так и за рубежом:

- ✓ планёр, который мог нести одну торпеду и наводился по инфракрасному лучу;
- ✓ радиоуправляемый бомбардировщик одноразового использования;
- ✓ безэкипажный катер со взрывчаткой, управляемый с самолёта-водителя;
- ✓ самолёт, управляемый часовым механизмом, который в заданный момент сбрасывал крылья и падал на вражеские позиции.

Боевая эффективность этой беспилотной одноразовой техники по факту была крайне низкой. И только знаменитые японские «камикадзе» – пилоты-смертники, с их всего лишь пятнадцатую процентами точных попаданий (остальное – неисправности самолётов, нехватка топлива, блудили в облаках), спасали общую статистику. И правда была в том, что камикадзе оказались самым эффективным оружием, изобретённым японцами против американских надводных кораблей.

Но в СССР камикадзе не готовили, хотя желающие ими стать, без сомнения, нашлись бы. И находились: Николай Гастелло, Иван Иванов и многие другие герои-лётчики, в конкретных боевых ситуациях совершившие самолётные тараны по целям в воздухе и на земле.

Лакомая цель

Сейчас же, Фёдор Яковлевич ясно видел перед собой простейшую и, соответственно, надёжную схему гарантированного уничтожения штаба фронтовой пехотной дивизии Вермахта – самой, пожалуй, лакомой, но практически неуязвимой, не считая случайностей, цели советской авиации, из-за наличия у немцев развитых средств воздушного обнаружения (радаров) и РЭБ, сверхплотным зенитным огнём, прожекторами и толковой маскировкой. Свои штабы фрицы берегли как зеницу ока.

Именно пехотная дивизия, примерно, шестнадцать тысяч человек, была основным тактическим комбинированным армейским

соединением Вермахта, способным вести самостоятельные боевые действия. Штабы этих дивизий в обороне располагались на расстоянии не более пяти километров от линии фронта и были ответственны за его конкретный участок, шириной около десяти километров – идеальная ширина участка прорыва танковой армии.

При начале наступательных действий противника, все офицеры штаба дивизии, в отличие от гестаповцев, находились в штабе, на своих рабочих местах, а не слонялись по кабакам и борделям в ближайшем городе.

И без своего штаба дисциплинированные немцы оборонялись бы храбро, но бестолково. И можно было лишь мечтать разом уничтожить весь управленческий аппарат армейской дивизии немцев именно на острие прорыва наших войск. Но накрыть такого зверя с воздуха не удавалось никогда, за исключением, повторюсь, случайностей.

Ватман «Шахед»

Итак, по мнемонической схеме на ватмане с надписью «Шахед», генерал Фалалеев ясно видел, как два наших беспилотных биплана У-2 из-за линии фронта по радиомаяку заходили на одну точку – штаб пехотной дивизии Вермахта.

Постоянно уменьшающийся равнобедренный треугольник. Две движущиеся точки – самолёты, и одна стационарная – радиомаяк (штаб). Элементарная математическая задача триангуляции, известная в тригонометрии и геодезии с древнейших времён – определение координат точки в пространстве с учётом её проекций...

... самолёт со взрывчаткой на борту на предельно малой высоте и с минимально возможной скоростью, невидимый для радаров, буквально, «по головам» летел в направлении маяка, постоянно «общаясь» своим приёмо-передающим вычислителем с другим самолётом. В итоге и определялась вторая координата штаба и оба самолёта одновременно прилетали куда надо. Здравствуйте, не ждали? А мы вот припёрлись...

Вся операция, начиная с одновременного взлёта самолётов шла не более пяти минут. И при таких небольших расстояниях и скоростях, да, можно было наплевать на всё – на искажение сигналов, на время работы батарей радиомаяка, на вес топлива, на наличие у немцев пеленгаторов. На всё, кроме технической надёжности элементов схемы! Хоп, и мы уже в домике, прилетели, возвращаться не будем. Лишь бы радиомаяк стоял там, где надо, то есть где-то рядом со штабом по ходу полёта самолётов!

Генерала аж пробило в пот от простоты и гениальности идеи...

Практически одновременно засадить, даже и не очень точно, по штабу немецкой дивизии двумя тысячекилограммовыми планируемыми бомбами, означало полный и окончательный «песец» штабу, но эту задачу – бомбометание с ювелирной точностью крупной

авиабомбой, пока не смог решить ни один из советских бомбардировщиков. И даже не с ювелирной.

Ещё в 1941 году Сталин приказал знаменитому советскому лётчику Владимиру Коккинаки организовать бомбёжку Берлина уже имевшимися на вооружении бомбами ФАБ-1000 с дальних бомбардировщиков ДБ-3. Один, кое-как оторвавшись от полосы, упал за границей аэродрома. Бомба не взорвалась и экипаж уцелел, но самолёт сгорел. Другой, при взлёте постигла катастрофа, экипаж погиб и от применения крупных авиабомб при налётах на Берлин пришлось отказаться. Так всю войну и кошмарили столицу Германии ФАБ-250 и ФАБ-100, что сам Сталин считал недостаточным для нужного психологического воздействия на население. Но как уж получалось.

Небесный тихоход

Да, для выполнения этой задачи нужен был именно У-2 (с 1944 года По-2), «работяга-кукурузник», «небесный тихоход» - надёжный, дешёвый, одномоторный, низколетающий, тихоходный, практически бесшумный и невидимый для немецких радаров фанерный самолёт, в избытке имевшийся в любой авиационной части в качестве лёгкого ночного бомбардировщика, учебного и самолёта связи. И тем не менее, полезная нагрузка его отдельных модификаций, включающая вес двух пилотов при минимуме необходимости топлива, достигала тысячи килограммов.

Генерал знал, что поднять такой самолёт в воздух без пилота было проще простого, это не посадка с её неизбежными сложностями, которая в схеме вообще не предусматривалась, как и возвращение самолёта на базу. Сделать это можно было несколькими способами – коротко разбежавшись на любой ровной поверхности, даже зимой на лыжах; с использованием ракетного ускорителя с направляющих консолей гвардейского миномёта БМ-13 «Катюша»; или попросту сбросить У-2 со «спины» бомбардировщика.

А вывести и удержать этот самолёт на заранее заданном курсе при минимальной высоте и скорости полёта, запросто могла примитивная система автоматического управления закрылками и «газом».

Ватман «ПВ-1»

«А вот и схема такой системы с вычислителем! — сообразил Фалалеев, глядя на второй ватманский лист с заголовком ПВ-1, — Ага, маяком здесь служит носимая войсковая радиостанция, включённая на единственный режим передачи «пик-пик-пик...» с максимально возможной мощностью»

«А вот и она сама, система!» — уважительно взглянул он на щит с проводами и тягами.

— ПВ, это сокращённо Павел Воробьёв? — спросил генерал у топтавшегося у доски доцента.

— Нет, это «Палка-Верёвка», просто так совпало.

— А-ха-ха! — грохнули офицеры.

Так, «Палкой-Верёвкой» в авиации и не только, действительно, называли простые и надёжные технические решения.

— А «Шахед»? Это что-то на арабском?

— Да, на персидском, «Последний свидетель». Ну не «Геранью» же это всё было называть, — пошутил вдогонку Воробьёв.

— И где же ты, профессор, был со своим изобретением, когда мы прошлой зимой ленинградскую блокаду прорывали?! — вытирая выступившую от смеха слезу белоснежным платочком, спросил Фёдор Яковлевич.

— Доцент, — поправил его Воробьёв и покосился на офицеров НКВД, — Я доцент.

— Да... доцент, — правильно понял его Фалалеев и обратился к своим офицерам, — Ну что, товарищи, есть ещё вопросы к докладчику?

— Надо пробовать! — раздалось из зала, — Посмотрим, как выйдет. Хуже не будет, а в случае успеха немало солдатских жизней спасём! Прорывы, дело затратное.

— Тогда, вот что! — начал командовать генерал-полковник, — Почти три недели до «Багратиона» у нас есть. Подберите немецкую дивизию на фронте с разведанными партизанами координатами штаба, но пока подальше от направлений главных прорывов, не будем их светить противнику. Свяжитесь с партизанами, надо же как-то этот радиомаяк к штабу подтащить и включить вовремя. Так, наука?!

— Так! — подтвердил Воробьёв, — Но радиомаяк сам включится по заранее выставленному таймеру.

— Хм-м, верно! И эту нашу маленькую операцию мы назовём «Шахед», хотя «Палка-Верёвка» тоже было бы хорошо, — слегка улыбнулся генерал и обратился уже к офицерам НКВД, — Воробьёва я у вас, товарищи, на время всей операции «Багратион» забираю под свою ответственность, где расписаться?

— Саша! — это уже адъютанту, — Пристегни науку к моему водителю, пусть поставит его на довольствие, койку в казарме при штабе ВВС, баню, то-сё, и Михалычу-повару передай, что бы он ему порцию побольше метал, скажи, я попросил.

— Есть, науке порцию побольше! — щёлкнул каблуками порученец.

— Всё, товарищи, если вопросов больше нет, по коням!

Партизаны

Гомельщина. Лес. Расположение партизанского отряда «За Советскую Белоруссию!». Командирский блиндаж. Ночь.

— Вот, таварыш камандзир, лётчыки Вам перадалы, сакрэтно! — протянул командиру отряда запечатанный пакет и вещмешок с расцвай бравой хлопец в лихо заломленной на затылок кубанке с красной звездой, в пиджаке с чужого плеча, стянутого армейским ремнём и немецкой гранатой с длинной ручкой за поясом.

Группа партизан под его старшинством только что приняла на импровизированном аэродроме-поляне самолёт из-за линии фронта с грузом оружия, продовольствия и боеприпасов. В операции «Багратион» советское командование ставило перед партизанами очень серьёзные задачи - разведка всего и вся, захват и удержание переправ на пути отступающих немцев до подхода Красной Армии, помощь в охране тыла и ликвидации националистических банд и многие другие.

— Маладца, Яська, погодзь пока за дзверю.

Командир и комиссар отряда склонились над листом бумаги из пакета. Света коптилки вполне хватало, чтобы прочесть следующее:

«... ваша задача любым способом зафиксировать данный радиомаяк на минимально возможном расстоянии от штаба немецкой дивизии по линии в направлении на фронт. Время автоматического включения радиомаяка - 09:00 МСК 7 июня 1944 года, среда. При невозможности выполнения задания по любой причине доложить немедленно. Фалалеев»

— Ох-х ты ж... сам Фалалеев, главный лётчык СССР! Такое нам уважение оказал! Мабыць какую забабаху запускаць будучь на радиомаяк, факт.

— Дык а чаго ж не могём? Там жа лес, павесим на дрэва вышэй, прыматаем да ствала, да и усё.

И через минуту:

— Яська, заходзь! Слухай боевой прыказ!

Боевое применение

07 июня 1944 года, среда, время 09:05.

Чудесное июньское утро. Казалось, что вокруг и не было никакой войны. Но она была! На здании школы висело огромное красное полотнище со свастикой, охрана с собаками курсировала по периметру здания, были слышны короткие лающие команды. Только что сюда прибыли с квартир командир и начальник штаба фронтовой дивизии Вермахта. Их рабочий день начался.

Однако, пять минут назад, из-за линии фронта, с двух полевых аэродромов, уже подготовленных для проведения операции «Багратион» и разнесённых друг от друга примерно на пять километров, практически синхронно поднялись в воздух два беспилотных самолёта У-2, под завязку набитые взрывчаткой – новой особо мощной смесью нескольких компонентов.

Судя по лаковым «Эмкам», стоящим рядом с капонирами и грузовикам с автоматчиками, эти самолёты провожали в полёт боль-

шие «шишки» с генеральскими погонами и какой-то высокий и худой штатский из Москвы. Взлёты по команде прошли штатно.

Самолёты шли очень низко, на высоте, примерно, сто метров, и из передовых окопов первой линии немецкой обороны по ним даже немного постреляли из винтовок. Однако, безрезультатно. Прицельно попасть в движущуюся цель на скорости чуть больше ста километров в час, можно только случайно.

— БА-БАХ! — БА-БАХ!

Два мощных взрыва прогремели почти одновременно. Они были такой силы, что на линии фронта за пять километров затряслись замаскированные бронемашины.

Небо лопнуло и штаб немецкой пехотной дивизии исчез. Воронок с выраженными краями на его месте не образовалось, то есть взрывы произошли ещё в воздухе. Открывшееся партизанам-наблюдателям зрелище напоминало картину уничтожения библейских Содомы и Гоморры, если бы они, атеисты, его себе представляли.

...И пролил Господь на Содом и Гоморру дождём серу и огонь от Господа с неба...

Страшный карающий огонь с разверзшихся небес мгновенно испепелил четырёхэтажное здание сталинского «Дворца Знаний» со всем его содержимым и обитателями на пятне размером, примерно, 150 на 300 метров. Кирпич за долю секунды полностью превратился в пыль, засыпавшей обугленные человеческие скелеты с крайней степенью расчленения и фрагментации.

— Попали, тащ грал, — оторвался от наушника радиации - прямой линии связи с партизанами, порученец Фалалеева, — «Песец» котёнку!

Боевое донесение

В Ставку Верховного Главнокомандования.

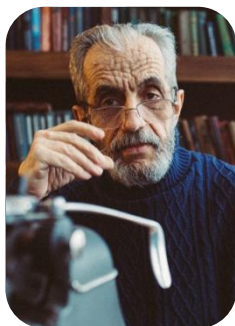
...следует отметить, что боевое применение технически безупречного изобретения ленинградского учёного П.М.Воробьёва имеет один серьёзный недостаток, а именно, оно может эффективно применяться только в случае наличия гарантированной возможности правильного размещения радиомаяка рядом и в направлении на цель.

При этом, ВВС РККА ходатайствует об освобождении тов. Воробьёва из мест лишения свободы с целью продолжения его работы по проекту «Шахед» под эгидой ВВС РККА.

Фалалеев.

Виза Сталина:

«Вся война, тов. Фалалеев, неправильна! Тов. Воробьёва - освободить»

АЛЕКСАНДР ЖДАНОВ

Родился в 1956 году в Баку. По окончании средней школы работал, служил в Армии. В 1982 году окончил филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Работал преподавателем русского языка и литературы. В 1989 г. переехал в Калининградскую область. Работал в районной газете, параллельно преподавал в художественной школе. В 2018 году получил второе образование по специальности «Искусствовед». Публиковался в литературных журналах и альманахах. Автор трёх сборников стихов, восьми книг прозы, исторического романа «И возшла звезда полынь», альбома живописи и графики.

«ВОЛГА – ВОЛГА». ДВА СЕАНСА

Почему родители назвали её так странно – Стрелка, медсестра, младший сержант медицинской службы Иванова не знала. Не могли же они предугадать, что известный режиссёр товарищ Александров снимет фильм, в котором героиню будут звать так же! Но ведь назвали! А почему – неизвестно.

Но неизвестность – вздор, неизвестность – шут с ней, с неизвестностью этой, плохо другое: фильм этот с таким замечательным названием «Волга – Волга» Стрелка до сих пор не видела, хотя песню из него знала наизусть. По передачам радио выучила. Скоро ей двадцать, медучилище вот окончила, а так и не посмотрела фильм. Не случилось. Все откладывала, откладывала на потом, и это «потом» пришло. Но было оно вовсе не таким, как в фильме. Не песни слышала Стрелка, а вой летящих снарядов и их разрывы; не на речной волне качало её, а на рельсах в теплушках и переделанных в госпитальные палаты вагонах эвакопоезда.

«Тук-тук, тук-тук», – стучат колеса на стыках. «Сестричка! Сестричка!», – доносится одновременно из разных концов. И Стрелка спешит, а вагон качает, качает. Стрелка не жаловалась, она давно привыкла, она научилась, не держась ни за что, идти по качающемуся вагону мимо лежащих, стонущих, заглядывающих ей в глаза раненых красноармейцев и командиров, и при этом нести в руках грелки, шприцы, лекарства, бинты. Научилась делать в качающемся вагоне уколы, научилась, придерживая головы раненым давать им лекарства так, чтобы ничего не пролилось. «Тук-тук, тук-тук», – стучат колеса, «Тук-тук, тук-тук», – раскачивается вагон, а у нее в руках снова, пузыри со льдом, шприцы, бинты. Бинтам этим не было конца. Очень хотелось спать. Всегда. Но подолгу спать не получалось. Иногда удавалось Стрелке присесть, прикрыть глаза, и тогда

сквозь дрему видела она одно и то же: бинты, разматывающиеся в нескончаемые километры.

– Иванова! Майору-танкисту три кубика! – Стрелка вскакивает и мчитя. Она всё делает хорошо: вводит уколы, перевязывает, обкладывает – кого грелками, кого пузырями со льдом. У неё всё получается, её хвалят. Хвалит хирург Олег Борисович, капитан Блок, хвалит начальник поезда полковник Федосеев.

– Стрелка-стрелочка! И в кого, в чьё сердце ты выстрелишь, егоза? – ласково говорит полковник и заговорщицки улыбается в усы.

Стрелка улыбается в ответ. Она исполнительна, ответственна, но больше всего хочется ей выспаться и посмотреть фильм «Волга – Волга». А это, понимает Стрелка, занятия взаимоисключающие.

Уже сутки не слышно разрывов, сутки не обстрелов. Поезд медленно идёт в тыл. На коротких остановках уже не вносят раненых, а, напротив, выносят умерших в пути, не доехавших до спасительного госпиталя. В вагонах становится свободнее, а, значит, не таким спёртым будет пропитанный запахом пота и лекарств воздух, значит, на её короткий отдых будет чуть больше времени.

Поезд шёл, замедляя ход. Стрелка научилась понимать и поведение поезда. Такое замедление хода означало, что подъезжают он не к полустанку, а к серьёзной станции. Дёрнувшись, поезд остановился. Сейчас можно постоять у дверей вагона, вдохнуть свежего морозного январского воздуха. И, стоя у вагонной двери, младший сержант Иванова мгновенно оценила обстановку. Они стоят на воинской площадке крупной станции, рядом другие составы, снуют туда-сюда офицеры, изредка пробегают красноармейцы. Надолго остановились.

– Что встала там в дверях, красавица?! – артиллерийский старшина в лихо сдвинутой на затылок ушанке приветливо махал Стрелке рукой. – Прыгай к нам! В кино идём! Кинотеатр недалёко, «Волгу – Волгу» дают!

Стрелка, улыбаясь, только развела руками. И тут почувствовала на плече чью-то ладонь. Обернулась – полковник Федосеев, как всегда заговорщицки, улыбался в усы.

– А и правда, сходи, Стрелка-стрелочка. Простоим часа три, а то и больше. Пойдём, увольнительную подпишу.

Держа в руках увольнительную с ещё не просохшими до конца чернилами, Стрелка прыгнула на платформу – группа красноармейцев заворачивала за угол здания, Стрелка разглядела спину весёлого старшины и бросилась за всеми.

Кинотеатр оказался маленьким одноэтажным клубом, но афиша красовалась яркая. Художник постарался. Стрелка мельком увидела его в маленькой каморке: в гимнастёрке без

погон и без кисти левой руки. Без руки-то без руки, а вон какую красоту сделал.

Контролёр ворчала:

– Приходят, идут толпой! Куда я вас посажу?! Ладно, уж, проходите, рассаживайтесь... Да курить не вздумайте – вмиг выведу!

Усаживались долго. Когда свет погас и на экране замелькали кадры военной кинохроники, выяснилось, что места поблизости нет, и Стрелка опустилась на пол, села на подстеленную шинель. Тонкошейей солдатик рванулся уступить ей своё место, но Стрелка замахала руками, зашептала:

– Не надо, не надо. Другим помешаем. Смотри лучше и слушай. Музыка хорошая будет.

Проснулась Стрелка от тишины и не могла понять, где она. Только, оглядевшись, поняла, что лежит на трёх стульях, укрытая шинелью, сапоги с голенищами, обмотанными по всем казарменным правилам портянками, стоят рядом.

– Проснулась, горемычная? – контролёр погладила её по голове. – Товарищи твои тебя уложили, сапоги стащили, шинелькой укрыли. Вставай, обувайся, шинельку надевай. Если напрямки между домами, успеешь к своему поезду. И горазда ты спать, девонька. Два сеанса проспала.

Когда Стрелка подбегала к составу, паровоз уже подал гудок. Ей протянули руки, втащили в вагон. Надо было доложить полковнику о своевременном возвращении. Федосеев сам вышел навстречу:

– Ну, что, Стрелка, младший сержант Иванова, посмотрели кино?

– Так точно, товарищ полковник, замечательная картина!

СОСЕДИ

Две женщины в сквере сразу обращали на себя внимание прохожих своей непохожестью. Одна с плавными формами, в элегантном тёмно-зелёном платье и с распущенными по плечам русыми волосами, другая – прямая, как шпага, в камуфляже. Рыжие волосы на одной стороне головы уложены в короткую, слегка кокетливую причёску, на другой стороне коротко подстрижены, почти выбриты и местами тронуты фиолетовой краской. Та, в камуфляже, держала в руках тонкую трость, но, казалось, не опиралась на неё, а словно вонзала, как шпагу в землю. Женщины тихо переговаривались, время от времени оглядываясь на трёх мужчин. Те сидели неподалёку на парапете и слушали песню из чёрной цилиндрической колонки: слегка хриплова-

тый голос пробивался сквозь гитарные аккорды. Песня заканчивалась, и тогда один из мужчин включал её снова.

После третьего раза рыжеволосая резко развернулась и быстрым шагом подошла мужчинам. Подошла так стремительно и встала так быстро, что все трое вскочили, а тот, что включал колонку, стал едва ли не оправдываться:

– Да мы же просто песню слушали... Если надо, можем потише сделать.

– Не надо. Не надо тише, – оборвала рыжеволосая. – Включи ещё раз.

Не совсем ещё понимая, что нужно женщине, он включил – и снова хрипловатый голос, и снова гитарные аккорды. И тут он спохватился:

– Да вы садитесь, садитесь.

– Нет, не сяду. У меня нога железная. Трудно подниматься будет, – женщина говорила жёстко. – Лучше скажи, откуда ты.

– В смысле «откуда»?

– Да ты не суетись, не мямли. Откуда? Я, например, из Горловки, а ты?

Лицо мужчины стало жёстким, серьёзным, на щёках легли складки. Он молчал.

– Из Дзержинска, из Дзержинска он, – пришёл на помощь его товарищ. – А песня нашего друга. Двухсотым он домой уехал.

– Из Дзержинска? Смотри-ка, соседями были. Ну, со встречей, сосед. Фиалка, – женщина протянула руку.

– Волк, – понимающе отозвался мужчина. Он хотел было пожать руку, но Фиалка резко притянула его к себе и порывисто обняла.

Объятие длилось недолго. Женщина так же резко оттолкнула боевого соседа, развернулась и пошла, прихрамывая и вонзая в землю свою шпагу. Подруга еле попевала за ней.

Колонка в руке мужчины давно молчала. Молчали все. Мужчина смотрел вслед той, что назвалась Фиалкой. Его друзья стояли сзади и не видели еле заметной, почти сухой слезы на щеке друга.

ВЛАДИМИР ЗАМЫШЛЯЕВ

Родился в 1953 году. Служил на Северном флоте. Инженер-технолог, психолог. Работал на стройке, на заводе, в школе, на общественной работе, занимался наукой, предпринимательством. Много путешествовал по России и миру. Опубликовал ряд публицистических статей. Автор книги «Паутинка на глобусе». Печатался в литературно-художественных журналах и альманахах России, Германии, Великобритании, США, Греции, Украины, Казахстана, Болгарии. Лауреат и дипломант ряда литературных конкурсов. Член Союза деятелей

культуры и искусства, член некоммерческого партнёрства поддержки литераторов «Родные просторы».

ЭФИОП...И Я

Однажды... С этого слова люди обычно начинают рассказывать истории. Начну и я... Так вот, однажды, болтаясь по просторам интернета, я увидел объявление, что некий Вячеслав предлагает совершить путешествие по Южной Эфиопии с посещением долины реки Омо. Тут я замечу, что мне уже доводилось немного читать о Северной Эфиопии – там находятся действующие вулканы и о Южной, где живут дикие племена. И там, и там хотелось побывать. Позвонил, выяснил, что группа туристов из трёх человек готова выйти на маршрут, и есть надежда, что если смогу купить авиабилет на завтра, то успею. Перезвонил:

– Билеты есть на сайте, но как получить визу?

– Вышли копии авиабилетов и две фотографии электронной почтой, я вечером посижу и сделаю электронную визу.

– Не понял, как это «посижу»? Как «сделаю»?

– Не волнуйся, у меня цветной принтер есть.

– Меня на таможне прихватят за подделку визы и посадят в эфиопскую тюрьму.

– Я тебя встречу в аэропорту Аддис-Абебы.

– Ну, это в корне меняет дело, сидеть вдвоём в одной камере веселей будет. А если серьёзно?

– У нас в Африке за такую малую провинность не сажают.

– А если просто не впустят в страну? Тоже радости мало.

– Я не в первый раз делаю такие визы, и всегда прокатывало.

Времени мало на проработку информации, но заглянул в интернет. Столица Эфиопии – Аддис-Абеба. Государственный язык амхарский. В европейской культуре, в том числе в русском языке, страна известна под названием Абиссиния, но после 1945 года название изменилось. Эфиопия – единственная традиционно христианская африканская страна. Одной из основных религий является восточное христианство (Эфиопская православная церковь),

также в периферийных районах распространён ислам. Ниже уровня бедности живёт около 40 процентов населения. Сельское хозяйство – главная отрасль экономики, основным экспортом является кофе. Да зачем мне всё это! Важней знать какая будет погода. Читаю: вся территория Эфиопии располагается в экваториальной и субэкваториальной зонах, а значит температура круглый год держится в пределах от +25 С до + 30 С, с той лишь разницей, что лето – сезон дождей. Я еду в начале августа, поэтому надо что-то брать от дождя. Мне уже доводилось попадать на сезон дождей в Южной Индии, когда я жил там целый месяц. Днём или ночью ливень, как из ведра, дороги превращаются в реки, пятидесятиградусная жара, парит, словно находишься в турецкой бане. А ещё я был в Непале, когда с неба не только льёт дождь, но и валятся мелкие камни. Учитывая, что касок на голове ни у кого не было, не совсем приятно было чувствовать аппликатор Кузнецова по всему телу и постоянно молиться, чтобы не прилетел большой валун. Тогда за несколько часов перед нами дорогу, по которой мы должны были двигаться, накрыл оползень, часть дороги и деревянный смыло, погибло 197 человек местных жителей. Но здесь, в Эфиопии, не будет таких высоких температур, да и горы не предполагается увидеть. Моя цель поездки – племена долины реки Омо.

В аэропорту Аддис-Абебы меня встречал Вячеслав, который выделялся на фоне других высоким ростом и бледностью лица. На вид ему было примерно чуть больше сорока лет. Нас, туристов, было четверо: Антон – неопределённой профессии, лет тридцати красавчик с нарциссическими наклонностями, Людмила – юрист по профессии, лет сорока, приятной наружности с позитивным настроем, Алексей – пенсионер шестидесяти четырёх лет, подрабатывающий курьером, на первый взгляд большой зануда, и автор этих строк – работающий пенсионер шестидесяти восьми лет.

Погрузили вещи в микроавтобус и поехали в город. Вёл машину Вячеслав. Остановились у кафе. После уличной жары в помещении было прохладно – работал кондиционер. Заказали завтрак, расплачивался каждый сам за себя. Вячеслав тщательно пересчитал собранные деньги.

Приехали в племя Хаммер. Его жители занимаются скотоводством. Они напоминают наших оленеводов, мигрируют в поисках травы, ставят домики в форме полусферы. Нам повезло – мы попали на обряд инициации, возможно Вячеслав знал о времени проведения этого ритуала. После прохождения обряда инициации молодой человек становится мужчиной, это даёт право выбирать жену, заводить детей. Жён может быть несколько, старшая имеет отличительную особенность в виде широкого кольца на шее с выступающим нагелем. За каждую жену надо расплачиваться коровами. Невеста должна быть девственницей, иначе она будет изгнана из племени.

Перед началом ритуала босые девушки, одетые в короткие юбочки, с прикрытой топиком или тканевой накидкой грудью, стайкой бегут в одну сторону, потом возвращаются обратно, кружат, пританцовывая, ритмично звеня бубенцами на щиколотках, при этом поочерёдно каждая из них гудит в рожок. Сбившись в кучку, как футболисты перед началом матча, что-то проговаривая, они вдруг разбегаются в разные стороны по кустам. Через некоторое время возвращаются, неся каждая по несколько прутьев длиной сантиметров восемьдесят. Подходят к молодому мужчине, толкаются, каждая стремится приблизиться к нему. Первая из них даёт ему прут. Девушка невысоко подпрыгивает на одном месте, гудит в рожок, глядя на парня. Тот размахивается и резко бьёт прутом по телу или рукам девушки. Она радостно смеётся и отходит в сторону. На её место тут же встаёт другая. От удара прутом остаются кровавые полосы шириной в сантиметр. Следы прошлых избиений чётко видны на теле девушек. И чем больше таких отметин, тем статус в племени выше. Жена должна уметь терпеть боль. Девушка, не получившая порку, чувствует себя обделённой.

Глядя на это действие, я размышлял: российские девушки многое взяли от Африки, это и африканские косички, и кольца на запястьях, в носу, тоннели в ушах, надутые губы. Так можно дойти до абсурда. Неужели придёт время, когда наши парни будут хлестать прутьями своих подружек. Да, больно. Зато как прикольно! Некоторые молодые люди ради прикола готовы пойти на многое.

Народ потянулся в лесок, ну и мы за ними. Лесом, в нашем российском понимании, это назвать нельзя. Здесь не встретишь корабельные рощи. Да, есть невысокие деревца, но мощных деревьев мне не удалось увидеть. Вышли на поляну, здесь уже было много людей. Обряд должен проходить на этом месте и может длиться до нескольких часов, что придаёт важность событию. Старики собрались отдельной группой, а неподалёку сидит на земле полностью голый парень, который должен пройти важнейший в жизни обряд инициации. Если не сдаст экзамен, следующий раз будет только через год. Парню разукрашивают лицо натуральными цветными красками. Возможно, рисунок имеет какое-то ритуальное значение, а может просто придаёт красоты облику юноши.

Я подошёл поближе, чтобы лучше рассмотреть, как друзья «булл джампера» раскрашивают друг друга. Старички, сидящие рядом, замахали руками, чтобы близко не приближался, не мешал исполнению таинства. Мне в этот момент пришла мысль, что наши русские девушки тоже не должны показывать мужчинам, как красят губы и ногти, накладывают макияж, делают причёски, подбирают одежду. Это тоже должно быть таинством, и мужчины не должны знать, как эта красота достигается, иначе женщина перестаёт быть загадкой для него. Женщина должна предстать во всём блеске, а как этого она достигла – никто не должен знать.

Мужчины в этом случае, как сказала героиня одного старого фильма, будут к её ногам падать штабелями.

Вокруг поляны собрались зрители. У некоторых мужчин были автоматы. Африка, однако, львы могут подкрасться. Подвели четырёх рослых быков. Со знанием дела мужчины дружно схватили животных по два человека на одного быка: один держал за хвост, другой за рога. Быки норовили вырваться. Нужно удерживать быков, чтобы они стояли, прижавшись друг к другу боками. В этот момент зрители в предчувствии самого главного действия дня смотрели на испытываемого. В дудки уже никто не играл, не танцевал. Молодой «булл джампер» стоял перед быками, сосредоточенно о чём-то думая. Его понять можно: спины животных покрыты испариной, скользкие, неустойчивые, парень невысокого роста, надо ещё изловчиться запрыгнуть на достаточно высокую спину быка. Как поведут себя животные, почувствовав ступни парня? Для него это было самым главным событием в жизни! Зрители притихли. В этот момент всё племя смотрело на него одного! Короткий разбег... и юноша легко взлетел на спину быка. Быстро перебирая ногами, он пронёсся по их спинам...и вот уже соскочил с четвёртого быка. Повернулся, и вновь быстрый пробег по спинам быков. И так четыре раза. Экзамен успешно пройден! Первыми «булл джампера» поздравили друзья. Затем девушки загудели в дудки, пританцовывая, заполняя всё пространство поляны звоном бубенцов.

Обряд инициации завершился. Сегодня жених выберет невесту, которая станет его женой. Для неё уже приготовлен отдельный дом. Муж и жена будут жить в разных домах и должны встречаться в общем доме только для зачатия ребёнка. Правда, не очень верилось, что это правило соблюдается.

В Эфиопии 56 племён, все говорят на разных языках. Разводят коров или угоняют скот у соседей. Бывает, что убивают людей. За каждого убитого недруга делают засечку на своём теле, и чем больше таких отметок, тем круче мужчина. Не хотелось бы, чтобы и за мою голову у кого-то появился какой-либо знак на теле.

Вечером после ужина мы сидели в фойе отеля и обсуждали прошедший день. Возник вопрос, как в Африке появилось христианство? Вячеслав, наш гид, коротко рассказал историю. Эфиопия, оказывается, приняла христианство одной из первых в мире, раньше была только Армения, в I-м столетии н.э., когда апостол Филипп окрестил в Иерусалиме евнуха, охранявшего богатства местной царицы Кандакии. В III веке н.э. христианство в Эфиопии укрепили бежавшие сюда от римских гонений сирийские монахи-христиане. А уже в IV столетии н.э. христианским просветителем эфиопов был Фрументий, римский гражданин из Тира, который потерпел кораблекрушение на африканском побережье Красного моря. Фрументий, но сумел выжить и стал первым епископом Аксума, советником местного правителя, крестил его сына Эзану. Эзана впоследствии стал царём и в 330-м году торжественно окре-

стил весь свой народ. С точки зрения Русской православной церкви эфиопы всё же не православные. Эфиопы не признают святой Троицы. Крестятся по-особому: согнутыми средним и указательным пальцами. Как и мусульмане не едят свинину. Слушая занудное повествование Вячеслава, я ушёл в своих мыслях в Израиль. Путешествуя со своей подружкой по стране обетованной, мы увидели сидящих на зелёном газоне Тель-Авива большую группу темнокожих людей. Я спросил у своих друзей, живущих в этой стране более двадцати лет: «А что эти ребята здесь делают? Если судить по прикиду, на ПМЖ приехали?» Ответ меня удивил: «Это переселенцы из Эфиопии, тоже евреи, наша страна их охотно принимает». Интересные ребята эти эфиопы!

Вдруг Вячеслав поменял тему разговора:

– Хочется узнать у вас, в чём смысл жизни, для чего вы живёте? Антон, скажи.

– Каждый день, каждый час чувствовать кайф. Буддийское: жизнь есть страдание, не для меня.

– Ну, а ты, Людмила, что думаешь?

– Для меня главное в жизни это карьера. Я родилась в Анадыре, школьные годы прошли там же. В Москве добиться определённого статуса – вот цель моей жизни. Семья, дача, ненужные друзья – всё это мешает карьере.

– Владимир, что ты мыслишь по этому вопросу?

– В каждом возрасте у человека могут меняться и смысл, и цели в жизни. В настоящее время – дети и внуки. Можно только радоваться их успехам и сопереживать их неудачам.

– Для меня, – Алексей задумался на несколько секунд, – суждение Владимира ближе. Главное – это семья. А ты, Вячеслав, уже не юноша, а задаёшь такой вопрос, значит что-то не так?

– Можно сказать и так. Два с половиной года назад я уехал из Москвы, сейчас с женой живём в Кении, но, как ты выразился, что-то всё не так.

– Многие века люди поднимали этот вопрос. Толстого Льва Николаевича тема задела за живое...А философ Владимир Соловьёв...

– Алексей пытался развить эту тему, но я бестактно перебил:

– Как гласит китайская пословица: «Чтобы познать смысл жизни, надо прожить не менее 600 лет». Так что, уважаемые товарищи, мы сейчас ничего не решим.

В путешествиях люди становятся откровенными, наверно, считают, что в жизни они больше никогда не встретятся.

На следующее утро мы поехали на озеро Чамо. Оставив вещи в прибрежном отеле, пошли на стоянку лодок. Наша лодка была большой с верхним тентом то ли от дождя, то ли от солнца и мощным японским двигателем. Когда мы расселись по лавкам вдоль бортов, Вячеслав рассказал путевую информацию. Озеро большое: 32 километра в длину, 13 километров в ширину. Здесь водятся самые большие в мире крокодилы, некоторые достигают 6

метров. И таких красавцев в озере насчитывается около 4000 особей, вид у них крайне агрессивный, охотятся на крупный рогатый скот. Выделяется людоед «Густав», который съел более 300 человек. И кто считал, что именно этот самый Густав слопал столько людей? У него ведь бейджика на морде нет. Был случай, когда крокодилы окружили лодку с туристами и не хотели выпускать. А вдруг нашу лодку также окружают, а у нас даже ружьишка нет, чтобы пугнуть их.

Мы поплыли на остров, где любят загорать крокодилы.

– Смотрите, смотрите! – Людмила показала рукой, – это крокодил плывёт?

– Нет, это бегемот. Он всплывает на поверхность озера, чтобы сделать вдох, – успокоил Вячеслав. – Правда, от бегемотов тоже много людей погибает.

– На берегу масса всяких птиц, кто это? – Людмила крутила головой то в сторону плывущего бегемота, то в сторону птиц.

– Это большие белые пеликаны и жёлтоклювые белые цапли.

– Красивые птички, – улыбнулась Людмила.

– Такие огромные птицы, как можно назвать их птичками? – съехидничал Вячеслав.

Подплыли к берегу, где отдыхали рядом с водой пара крокодилов. Как мне показалось, оба были чуть больше трёх метров. Наша моторная лодка ткнулась в берег совсем рядом с мордой крокодила. От неожиданности рептилия подпрыгнула на одном месте и в воздухе развернулась влево. Мы все попадали на дно лодки. Капитан дал задний ход, и мы метра на три отплыли от берега. Выйти на берег для фотосъёмки никто не изъявил желания, наблюдали за животными с лодки. А фотография с таким красавцем была бы классной! Но эта фотосессия могла оказаться последней для туриста.

Вечером обсуждали прошедший день.

– Да, ребята, если бы крокодил в прыжке развернулся не влево, а вправо, тогда он мог оказаться в лодке. И кому-то из нас не повезло бы... Впереди сидела Людмила. – Антон явно нагнетал страшилку, посмотрев на неё.

– В тот момент я инстинктивно упала на дно лодки, и только потом пришёл настоящий страх, когда увидела, что и вы все поваились.

– Все красивые женщины загорают на пляжах, а тебя куда, Людмила, понесло? У нас ещё впереди встреча со львами. – Антону понравилось прикалываться над нашей единственной в группе женщиной.

– Не люблю загорать на песке, как баклажан. Пресно как-то. Хочется драйва! У меня в детстве была любимая игрушка – бегемот. Вот было бы здорово сфотографироваться с настоящим бегемотом! Мои друзья умерли бы от зависти!

– Но сначала умерла бы ты. Бегемот очень агрессивное животное. Его боятся львы и даже носороги. Однажды я чуть не пострадал от бегемотов.

– Давай, Владимир, рассказывай, только не соври! – Людмила правились мои истории, но ей почему-то казалось, что я немного привираю.

– Никогда не врал. Так вот, слушайте. Было это лет пять или шесть назад, когда я путешествовал по Уганде. Решили нас прокатить по речке, название которой я уже и не помню. Лодка была похожа на сегодняшнюю, с той лишь разницей, что вместо тента от солнца был дощатый настил с перилами. Нас предупредили, что на один борт нельзя смещаться, иначе лодка может перевернуться. Медленно плыли по речке, любуясь африканскими пейзажами и в точности выполняя это предупреждение до той поры, пока не увидели в воде стадо бегемотов. Капитан подвёл нашу посудину совсем близко к ним, видимо, для того, чтобы мы могли лучше сфотографировать. В тот момент мы забыли обо всём. Ринулись на левый борт, нацеливая свои фотоаппараты на прекрасных животных. Лодка резко наклонилась. Мне уже показалось, что я слышу хруст костей, хруст наших человеческих костей! Кто-то успел среагировать и отпрыгнул на правый борт. Лодка перестала крениться. Я облегчённо выдохнул, кто-то не успел даже сообразить, что могло произойти.

– Ну ты, Владимир, усилил. Хруст человеческих костей?

– По статистике в Африке от бегемотов в год погибает более 500 человек.

– Печально бы было, кто бы нас развлекал душераздирающими историями, – оживился Антон.

– Дураки мы, дураки. Зачем так близко подплыли к крокодилам, мы могли сами попасть в историю и рассказывать кому-то про хруст человеческих костей. А может быть об этом смог бы рассказать только наш капитан в своём племени. – Алексей был явно в подавленном настроении.

– Кто же в Африке царь зверей? – Людмила восторженно и красноречиво, подражая Демосфену, произнесла. – Лев боится бегемота, бегемот боится носорога, носорог, в свою очередь, тоже боится бегемота, бегемот не прочь погонять крокодила. Может для них устроить смешанные единоборства для выявления сильнейшего!

– Пожалей зверей. – Алексей ехидно улыбнулся.

– Люди выступают в этом виде единоборства, почему не попробовать на зверях. – Антон улыбаясь постукивал кулаком по левой ладони. – Я считаю слона самым сильным животным.

– Но слон боится мышей.

– Учёные доказали, что это миф, – вступил в разговор Вячеслав. – Слоны боятся муравьёв, живущих на деревьях, и пчёл.

Людмила громко рассмеялась:

– Получается, что самый грозный зверь в Африке – это муравей!

На следующий день мы приехали в племя Дорзи. Деревня расположена на высоте 1300 метров, рядом озеро Чанг. Хижины напоминают большие перевёрнутые корзины, выполненные из бамбука и пальмовых листьев. Высота достигает 12-15 метров. Термиты подъедают дом, и он со временем становится ниже. В хижине несколько перегородок, за одной из них живёт корова с телёнком. В центральной части дома расположен очаг для приготовления кофе. Я, конечно, не гурман, но даже наш растворимый показался вкусней. Мы привыкаем к своей еде и напиткам, и нам кажется она вкусней чужестранных деликатесов. Славится деревня ткацкой продукцией. Из местного эфиопского хлопка женщины прядут нить, а ткут только мужчины на станках, напоминающих наши российские, где ткут половики (дорожки). Гостеприимные хозяева угостили нас местным самогоном. Из чего он сделан, нам не сказали. Самогон разлили по стаканчикам, проинструктировали, как надо пить, и мы покорно согласились. Обязательно пьют стоя, поднимают стаканчики, один кричит: ё-ё-ё-ё-ё-ё, и все пьющие дружно громко подхватывают: ё-ё-о-о-о-о-о. И только потом пьют. Мне вспомнился случай, когда в семейном кругу, отмечая мой пятидесят седьмой день рождения, старший брат Олег высказал претензию:

– Мне жалко на тебя смотреть, когда ты пьёшь водку, всё лицо твоё перекашивается, словно выпиваешь чашу с ядом. Надо пить так, – и стал объяснять, как надо при питье вдыхать и выдыхать.

– Ты, как старший брат, учил бы пить водку не сейчас, а когда мне было 14 лет... Хотя правильно, что не учил. Много моих друзей ушли в мир иной, которые в отличие от меня научились пить это зелье.

Вячеслав неожиданно прервал мои воспоминания и перевёл разговор о мировом опыте распития алкогольных напитков на другую тему:

– До вас у меня была группа из Украины, и мне перед ними было стыдно, что я русский, что я из России.

– Почему? – Алексея заинтересовала такая откровенность.

– Потому, что Россия пять месяцев назад напала на Украину, значит наша страна агрессор.

– Это примитивное рассуждение. Россия в 90-е годы, да и в начале двухтысячных пыталась идти в фарватере американской политики. Наши политики наивно полагали, что теперь исчезла борьба двух идеологических систем и обе страны готовы к сотрудничеству. Но военный блок НАТО, несмотря на это, обложил Россию военными базами, в том числе и на Украине строились базы. Запад обещал принять Украину в блок НАТО... В Киеве произошёл политический переворот, который, по сути, провозгласил нацистское государство. Людей, не согласных с этим режимом, решено было выдавить с их родной земли. Так в течение восьми лет киевский режим обстреливал жителей Донбасса... Все эти годы

Киев не хотел выполнять минские соглашения, которые должны были привести к миру. Европейские политики и правозащитники словно не замечали происходящее на Украине... Россия, чтобы обезопасить свои границы обратилась к Западу о проведении красных линий. Но политики опять никак не среагировали. И тогда Россия показала, что она серьёзно настроена в решении этого вопроса. Тем более, что жители Донбасса обратились к России за помощью... Запад хочет расчлениить нас на несколько государств, чтобы стране-гегемону стало легче управлять миром. – Алексей словно читал политинформацию для школьников.

– Но Украина другое государство, пускай бы они сами решали свою судьбу, – не соглашался Вячеслав.

– Украинцы и русские, по сути, один народ. Родственными связями переплетены люди в этих странах, и этот факт нельзя не учитывать. Поэтому мы не можем называть Украину другим государством, это родственное нам государство, – продолжал Алексей.

– Да если бы в 2014 году во время государственного переворота наши вошли в Киев, так сейчас войны никакой бы не было. А так дали им возможность восемь лет готовиться к войне! – запальчиво произнёс Антон.

– И не просто готовились, мозги людям так забили, что те стали ненавидеть россиян, – поддержала Людмила.

– Несколько известных людей уехало из России, – не сдавался Вячеслав.

– Слава, люди уехали спасать свою заграничную недвижимость и банковские счета. Побоялись, что друзья-демократы отберут у них всё. А кто-то испугался, что в армию призовут. Ну, а кто-то, как стадо баранов: куда все мои знакомые, туда и я. Слава Богу, что большинство людей правильно понимает ситуацию, они остались на Родине. Запад хочет организовать мир так, чтобы все не главные, по их понятиям, страны работали на них: одни выращивали бананы, другие кофе, третьи снабжали нефтью и газом. Россия не согласилась быть сырьевым придатком, менталитет наших людей не тот.

– Россия – великая страна, – вставил и я своё слово. – Я понимаю, что в современном мире невозможно жить обособленно, все страны должны быть экономически интегрированы и жить по единым законам, но нашу страну не допускают к принятию этих законов.

– Так, нам ехать пора. На эту тему можно говорить сутками. – Вячеславу одному спорить против всех явно не хотелось, хотя чувствовалось, что он остался при своём мнении.

Ура! Сегодня мы едем к мурси, увидим девчонок с тарелками на нижней губе и большими тоннелями в ушах. Это была моя самая большая цель поездки. Приехали. Правда, мурси считается самым агрессивным племенем в Африке, но всегда есть надежда на «нас-то за что». Мужчины племени стояли в стороне от домов под дере-

вьями и о чём-то переговаривались. У двух человек я увидел длинные выше человеческого роста палки, копыя (донга). У некоторых из них на плечах висели автоматы Калашникова. Как рассказывал Вячеслав, оружие они получают из Южного Судана, за пять коров – один АКМ. От группы отделился один человек и подошёл к нашей машине. Перекинувшись несколькими фразами с гидом, он повёл нас к невысоким домикам в форме полусферы. Там работали женщины, наше появление не вызвало у них никаких эмоций. На их теле было много татуировок, причём объёмных. Чтобы получить их, надо разрезать кожу и ввести личинку какого-то насекомого. Рана гноится, образуя объёмное изображение. Такие операции повторяют, и в итоге создаётся полный рисунок. Я подошёл к одной красавице и стал присматриваться к татуировке. Неожиданно для меня она быстро сбросила ткань с груди, и весь рисунок тела, исключая набедренную повязку, предстал передо мной...Я на некоторое время «завис»...Перевёл взгляд на других девушек, все они были подстрижены наголо, у нескольких головы украшены ветками деревьев. И вот я вижу: у некоторых девушек на нижней губе тарелка диаметром более 10 сантиметров! Я попросил потрогать. Девушка сняла тарелку. Глиняная тарелка показалась мне тяжёлой, чтобы носить одной губой. Нижняя губа отвисла, вдоль неё шёл сквозной надрез. Открылись нижние зубы, точнее сказать, отсутствие нескольких зубов для удобного ношения тарелки. Интересно, как они выбивают нижние зубы, оставляя в целостности верхние? И не жалко таких красавиц по зубам бить? Может наш гид что-то напутал? Как такие губы целовать? Может быть целуют только верхнюю или вообще в губы не целуются. Этот вопрос я не решился задать. Чем больше тарелка, тем больше дают выкуп за невесту. Цена от 35 (15000 долларов) коров и выше. В ушах примерно такие же тарелки. Наши русские девчонки дешевле будут. Тут, правда, как считать? Эфиоп отдал коров, подарил своей жёнушке набедренную повязку, и та довольна. А у нас всю жизнь её корми, пои, а шмотья сколько надо, в ресторан иногда вывести, в отпуск надо в Турцию свозить. Пожалуй, коровами рассчитаться дешевле. Традиция с тарелками возникла во времена, когда красивых девушек забирали в рабство. Чтобы избежать этого, девушек уродовали. Со временем это стало считаться признаком красоты. Ещё в детском возрасте девчонкам делают женское обрезание, чтобы не помышляли об измене мужу.

Возвращаясь к машине, я отметил, что мужчины по-прежнему стояли и о чём-то переговаривались. Некоторые сидели на необычных табуреточках: днём он на ней сидит, вечером – кладёт под голову вместо подушки. Все, как и девушки, подстрижены наголо. Мужчины, достигшие совершеннолетия, могут получить право жениться в честном поединке на палках. В бою юноши, совершенно обнажённые, нещадно бьют друг друга палками. По-

бедитель получает право жениться. Таким важным событиям предшествуют тренировки, где юноши не столь жестоки.

– По Эфиопии путешествовал Николай Гумилёв. Тебе что-нибудь известно о его двухлетнем пребывании в этих местах? – спросил я.

Вячеславу явно не понравился этот вопрос, он огрызнулся:

– Кстати, ваши большевики его расстреляли в 1921 году.

– Да, да. Наши, ваши. Время было такое: красные, белые, борьба между ними жестокая была. Большевики его не трогали поначалу. Но не надо было ему кричать на каждом углу, что он за монархию. Сейчас тоже непростое время.

– А как ты понимаешь поэзию, дай определение?

– Я как-то не задумывался над определением. Если совсем коротко – это рифмованные эмоции, в большей степени. Есть более авторитетные люди, чем я, они лучше дадут это определение. Например, у Бориса Пастернака есть стихотворение, которое так и называется «Определение поэзии». Начальные строки я ещё могу вспомнить:

Это круто налившийся свист,
Это щёлканье сдавленных льдинок.
Это ночь, леденящая лист,
Это двух соловьёв поединок...

Но, если тебя этот вопрос интересует, найди у автора полный текст стихотворения.

Вот и подошёл день отъезда. После завтрака, собрав рюкзак и возвратив ключ от номера, я присел на диван в ожидании своих попутчиков. Со мной рядом расположился эфиоп. Широко улыбаясь, он спросил меня:

– Привет! Откуда приехал?

– Из России.

– Россия, Москва, Путин!

– Нас ещё кроме него 140 миллионов человек.

– Мы, в Эфиопии, любим Россию. Ещё больше любим Советский Союз.

– Такой страны теперь уже нет.

– Я знаю.

– Зачем любить то, чего уже нет?

– Когда был Советский Союз, в мире был баланс и все мировые проблемы как-то решались. А сейчас всё решает одна Америка, и от неё идут одни неприятности для остального мира. Мы надеемся, что Россия окрепнет и мировой баланс восстановится. – Эфиоп показал руками движение, обозначающие весы. – Передай на свою Родину, что Эфиопия за Россию. И не только Эфиопия, но и многие другие африканские страны.

– Хорошо. Обещаю об этом написать.

Сознаюсь, мне было приятно слышать, что мою Родину знают и поддерживают в далёкой Эфиопии.

АЛЕКСАНДР ТОВБЕРГ

Родился в 1974 на Донбассе. По образованию – сознательно не состоявшийся журналист; по профессии – был многим, но не стал всем; по призванию – фантазёр с гротескно-поэтическим уклоном. Печатался в разнообразных изданиях: Украины, России, Беларуси, Казахстана, Германии. Член Межрегионального союза писателей, СП России и Союза писателей Крыма. Участник и победитель разнообразных конкурсов и фестивалей. Лауреат литературных премий им. О. Бишарева, им. В. Даля, им. «Молодой Гвардии». Выпустил 7 книг стихов и прозы разной тематики. Ныне проживает в Санкт-Петербурге.

БЛЯХА-МУХА

Провинциальный донбасский городок К., находящийся по ту сторону добра. Линия фронта застыла. Как долго будет длиться иллюзия мирной жизни – никто не знает.

Я там долгое время работал на предприятии по производству тепла. Пока не пришлось «делать ноги». Но воспоминания не отпускают. Лезут на бумагу. Значит – необходимо запечатлеть.

Мои коллеги были, в подавляющем большинстве – мужики адекватные, и политическую обстановку понимали правильно. Многие – из бывших шахтёров. Но попадались индивидуумы особо одарённые, к промыванию мозгов укропомойными каналами дюже восприимчивые. Был такой и в нашем коллективе – Петюня-электрик – оптимист с золотозубой улыбкой.

Однажды заметил я на Петюне широкий армейский ремень, советского образца, с большой латунной пряжкой и барельефной звездой на ней. Вернее, как раз звезды с серпом и молотом не наблюдалось. Только – голая, блестящая бляха-муха со следами зачистки наждачным кругом. Ну, Петя и раньше умом не отличался, а когда 2014-й год начался, и цунами декоммунизации покатило, набирая обороты и снося всё на своём пути, наш озабоченный вообще кукухой поехал. Стал всех призывать на мове балакать. Спрашиваем, а сам чего не балакаешь. А он нам давай Тараса Шевченко читать наизусть. Плюнули мы и разошлись работу работать. Дурак – он и есть дурак.

А тут новая шиза обострилась – этот ремень, эта бляха. Ведь все мы, работяги, лет довольно почтенных, соответственно, в Советском Союзе родились, и лично мне затея Петюнина насчёт варварского уничтожения звезды с серпом и молотом – прямо как тризубом между ног.

Ходил я вокруг да около, терпел, и не выдержал-таки.

- Ты зачем, - говорю, – звезду сбрил? – показываю на зачищенную бляху.

Петя морозится, типа не слышит. Отворачивается от меня и от вопроса. Но я настаиваю и тему развиваю.

-Ты тогда, – говорю, – и ремень на кусочки поруби и на помойку вышвырни, да бляху в цветмет сдай, будь последовательным.

Петя не слышит раз, не слышит два, не слышит три. О чём-то своём, бытовом, лапшу вешает, зубы заговаривает, с темы съезжает. Хотя, он, и правда, глуховат был. А ещё – добровольцем на рытьё окопов для всуков под Мариуполем напросился. Все отказались, а он пошёл. Ну, там его ещё и контузило вдобавок. Теперь медальки ждёт и прибавки к пенсии, ага.

- Не нравится, – говорю, – бывшая родина, тебя родившая и выкормившая?, чё морозишься?.. Если герой такой, тогда и спецовку на помойку выбрось, она, я гляжу, тоже ещё советской эпохи. Ну и квартиру разнеси, хрущёвку свою, «Москвича» 412-го, на коем на работу ездишь, в металл сдай, ну чё, и зубы свои золотые на благотворительность этим ублюдкам, которые мирных людей в Донецке да Луганске мочат, пожертвуй, и всего себя заодно – на органы для киборгов,.. самодекоммунизируйся, слабо?

Петя более не стал меня слушать, засуетился, обозвал меня «сепаром» и выбежал из цеха во двор. Вскочил на свой видавший виды советский велик «Украина» и уехал якобы по делам.

Конечно, вопросы мои для Петюни были риторическими. Мужики меня одёргивали, мол, не цепляйся к нему, наступит куда надо, сами они при нём предпочитали помалкивать и настроения свои скрывать. Но меня эта его выходка с «бляхой-мухой» прямо по нервам царапнула.

- Ладно, – говорю, – предложу ему покрасить бляху в национальные цвета и тризуб намалевать. Авось для чего-нибудь да поможет. Порчу отведёт, жизнь у Пети наладится. А там, глядишь, и нам немного перепадёт.

Коллеги с пониманием вздохнули, и пошли мы опять работу работать.

Касательно же Петюни, по моим сведениям, он всё же напросился в очередные добровольцы. Картошку чистить воякам. Поскольку по состоянию здоровья он оказался на фронте не нужен. Зато опять отличился – под обстрел попал, ногу ему пробил осколком, в госпитале валялся. И что с ним сейчас, увы, не знаю. Подозреваю, всё же однажды декоммунизирует его, дурного, смертушка, даже имени не спросит.

НЮАНСЫ 23 ФЕВРАЛЯ

Пришли к нам на предприятие по выработке тепла девушки из МЧС. С плановым инструктажем по Безопасности жизнедеятельности. Одна из эмчэсниц подписями и фотографированием слушателей занималась – для отчёта о проделанной работе. Другая, лет 30, при погонах, миловидная такая, – лекторша при исполнении, про технику безопасности на производстве, про пожары рассказывала, про взрывы, вообще – об опасностях жизни в

прифронтной зоне. Памятки нам раздали. Мы внимательно слушаем, брошюры рассматриваем, да и самих представительниц прекрасного пола шёпотом обсуждаем – тоже небезынтересное занятие.

Лекторша складно чешет, подкованная. А один случай из её рассказа так особо запомнился.

Не тем, что посылку известной почтовой фирмы, сотрудничающей с нациками, нашли в заброшенном доме, а в ней – подарочный набор из гранат и патронов. Нет, такого добра на Донбассе хватает, сами знаете, кому за это спасибо сказать. И не тем запомнился, что флаг «соседней страны» в посылке обнаружился. Чё тут удивляться – те провокаторы, кои посылку подкинули, те и флаг запаковали. Должно ж быть убедительно. Не мешало бы ещё портрет президента РФ приложить, шитый бисером и с его автографом. Тут, похоже, недоработка. Нет, не этому мы удивились. Даже и не тому, что вызванный на место находки сапёр попытался открыть заботливо упакованную (во флаг, наверное?) термокружку. Типа, выпейте чайку за нас, ребята. Ну, «выпил», сапёр-недоучка, – остался без рук, без глаз, выжил, правда. Повезло ему или нет – вопрос хреновый. И задать его некому.

А для чего я это всё вообще рассказываю? Ради нюансов, которым мы коллективно удивились. В них-то, как принято, и скрыт чёрт-дьявол.

То, что женщина лекцию нам на русской мове читала, – это нормально, русскоязычный регион всё же, хотя, да – нюанс! То, что она флаг, найденный в посылке, назвала флагом «соседнего государства», не агрессора, заметьте, это тоже отвечает нашему здравому смыслу, но тоже – нюансик! А вот то, что описываемый девушкой при исполнении случай произошёл 23 февраля, в День защитника Отечества, говорит о многом. Да, это её слова, вырвавшиеся оговоркой по Фрейду. Мы от них даже коллективно подпрыгнули, подумали, не ослышались ли. Переглянулись и поняли – нет. Ладно, некоторые выпимши были, но ошибки быть не могло. И сразу на душе ещё теплее стало – наш человек!

Расходились под впечатлением. Не зря нас на лекцию начальство загнало, ой, не зря. Если вот такие вполне ещё молодые женщины старые праздники не забывают – то у нас хоть какая-то завалящая надежда на будущее есть. Всё же, глубинное, всосанное с молоком матери не так-то просто вытравить из народа.

И нас таких – много, особенно – простых граждан, ждущих освобождения от ига безумия, хоть и пришлось нам в подполье уйти и ушки на макушке остро держать. Пусть укропители нас «ждунами» называют, а мы знаем – чья возьмёт.

Потом после лекции в «слесарке» ещё по сто грамм добавили – за прошедшее 23 февраля и за эту симпатичную женщину, чтоб упоротые доброжелатели не сдали её в СБУ, и вообще – за победу.

ВАСИЛИЙ ТОЛСТОУС

Родился 24 июня 1954 года в городе Свердловске Ворошиловградской области Украинской ССР. Окончил Донецкий политехнический институт. Автор нескольких книг стихов. Печатался в литературной газете «Отражение», альманахах «Свой вариант» (Луганск), «Многоцветье имён» (Донецк), «Каштановый дом» (Киев), «Серебряный дождь» (Московская область), «Семейка» (Германия), в журналах «Окна» (Германия), «Новый свет» (Канада), «Склянка часу» (Украина), «Три желания» (Россия) и мн. др. Лауреат премий: им. Михаила Матусовского, им. Владимира Даля, им. Олега Бишарёва, областной государственной литературной премии им. Виктора Шутова.

ЖИЗНЬ НИКОЛАЯ КУЗНЕЦОВА

Наше знакомство началось необычно. Мне по должности поручили опекать один из участков по добыче угля. Юный, почти безусый, я робко заглянул в помещение нарядной. Вокруг двух полированных столов на стульях сидели трое или четверо шахтёров. За третьим столом, напротив окна восседал Николай Васильевич Кузнецов, помощник начальника участка. Меня он не знал вовсе. Я вошёл и застыл, подбирая слова, так как знал, что успех или неуспех в любом деле начинается с первой же произнесённой фразы. Кузнецов смотрел на меня в упор и ждал.

– Ну, давай, давай, паренёк, рассказывай. Чего тебе надо? – наконец раздался глуховатый голос.

С досадой я понял, что отдал инициативу, но, стараясь не терять достоинства, представился.

– А ну-ка, ребятки, освободите жилплощадь. Потом договорим, потом.

Он довольно бесцеремонно вытолкнул шахтёров, закрыл за ними дверь и повернулся ко мне. Выражение его лица оставалось неопределённым, точно бы он не знал, как себя со мной вести. Впрочем, широкая улыбка на всякий случай всё-таки появилась.

– Кузнецов Николай Васильевич, – представился он и протянул руку.

Кузнецову нравилось пожимать людям руку вполсилы. Этого оказывалось достаточно, чтобы простодушный человек произвольно взывал и просил о пощаде. Обычно Николай Васильевич в ответ нарочито растерянно рассматривал покрасневшую кисть своей руки и долго сокрушённо тряс её. Таким образом, он ещё до первого сказанного слова получал преимущество в разговоре и умел не упускать его. Многие понимали эту хитрость, но поддаться ничему не могли – на шахте не находилось человека, обладавшего подобной же силой.

В случае со мной всё произошло именно так. Вышел я из нарядной полностью сокрушённым и даже начал сомневаться, в самом ли деле это я должен следить за расходованием фонда заработной платы участка, а не он. Пришлось потратить много сил, настойчивости, даже банальной грубости (которая, впрочем, в работе на шахте занимала не последнее место), чтобы изменить в свою пользу баланс наших отношений. Наконец в какой-то момент, когда мой голос как специалиста набрал силу, а предъявляемые доводы стали достаточно дельными, чтобы с ними считаться, Кузнецов признал во мне равного себе, и без моего совета старался экономических решений не принимать.

К тому времени я уже многое знал о нём.

В пору нашего знакомства Николай Васильевич в третий раз за свою трудовую деятельность исполнял должность помощника начальника участка. Жизнь его проходила бурно: судьба то способствовала карьерному росту, вплоть до начальника участка, то с шумом низвергала, едва давая шанс выплыть и прибиться к берегу. Затем подъём начинался сызнова, чтобы опять закончиться подобным же образом. И такие качели совершались несколько раз.

Пост помощника начальника участка оказался для него последним. Николай Васильевич всё понимал, после поворотов судьбы стал ровнее и глубже дышать, и всем говорил, что пора готовиться в пенсионеры. При этих словах он внимательно смотрел на собеседника и ждал, не станет ли тот, не дай Бог, жалеть его.

Теперь, семь лет спустя, он стал суше, словно лишился части телесной влаги, и заметно сузился в плечах. Но походка до сих пор полна достоинства, голова сидит на плечах подчёркнуто прямо.

Простое русское лицо. «Мы – ярославские!» – любил повторять Николай Васильевич. Родом из самого сердца болотистой России. «Старики из моей деревни до сих пор носят лапти, хотя нынче, наверное, – скорее из принципа», – утверждал он.

Он говорил:

– Я окончил только «ветряную академию» – это что-то вроде командирских курсов. Однажды вызывает меня начальник шахты Барабанов Иван Фомич. «Коля! – говорит, – теперь ты командир, понимаешь ли. Бери пятый участок, понимаешь ли, и двигай его «наверх». Но, Колька, смотри, – пороть буду, ты меня знаешь, понимаешь ли». И порол, только тырса летела во все стороны. Жили на бешеной скорости. Почти не спали сутками. Зато один раз в месяц все начальники участков как-то сразу, друг одновременно понимали, что всё, предел, дальше в этой мясорубке находиться не могут, не выдерживают. И целые сутки «гудели» где-нибудь на берегу речки, с шашлыками и прочим, пока не приходило чувство, что душа уже очистилась, а нервы

снова причесались. Иван Фомич, конечно, всё знал и после такого «гудения» каждому начальнику смотрел в глаза. Он каждого распознал по свежести взгляда. «Ты, понимаешь ли, – говорил он кому-нибудь из них, – ни работать не умеешь, ни отдыхать. Вижу – не сработаемся мы». Не любил похмельных рож. Считал, что такие рожи могут быть только у «сачков» и дураков. Ни тех, ни других он не терпел.

По роду работы нам с Николаем Васильевичем приходилось и крепко вздорить, и по-настоящему ругаться. Но он быстро отходил и, если оказывался неправ, то немедленно признавал это. Он не курил, но в помещении нарядной всегда держал в ящике стола пачку болгарских сигарет БТ. В нужный момент открывал её, предлагал закурить.

– Ну, всё, мир, ёлки зелёные, – говорил он, широко улыбаясь.

За всю жизнь он ничего не нажил. С гордостью говорил:

– Я сменил четыре квартиры. Когда съезжал с них, то всю обстановку, всю мебель оставлял новым хозяевам. Чёрт с ними, с этими «дровами», я о них не думал. Всегда хватало денег купить снова.

Вскоре после переезда на последнюю квартиру на участке случилось несчастье – погиб шахтёр. Виновен ли в том Николай Васильевич, хотя бы частично, или нет – особо не разбирались: в твоей смене произошёл этот случай, значит, должен понести наказание, ведь начальник всегда причастен по определению.

Он оказался выброшен из той жизни, которую любил и, как оказалось, – навсегда. Ко всему прочему Кузнецов с грустью начал замечать, что «ветряной академии» для освоения новой, сложной техники, уже не хватало. Начальниками участков стали назначать специалистов с дипломами. Николай Васильевич по этому поводу сильно переживал.

– Как в наше время работали с людьми?! – восклицал он, когда заходил разговор о методах воспитания рабочих кадров. – Долго не рассусоливали. Помню один случай. Шёл ночной наряд. Баранов вызывает к себе (он и по ночам часто работал). «Понимаешь ли, – говорит, – Коля, после «получки» сегодня пятерых мужиков в твоей смене не досчитались. Ты это знаешь?» «Знаю, – говорю. – Разберусь, Иван Фомич». «Разберись, – говорит, – Коля, а я тебе, понимаешь ли, неприятность готовлю. Завтра утром приказик на тебя, Коля, подпишу, понимаешь ли. Премии лишу. Сколько у тебя сегодня в смене людей осталось?» «Четверо, – отвечаю». «Вот-вот, – говорит. – Значит, наряд не выполнишь. А мне к утру план во как надо вытащить, понимаешь ли, – обещал руководству. А ты подводишь, понимаешь ли. Думай, Коля». Что тут делать? Беру своего помощника, Фёдорова Костю, садимся на его мотоцикл и едем напрямик к Феде Махрычеву домой. Федя жену и детей отправил к старикам, на родину, и если его нет на работе, значит, у него компания. И точно! В

окнах свет. Слышно, как баян пиликает. Значит, Миша Лаптев, единственный на участке баянист, тоже здесь. Собаке, волкодаву ростом человеку по пояс, я показал кулак. Он и не пикнул, хвост поджал и шмыгнул в будку. Видел, наверно, в каком я настроении. Распахнул дверь, смотрю: все пятеро сидят за столом, пьяные до отупения. Уже даже не поют, а только подвывают. Вижу: всего-то выпили три бутылки и начали четвёртую. Меня узнали. «Выпей с нами, Николай Васильич, – загнул кто-то. – Начальник, душа просит, гулять хочет». «Гулять?» Во мне поднялась злость. Так бы и придушил мерзавцев. «Наливай!» – требую. Миша Лаптев отставил свой баян, налил полстакана, подвинул ко мне: «Пей, Николай Васильич, закусывай». «Сопляк ты, Миша, – говорю ласково. – Наливай как положено». А положено до сих пор у шахтёров, чтоб ты знал, наливать полный стакан, да с верхним мениском. Миша молча долил. Я выпил. «Ещё!» – требую. Миша наливает, а руки дрожат. Все пятеро смотрят на меня как на кретина. «Закусили бы, Николай Васильевич» – предложил кто-то несмело. Ага, думаю, уже на «вы» начали звать. Выпил. Смотрю на них. Вижу – мужики стали трезветь. «Наливай ещё, душа из тебя вон!» – кричу. Федя Махрычев сказал тогда: «Не надо, Васильич. Мы всё поняли». «А поняли, так марш в забой, и чтобы план мне к утру вытащили, мать вашу так и этак!» Мужиков как ветром сдуло. И к утру отчитались: план есть. А я, как только они ушли, тут же у стола и свалился. И проспал у Феди дома до утра. Вот так-то. Вся педагогика.

– Верю, – говорю, – Николай Васильевич, и уважаю. Но времена не те, всё меняется. Так, как вы работали с людьми прежде, теперь уже не годится.

– Хочешь сказать, что старею? – качнул головой Николай Васильевич. – Неправда, я ещё держу жизнь за горло.

Но доставалось Кузнецову от жизни всё чаще и всё больше.

Он стал терять уверенность в себе, срывался, начальству иногда отвечал невпопад. Вокруг как-то незаметно образовалось поле отчуждения. Многие поняли, что в должности помощника начальника участка работать ему недолго. Пошли разговоры о скором выходе на пенсию. Николай Васильевич, конечно, сопротивлялся неизбежному, но как-то вяло.

Однажды в нарядной Кузнецов сидел один.

Я, как обычно, резко вошёл, тут же прикрыл за собой дверь, и уже начал говорить нечто приветственное.

– Закрой дверь на замок, – сказал вдруг Кузнецов.

– Зачем? – удивился я, однако дверь закрыл и тут только заметил, что Николай Васильевич немного выпивши.

Он достал из-под стола бутылку коньяка, откупорил и разлил в два стакана, доверху.

– Выпей со мной.

Кузнецов подвинул ко мне стакан, положил рядом бутерброд с варёной колбасой. И в голосе, и в самом виде Николая Васильевича я заметил нечто опустошённое и одновременно торжественное. Ни слова не говоря, подчинился, только спросил глазами о причине застолья.

– Выпей за упокой души моих отца и матери, – сказал он глухо.

– То есть? – глупо переспросил я, но сразу понял свою бестактность и досадливо прикусил губу.

– Отца я похоронил девять дней назад, а матери сегодня сорок дней.

Его лицо, простое и открытое, не выражало горя, но стало серьёзным и печальным. Для порядка я осведомился, в каком возрасте почили его родители и, узнав, что оба ушли в семьдесят лет, заметил, что могли бы ещё жить.

Кузнецов ничего не ответил. Не глядя друг на друга, выпили.

Через пять минут Николай Васильевич оживился, и тут я узнал, что он вместе с родителями и другими родственниками пережил в Ленинграде блокадную зиму 1941-42 годов, что многие из его родных покоятся на Пискаревском кладбище. Его отец работал на заводе «Красный треугольник». Ели они менее двухсот граммов хлеба в день. Отец стоял у станка под обстрелами и бомбёжками, а сам Коля, ещё пацанёнок, ходил на завод помогать рабочим.

– Тогда мы достигли такого измождения тела, что, казалось, всё оно состоит из рта, желудка и ног. Желудок постоянно просил, требовал что-нибудь съесть, рот пересыхал и как-то даже усыхал без тренировки, а ноги с трудом таскали и желудок, и рот.

Николай Васильевич говорил с удивлением, словно сам теперь с трудом понимал, как же выжил тогда.

– Я носил шапку с длинными, до пояса ушами, как у девочки, и многие не верили, что я мальчик. Я не разубеждал в этом никого, потому что сходству с девочкой обязан жизнью.

Голод гнал нас на передний край. Мы переходили через наши окопы и шли на нейтральную полосу. Стояла зима. Холодно. Мороз хватал за уши, за носы. Мы их оттирали постоянно. Убитые кони не портились, только замораживались. Наши и немецкие солдаты ели плохо. Наши, конечно, много хуже. На нейтральную полосу за кониной и те и другие ходить опасались. В детей немцы не стреляли, поэтому конину пришлось добывать нам. Немцы кричали мне: «Карош, руссиш медхен» («хорошая русская девочка») и бросали галеты, разную мелочь, и даже один раз кинули губную гармонику. Она и сейчас у меня хранится. В это время брат резал конину. Иногда и я ему помогал. Резать не противно, если хочешь есть. Почти всю конину относили солда-

там в окоп. За это они давали то галетку, то кусок-другой сахара. Так и жили.

– Вывезли меня из Ленинграда весной и отправили в Ярославскую область. Брат к тому времени умер. Отец остался в Питере – он же работал на военном заводе. Мать без него уезжать не захотела. Меня отправили к родственникам в захолустное село. Недавно я навестил те места. Дома почти все заколочены, только в четырёх живут старики. И ходят в лаптях.

– Хорошо помню случай в поезде. Нам, блокадным, есть не давали, только пить – чай и компот. Многие не выдерживали, съедали немного каши, и тут же умирали. На станции Мга их сложили вповалку, один на одного, и оставили. Мы же поехали дальше. К смертям я привык к тому времени, не боялся трупов. Они для меня как бы не существовали. Наверно, это душа так защищалась, чтобы не сойти с ума.

– До сих пор у меня хранится фотокарточка. Если хочешь, я принесу, покажу тебе. Посмотришь на меня молодого и страшно худого. Сфотографировали меня с братом в разбомбленном доме, той самой зимой, в пальто и шапке с длинными, до пояса ушами, как у девчонки.

Николай Васильевич замолчал, ушёл в себя, куда-то далеко отсюда, в то время, где у большинства людей хранится детство. Впрочем, к большинству он не принадлежал, но

никто и никогда не посмел бы упрекнуть его в этом. Вместо детства судьба выделила ему нечто иное.

Несколько дней спустя я увидел ту фотографию. Прошло семь лет, но и теперь в моей памяти глаза тех блокадных детей. Остальное забылось, но не глаза. Нет на свете ничего, что смогло бы их вытравить из памяти. Наверно, так смотрят абхазские старики. Но те прожили на земле по сто и более лет, а Коля и Саша Кузнецовы – вместе двадцать три.

На пенсию Николай Васильевич уходил тихо. Он всё понимал, и на следующий же день переоформился рабочим на том же участке. Помощником начальника назначили молодого специалиста, сразу же развившего бурную деятельность. Затем его «сняли», назначили другого. И такая чехарда длится уже много лет.

Николай Васильевич после выхода на пенсию честно трудился, но я его видел реже. Обычно мы здоровались, торопливо интересовались самочувствием друг друга, и спешили каждый по своим делам.

На днях снова увиделись. Что-то необычное показалось мне в его фигуре, во взгляде, но что, я сразу определить не смог.

Он сказал:

– А знаешь, я, наверно, скоро уеду.

Я даже не спросил о причине, и только якобы понимающе и довольно глупо кивнул. Помню, мне срочно потребовалась какая-то очень важная бумажка, и я побежал по коридору сломя голову.

Только через несколько дней мне сказали, что Кузнецов уехал на родину, в Ярославскую область. Уехал через два дня после похорон своего друга Лаптева. Вскоре за ним выехала жена.

Что-то мучило меня. Какое-то воспоминание не давало покоя. Нечто недосказанное не позволяло забыть всю эту историю, как забывались многие события и люди, чьи судьбы задели по касательной и ушли в никуда. Что-то в нашем последнем, прощальном разговоре заставляло с волнением снова и снова вспоминать его весь, каждое слово.

И только вчера я понял, что это: меня поразили его глаза, точь-в-точь такие, как у столетних абхазских стариков. И такие, как на том блокадном снимке, где им с братом на двоих всего двадцать три года.

Рис. В. Обереженко

АЛЕКСЕЙ ФУНТ

Родился 2 июня 1991 г., Проживает в селе Шляхово Корочанского района Белгородской области. Выпускник исторического факультета БелГУ. Публиковался в журналах «Подъём», «Молоко», «Александръ», «Родная Кубань», «Великороссъ», «Камертон», «Пять стихий»; газетах «День литературы», «Краснодар литературный», «Литературная газета».

ГЮРЗА АТАКУЕТ

Горит «Урка» ВСУшников. В грязи оторванные колёса броневомобиля. Их колонна разбита. Стоят посреди поля горящие «шестидесятчетвёрки», торчат из жидкой грязи спины спецназа ВСУ, шипит огонь, а задняя дверь-аппарель бронетранспортёра мокрая, красная жидкость, внутри зола, всё чёрное. Наше «Земледелие» блокировало им путь назад, но они и так пёрли лишь вперёд, самоубийственная политика их командиров, самоубийственная атака. Наша артиллерия добила эту змею-колонну. В «Челленджер» прилетел наш быстролетающий «Ланцет», как белый коршун на цыплёнка, полетели искры, вырвался огонь, контузило боевиков рядом.

В жидкой грязи «гусянки» от М113, как рёбра, как спуск в грязный карьер. Янычар идёт по ним и смотрит по сторонам. Сам гусеничный БТР М113 перевёрнут, искорёжен, как консервная банка со шпротами ножом.

Из этой колонны живым остался лишь один боевик. Он сидит, опершись спиной о подбитый броневик. Дверь броневика распахнута. Боевик сидит прямо на жидкой грязи. Ноги вытянуты, руки поднял, держит их над своей головой.

Янычар допрашивает его. У боевика дрожат руки, мятую сигарету уронил. Голос боевика дрожит.

— А командир двухсотый, вон лежит, хотел в Ялту, — отвечает боевик.

— Я не хотел, я шесть классов закончил, — говорит боевик.

Янычар держит в руках документы пленного и задаёт ему вопросы дальше.

Преступный киевский режим и ворьё из Верховной Рады презирают свой народ, зарабатывают бабосы на нём, народ для них это мясо, из которого они выжимают кровь и пьют её, не было ещё такой глупой ненависти к своему народу, ещё не было таких чело-веконенавистников как киевский режим, они превращают в рабов своих граждан, а своих детишек прячут на мальорках. Это фашистский режим.

Справа лесопосадка из тополей, верхушки деревьев словно срезаны бритвой. Ржавая башня от танка под израненным тополем. В

той стороне грохочет, разрывы, стрекочет пулемёт. В луже под ногами идёт рябь.

Боевики драпали из города, только в одном здании оставались наёмники и отмороженные «идейные». Янычар направлялся туда со своими боевыми товарищами. Главный над ними Житков, уже находился на окраине города. Бойцы готовились к штурму.

Гюрза был направлен Янычаром к командиру Житкову, бежал через площадь. Боевики обстреливали жилой сектор из «града». На лавке сидела женщина в сером пальто, рядом с ней пакеты. Слева многоэтажка с чёрными дырами.. Снаряды боевиков попали туда. Валил дым, огонь ярко-оранжевый. Грохот отражался от стен как от гор... А где-то строчил ДШК... Дашка... Небо хмурое, тяжёлые тучи. Голубь серый не взлетал, шёл по грязи.

Житков сам идёт в бой. Танк Т-80БВ едет впереди как щит. Позади Житкова шёл Гюрза. Враг сидел в бывшем административном здании, оттуда лился свином огонь из пулемётов. Нужно было заткнуть пасть этому чудовищу... осенний мрак, вечер... а очереди из пулемётов, как огонь из пасти здания... Танковый двигатель ревёт, выхлопные газы. Грязь под ногами, на грязи ветки, срубленные пулями. Гюрза смотрит под ноги, следы — как ступени. Слева он видит американский автомат М14, погруженный в жидкую грязь. Дальше пятно крови, как дракон... цвет алый или даже свекольный. Дальше тоже кровь в месиве, как вино из разбитой бутылки. В колее красная субстанция, а в ней шоколадный батончик «сникерс». Танк ревёт. И тут удар. Громкий удар, танк остановился. Гюрза налетел на спину командира. Словно в танк попали из «Пиона». Танк заводят снова. Бойцы продолжают идти вперёд. Над головами летят пули. Справа взрыв. Стреляют из АГС.

Снова удар, танк остановлен. Наёмники огрызаются всем, что у них есть. Танк завёлся и едет дальше, осталось немного. И тут третий раз в танк попадают. Но Т-80 приходит в себя и быстро едет. Вот он портал, мёртвый боевик под блоками и мешками. Бойцы забрасывают гранаты в здание. Гюрза стреляет из АКМС.

Здание зачищено. Житков палкой раздвигает тряпки и пакеты в логове наёмников.

— Ну и триппер развели тут, — говорит он.

Стонет женщина. Это наёмница из Прибалтики. Она одна из боевиков осталась жива, но её ранение тяжёлое, распорот живот.

Гюрза пошёл в ту комнату, где слышно стоны. Снял шлем. Левая рука вся в крови. Он только что заметил это. Кровью он заляпал свой шлем и снаружи, и изнутри. Сделал пару шагов и мощная сила сбила его с ног. Взрыв, словно две тонны тротила взорваны. Шлем отлетел в сторону. Огромная масса бетонной пыли сыпалась на него.

Бойцы не нашли Гюрзу. Нужно разбирать завалы. Но был приказ оборудовать позиции в соседнем здании, а к завалам возвращаться завтра.

Боец с позывным «Урал» нашёл окровавленный и пробитый насквозь осколком шлем. Житков взял шлем Гюрзы в руки.

Ступени здания, листы из книг, которые пытались сжечь боевики перед бегством. Ночной мрак, осенний мрак. Один из бойцов держит два вражеских флага. Флаги подожжены и боец машет ими. Огонь борется с тьмой... Житков смотрит на это фаер-шоу... Тихо шепчет, — смерти нет!

Ветер сдувает обгорелые книжные страницы со ступеней. Житков видит на стене рисунок. Кто-то из наших военных повторил черты Ангела Златые Власы... Лицо ангела на буром железном листе. На него падает свет оранжевого пламени. Черты лица ангела успокаивают.

Рассвет крадётся, всё ещё серое. Тяжёлые тучи как воронёные листы железа. Тучи как сивые камыши. Тучи как коррозия... Гюрза вылезает... Отбрасывает камень... Поднимается на ноги, смотрит вокруг и идёт. Никого вокруг нет. Гюрза решает идти дальше и уверен, что вот-вот наткнётся на свой отряд.

Уже час он идёт. Но никого из своих не видит и не слышит. И вот уже слышно голоса... Но голоса незнакомые... Гюрза держит свой АКМС и готов ко всему. Прячется за бетонной плитой. Это нагромождение бетонных плит и блоков. А там в сотне метров от него десять боевиков. Один из них главарь.

Гюрза видит слева здание. Оно серое, напоминает склад. И стреляет из АКМС в толпу. Главарь падает замертво. Боевики разбегаются.

Гюрза бежит к зданию. Окно разбито и через него он проникает внутрь... Сеткой от кровати закрывает окно. Осматривает помещение. Вдоль стен полки с колбами. Много стеклянных сосудов с растворами. В одной из комнат контейнеры. Много битых колб, сюда попадал снаряд. Штукатурка отпала, на полу пыль стала серыми дюнами. Темно, мрачно, бессолнечно. В углу лужа, коричневый цвет воды. На дне лужи лист из книги с иллюстрацией. Гюрза рассматривает рисунок. Это чёрно-белая репродукция картины Рембрандта – на ней апостол Павел, смотрит направо вниз, задумчив, по левую руку от него манускрипты, левая рука на этих письменах, а он отвёл от них взгляд и смотрит сюда... Рядом прилетает снаряд, от взрыва дрожат стены, круги на воде... Звук капель.

Гюрза идёт к окну и видит, что к нему идёт пехота врага. Враг намерен атаковать. Гюрза стреляет в окно, кончается один магазин, кончается второй магазин. На исходе третий-последний... Думает о той женщине, которая сидела на лавке... Он не разглядел её лицо. Фантазирует, он с ней в ресторане, на её глазах повязка, он надевает на её палец кольцо с драгоценным камнем. И он везёт её в целую квартиру, не в ту, сожжённую боевиками-ушниками.

Гюрза сидит на полу, смотрит на гранату. И тут в окно влетает снаряд, падает, шипит. Облако пара. Коричневый пар везде. Гюрза пытается дотянуться до противогаса. У него началась одышка.

Прямо в стене, немного слева металлические ворота... Они раскрываются и заходит человек в военной форме с красной повязкой и шевроном с символом Z. Ворота с шумом закрылись за его спиной. Он шагает по лужам. В его руках пулемёт «Печенег», на нём висят пулемётные ленты.

— Это Табун. Нужна инъекция. Я сделаю тебе, — говорит зашедший.

— Это же растворы щелочи, или гипохлорат, — продолжает он и стреляет по стеклянным колбам и сосудам, — это нейтрализует газ.

— Наши недалеко, скоро будут здесь. Но гляжу у тебя патронов почти нет. Не узнаёшь меня? — говорит военный Гюрзе.

— У меня осталась одна граната.

— Есть вариант... Вон чёрное поле, как кратер с грязью. Метров триста нужно бежать. Там две мины, там и там. И будешь у Житкова. Думали, что ты погиб, но сегодня поняли, что ты живой. Но, ты там будешь как на ладони, их много, дождь из пуль не даст тебе долго побегать.

— А я не побегу. У меня, кстати, нож ещё есть, я тут смастерил из куска железа, подключил к бензогенератору болгарку. На яванское мачете похоже? Я им банки с оливками открывал. Я их тут целый ящик нашёл.

— Я прикрою, — Круглов подошёл к окну и начал поливать врага огнём из пулемёта. Стрельба не умолкала.

Гюрза вспомнил Круглова и Ягуара. Они прикрывали... Они остались в подвезде прикрывать... Ягуар шутил улыбался, его металлические зубы запомнились Гюрзе. Эти двое погибли, но не отступили, прикрыли...

Гюрза поднял глаза. А Круглов у дверей, стоит.

— Мне пора. Давай.

В углу над водой сверкнул яркий белый свет, словно на мгновение выглянуло солнце и осветило металлический брусок и исчезло. В это мгновение частицы света бегали по стенам и воде.

В окно влетел большой лист тополя, сорвало ветром. Он упал Гюрзе на ладонь. Рядом кусок зеркала, возле левой ноги. На лице Гюрзы бурые полосы засохшей крови, от левой ноздри до левого уха, от левого края рта по левой щеке, третья полоска от правой брови через лоб вверх.

К зданию со стороны наших позиций приближался наземный дрон. Гюрза видел его, он близко, слышал и шаги врагов, они тоже близко. Слышно шаги. В руке Гюрзы граната и он готов взорвать её.

БЕСЕДКА

**БЕСЕДА С РЕДАКТОРОМ ЛИТЕРАТУРНОГО
АЛЬМАНАХА «ВЯТКА ЛИТЕРАТУРНАЯ»
И ЖУРНАЛА «РОТОНДА» –
НИКОЛАЕМ ВАСИЛЬЕВИЧЕМ ПЕРЕСТОРОНИНЫМ**

Пересторонин Николай Васильевич – поэт, прозаик, журналист, редактор, заслуженный работник культуры России, лауреат премии Правительства России в области печатных СМИ. Автор 29 книг стихов и прозы, главный редактор альманаха «Вятка литературная» и ежемесячного литературного журнала «Ротонда».

- Николай Васильевич, перед тем, как задать вам вопросы, касающиеся вашей творческой и издательской деятельности, хотелось бы изначально ознакомить наших читателей с вами. Несколько вопросов более личного характера.

1. Расскажите вкратце, где вы родились, где учились, кто вы по основной специальности.

Родился в городе Кирове (историческое название Вятка) 1 декабря 1951 года. В Кирове же окончил среднюю школу №48, после армии (1970-1972) работал на заводе «Маяк», был внештатным корреспондентом областной молодёжной газеты «Комсомольское племя». Летом 1974 года, будучи уже штатным сотрудником этой газеты, поступил в Уральский государственный университет (город Свердловск, ныне Екатеринбург), где без отрыва от производства, заочно окончил факультет журналистики в 1980 году. Таким образом по специальности я журналист, работал в газетах «Комсомольское племя» (1973-1987), где прошёл путь от младшего литсотрудника до ответственного секретаря, «Кировская правда» (1987-1991) (корреспондент, заведующий отделом), «Вятский край» (1991-2015), обозреватель, редактор отдела.

2. Как вы пришли в литературу? Что подтолкнуло или кто подтолкнул?

Сколько себя помню, всегда что-то писал. Письма старшему брату в армию, сестре, которая училась в Горьком в интернате для глухонемых, сочинения-изложения в школе, которые для примера зачитывали учителя в параллельных классах, заметки о здравии и упокоении — мама просила, она была неграмотная... Когда учился в 4 классе, у меня умер отец, родня приехала с кладбища, собра-

лись за поминальным столом, а я сидел на кухне и что-то писал в тетрадку. Спросили, что делаю, я ответил: «Пишу стихи ...». Легли ли те строчки в основу стихотворения «Я ищущу созвездие отца», опубликованного в газете «Комсомольское племя» в 1968 году на странице клуба старшеклассников «Парус», уже и не вспомнишь. Но есть основания считать свой литературный стаж именно с 1968 года, с даты той первой поэтической публикации. И первую подборку стихов моих газета «Комсомольское племя» напечатала, уже в 1973 году, когда я занимался в областном литературном клубе «Молодость» и стал победителем конкурса за право быть опубликованным на 200-й страничке сборника этого литературного объединения. Дело в том, что клуб «Молодость» был создан в 1963 году при редакции газеты «Комсомольское племя» её редактором Альбертом Лихановым (в последствии известным писателем, президентом Российского Детского фонда), и газета эта с завидной регулярностью выделяла, когда часть полосы, когда всю полосу для публикаций молодых поэтов и прозаиков, участников литклуба «Молодость». Каждая такая публикация выходила под логотипом клуба и нумеровалась. Так что за десять лет 200 публикаций и набралось. Для меня та публикация на 200-й странице, по-своему юбилейной стала счастливой и во многом предопределила дальнейший творческий путь. В 1981 году в Кировском отделении Волго-Вятского книжного издательства вышла первая моя книга стихов «Следы на снегу», вторая книга, лирическое повествование в стихах и прозе «Старый двор» увидела свет в 1987 году. По ним и рукописи третьей книги «Снегопады двадцатого века» меня приняли в Союз писателей России в 1992 году.

3. Ваши эстетические предпочтения:

А. в литературе:

Реалистическая проза, лирическая поэзия – всегда много читал. Дома была «Малахитовая шкатулка» Бажова, с неё и началось моё знакомство с русской литературой. Это в детстве, ещё дошкольном. В армейские годы открыл для себя пермского поэта Алексея Решетова, потом пришли Владимир Соколов, Николай Рубцов, Юрий Кузнецов, Глеб Горбовский и другие апостолы тихой лирики, мой земляк, долго живший в Перми Анатолий Гребнев, и конечно, Николай Заболоцкий. В прозе Юрий Казаков, Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Василий Белов, Василий Шукшин, Владимир Крупин (тоже наш вятский), Анатолий Ким, Константин Воробьев... Список можно продолжить, но ограничусь этими именами, с кем-то из них общался лично, переписывался, писал о них, бывал на родине. В Сростках у Шукшина, в Иркутске и Порт Байкале у Распутина, в Кильмези у Крупина, в Перми у Белова и Толи Гребнева, в Петербурге у Горбовского и Ахматовой, в Уржуме и Сернуре у Заболоцкого, с сыном которого Никитой тоже общался, переписывался...

Б. в музыке:

Второй концерт Рахманинова для фортепиано с оркестром, «Вальс» Свиридова из музыкальных иллюстраций к повести Пушкина «Метель», романсы Олега Погудина.

В. в изобразительном искусстве:

Братья Васнецовы — Виктор и Аполлинарий.

Г. в кино и/или театре:

И в кино, и в театре — Вампилов. Спектакль по его пьесе «Прошлым летом в Чулимске» в постановке Портнова увидел ещё в 1973 году, в Кирове, в областном драмтеатре. И фильм по этой пьесе смотрел и пересматривал, как и «Старшего сына» с Караченцовым и Леоновым. Не пропустил и фильм «Облепиховое лето» о самом драматурге. А уж на Байкале будучи и памятнику его поклонился у пристани Рогатка, недалеко от Листвянки....

4. В каких литературных организациях вы состоите на сегодняшний день.

Член Союза писателей России, на учёте состою в Кировском отделении Союза писателей России.

5. Расскажите о становлении одного из ваших детищ альманаха «Вятка литературная», когда увидел свет первый номер издания?

Первый номер альманаха «Вятка литературная» вышел в 2015 году при поддержке Правительства Кировской области, как впрочем, и второй выпуск этого ежегодного литературно-художественного издания, увидевший свет в 2016 году. А вот третий мог и не выйти, возникли трудности с финансированием. Но поскольку номер уже сложился, в материалах недостатка не было, вёрстку и корректуру я оплатил сам, где-то порядка 22 тысяч заплатив из своего кармана, не очень представляя, где взять средства на печать тиража. Помог Виктор Викторович Баженов, президент Фонда «Культурное наследие Вятки», удивительный человек, знающий и понимающий культуру, литературу, живопись. Он поддерживает многие творческие начинания и проекты, умеет ценить созидательные усилия творческих людей. Считаю, что альманах «Вятка литературная» продолжает традиции таких литературных изданий минувших веков, как «Современник» и «Отечественные записки», он поддержал нас в непростое время, оказывая финансовую помощь при выходе не только третьего номера, но и четвёртого, пятого, шестого и седьмого, в период с 2018 года по 2022-ой. С 2023 года альманах «Вятка литературная» вновь выпускается при поддержке Правительства Кировской области, уже вышли восьмой и девятый номера, десятый в настоящее время верстается...

6. В этом году исполняется 5 лет изданию, к которому вы имеете непосредственное отношение, журналу «Ротонда». Расскажите о его становлении и об основных отличиях от «Вятки литературной».

Отличий много: формат, периодичность, объём, география, рубрикация, содержание, круг авторов....

В ежегодной «Вятке литературной» обычно 248 страниц, формат 70x100 1/16, рубрики «Стихи», «Проза», «Драматургия», «Литературоведение», «Публицистика», «Рассказы», «Ещё рассказы», отражают жанровую принадлежность произведений, тогда как о географии в самом названии альманаха со всей определённостью сказано.

«Ротонда» же – ежемесячный литературный журнал, компактный, почти карманного формата, 70x108/32. И страниц немного, всего 68, а вмещают в себя всю Россию необъятную. Ведь с марта 2020 года вышло уже более 60 номеров, в каждом по 15-20 авторов из самых разных городов и весей от Вятки до Енисея, от Москвы до Владивостока. Хотя поначалу журнал, учредителем и издателем которого является издательство «Аверс» (директор издательства В. А. Жидков) затевался, как вятский, среди первых авторов его были в основном молодые литераторы, участники областного литературного клуба «Молодость», которым я в ту пору руководил. Но вот опубликовались под рубрикой «Свидание с Ротондой» такие известные и яркие поэты, как Тихон Синицын из Севастополя, Диана Кан из Оренбурга и Евгений Семичев из Самары и пошло дело, и не было уже ни одного выпуска, чтобы рядом с произведениями вятских писателей не появлялись стихи и рассказы поэтов и прозаиков из Каргополя и Калининграда, Йошкар-Олы и Новосибирска, Вологды и Воронежа, Санкт-Петербурга и Москвы, Республики Коми и Донецкой Народной Республики, а то и Казахстана...

А ещё «Ротонды» два приложения: «Ротонда-персона» для авторских сборников и «Ротонда-клуб» для сборников коллективных.

7. Какие самые неприятные трудности встретились у вас на пути, как у главного редактора?

Был один неприятный момент с «Вяткой литературной», когда тираж уже печатался, как вдруг обнаружилось досадные опечатки. Спасибо типографии, всё остановили, вернули к исходной точке, необходимые правки были внесены, тираж перепечатали.

8. Кого бы вы могли отметить, чей вклад в развитие альманаха и журнала был неопенимым?

Трудно переоценить тот вклад, который вносили и вносят в развитие альманаха «Вятка литературная» Правительство Кировской области и Фонд «Культурное наследие Вятки», его президент Виктор Викторович Баженов. Не устану благодарить и директора издательства «Аверс» Владимира Александровича Жидкова, дизайнера Сергея Александровича Ворончихина за тот воплощённый и зримый образ журнала «Ротонда», который мы имеем по сию пору. И низко поклон супруге моей, вятской поэтессе Елене Ко-

новаловой, которая является членом редколлегии альманаха «Вятка литературная» и выпускающим редактором журнала «Ротонда». Она многое делает для того, чтобы издания наши приходили к читателям в лучшем виде, привлекая и новых авторов, таких, как поэты военного склада, участник СВО, старший лейтенант Сергей Лобанов, полковник Владимир Силкин и другие. И название «Ротонда» придумала она. Отталкиваясь от него и названия рубрик возникли: «Поэтический портал», «Центральная аллея», «Из почты «Ротонды», «Свидание с ротондой»..

9. Что для вас как редактора главное в работе с потенциальными авторами?

Доверие, вера в то, что творческий потенциал будет развиваться, человек будет расти, а не эксплуатировать одну, пусть и актуальную тему...

10. Часто ли вас радовали совершенно незнакомые авторы, присылающие свои работы в ваши издания?

Практически в каждом выпуске «Вятки литературной», в каждом номере «Ротонды» есть поводы для радости. Это и участники сравнительно недавно проходившего в Кирове Всероссийского семинара молодых литераторов «Поэтические штудии», и поэты из Луганска, опубликованные в «Вятке литературной» под рубрикой «Луганская лира», многих из которых я прежде не знал, и тот же Сергей Лобанов...

11. Каким вы видите будущее «Вятки литературной» и «Ротонды»?

Надеюсь на лучшее...

12. Что бы вы могли пожелать читателям и авторам нашего журнала «Пять стихий»?

Ярких запоминающихся встреч, духоподъемного общения, соприкосновения душ...

Николай Пересторонин с супругой Еленой Коваловой

Беседовал И. А. Черняев

НИКОЛАЙ ПЕРЕСТОРОНИН

Мне всегда казалось: это было,
Только почему-то позабыл.
Тишина небесная царила
И молчаньем старец говорил.

Видел он духовными очами
Книгу, ненаписанную мной,
Ангел с золотыми волосами
Бережно кладёт на аналой.

В ней такие чистые страницы,
В ней такие светлые слова!
Словно снег, на солнышке искрится,
Самая правдивая глава.

Я её, как другу дорогому,
Сам не знаю, как и доверял:
Золотом писал по золотому,
Серебром по серебру писал.

Этим летом в Вятке было жарко,
А в окно раскрытое гляжу,
Голуби на площади Сан-Марко,
Ждут, что я им хлеба покрошу.

Ни одной границы не нарушу,
От родной земли не отрекусь:
Разломаю вятскую горбушку,
Честным хлебом честно поделюсь,

Если не дано с высоким слиться,
То хотя бы это не забыть:
Истину земную – поделиться,
Истину небесную – любить.

Такого не было со мною
На протяжении многих зим.
Я жил неверующим Фомою,
Хотя и не был нелюдим.

Хотелось, чтоб меня любили,
Но торопился сам любить,
Надеясь, что такой-то силе
И лёд по силам растопить.

Но вот нашлась на силу сила,
Обворожительно нежна,
Как будто в мире наступила
Некалендарная весна.

Она мне волосы ерошит,
Ладонкой маленькой своей.
«Хороший, – говорит, – хороший...»
Я почему-то верю ей.

ПУШКИН В ВЯТКЕ

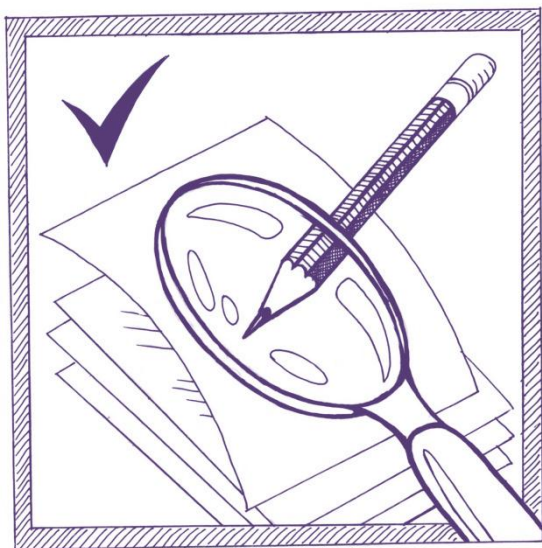
Моя фантазия в ударе,
Живу, не ведая забот.
Весёлый Пушкин в боливаре
По вятской ярмарке идёт.

А на горе Свистунья свищет,
Даст Бог, прогонит и чуму.
Скучал в Михайловском, а нынче
На Вятке нравится ему.

И день осенний, как весенний,
Согретый солнечным лучом.
На то и Пушкин – русский гений,
И нет преград ему ни в чём.

А сам как будто и не знает,
Где повстречает Натали,
В сад Александровский вбегает –
«В ротонде, матушки мои!»

СТИХИЯ ПОЭТИКИ

НИНА ИЩЕНКО

Кандидат философских наук, культуролог, литературный критик. Член совета Философского монтеневского общества Луганска. Автор книг «Локусы и фокусы современной литературы», «Книжная полка Татьяны Лариной», «Город на передовой. Луганск-2014», «Борьба цивилизаций в “Отблесках Этерны”», «Южный фронтир: Россия – Украина – Донбасс», «Псевдоморфозы сакральности в знаковых пространствах современности». Редактор-составитель семи сборников

Философского монтеневского общества Луганска.

РАСКАЛЕННЫЙ ИЮЛЬ – ПУТЬ ВЕНИ ДРКИНА ЧЕРЕЗ СИМВОЛИЧЕСКУЮ СМЕРТЬ

Мы живём во времена не только пробуждения Бога, но и возвращения сказки. Старые формы сказки соединяются с новейшими приметамы городской культуры, проявляются в музыке и в литературе. В России актуальность сохранения старых смыслов усиливается в связи с переменами, вызванными СВО в 2022 году, когда зависимость от культурного импорта начинает осознаваться как стратегический недостаток, а возрождение русской культуры становится одним из факторов стабильного развития общества. Особенно важно, что традиционная русская культура к настоящему времени включает в себя не только деревенскую народную архаичную культуру, но и культуру городскую. Посмотрим, как сказочный сюжет соединяется с городской рокерской традицией в песне Вени Дркина «Июль».

Веня Дркин, Дрантя, Веня Д’ркин – псевдонимы Александра Литвинова (1970-1999), поэта, музыканта, барда, рокера. Веня родился в посёлке Должанский, похоронен в Свердловске, оба населённых пункта находятся на территории ЛНР, жил в разных городах СССР и Донбасса, последние годы его жизни прошли в Луганске. В своих интервью Веня представлялся как сказочник, для которого песни – не главное. Попробуем проанализировать его песню «Июль» как сказку.

Как показал Джозеф Кэмпбелл, базовым сказочным сюжетом является путь героя – языческий героический миф, включающий определённую последовательность действий. Главный герой покидает родной дом, отправляется в путь, покидает пространство известного и безопасного и оказывается в пространстве неизвестного и опасного. На этой терри-

тории герой должен пройти испытания и совершить подвиги, вступить в схватку со смертельно опасным врагом, что и означает пройти инициацию – ритуал перехода из одной возрастной группы в другую.

Инициация символически означает смерть старого человека и рождение нового. Символическим изображением смерти всегда является смерть, то есть инициация оформляется как смертельное испытание, которое разворачивается на границе миров, мира живых и мира мёртвых. Вернувшийся из иного мира человека обретает иное качество и меняет свой статус, из ребёнка становится взрослым, может жениться, воевать, управлять своей жизнью и жизнью общины.

Границей миров может быть лес, но также и вода. Как показывает Владимир Топоров, море является универсальным образом смерти.

Вода появляется в первой же строфе песни «Раскалённый июль», состоящей из пяти строф. Море упоминается в третьей и пятой, заключительной строфе. В первой строфе автор обращается к персонифицированному июлю:

*Раскалённый июль,
Обезболь меня в прорубь.*

В июле умер друг рассказчика, и для облегчения своей боли он мечтает окунуться в прорубь, смыть водой свою печаль и беду. Смерть друга описана в первой и третьей строфах песни:

*Преподай отъезжающим в рай
Инструктаж на санскрите,
Как спасать свои души в воде,
Исповедуясь перед собой,
И напомни о СПИДЕ.*

Друг из той же поэтической, музыкальной среды, что и сам автор, носитель городской рок-культуры, уезжает в рай, то есть в смерть. Путь в смерть лежит через воду, где может быть спасена душа, то есть вода выступает не только как средство для живого друга, автора песни, облегчить свою боль, но и как граница между миром живых и миром мёртвых, в соответствии с универсальным культурным архетипом.

Отъезд друга в рай отсылает к двум известным в рок-культуре произведениям, использующим этот образ. Это «Баллада об уходе в рай» Владимира Высоцкого и «Железнодорожник» Вячеслава Бутусова на слова Ильи Кормильцева.

«Баллада...» написана в 1973 году и начинается словами:

*Вот твой билет, вот твой вагон.
Всё в лучшем виде одному тебе дано.
В цветном раю увидеть сон –
Трехвековое непрерывное кино.*

Песня Бутусова создана в 1994 году, и также содержит образ поезда, уходящего на небо, то есть в рай:

*Последний поезд на небо отправится в полночь,
С полустанка, покрытого шапкой снегов.*

Хотя песня Высоцкого более подробно разрабатывает образ, использованный Дркиным, песня Бутусова была более актуальна на момент создания песни «Июль». Оригинальная в XX веке идея соединения религиозного образа рая или смерти с символом прогресса поездом, летящим вперёд, используется Дркиным на излёте века как понятная слушателю концепция движения в иной мир из современного городского пространства.

Мотив поезда в творчестве Дркина развивается и дальше, в песне «Бубука» (1997). В обеих песнях возникает творческий диалог Вени Дркина и Вени Ерофеева: поезд у обоих авторов является пространством изменённого состояния сознания, что проявляется в реальности как нарушение законов природы и социальной жизни, враждебность мира к героям. Итак, поезд – символ смерти в отчуждённом враждебном мире, и такой образ создаётся и в песне «Июль».

В третьей строфе автор обращается к слушателям и прямо сообщает им о смерти друга:

*О, согласитесь, не самое
лучшее времечко выбрал мой
друг для своей панихиды.*

Июль – время смерти друга, и эта смерть снова связывается с водой, потому что в заключительных строках третьей строфы упоминается море:

*И далёких
прохладных
и недосыгаемых милых
С запахом моря.*

Слова про море – последние в центральной третьей строфе и во всей песне:

*И обратный
плацкартный
тебя не заметивший милый
С запахом моря.*

Этот рефрен связывает июль, смерть друга и море в единую систему образов, подтверждая, что вода в этой песне – стихия смерти, как и июль.

Раскалённый июль – равноценный участник событий. К нему обращается автор во всех строфах, кроме третьей, включающей в текст слушателей. В первой строфе раскалённый июль должен утолить страдания героя и проводить его друга в последний путь через стихию воды. Во второй строфе раскалённый июль заливает солнцем всё вокруг, и это солнце сравнивается с ядом («впечатлён твоим ядом»), потому что солнце сжигает мир и мучает душу, от него нет спасения.

Во второй строфе описаны детали городского быта – растресканный пол, высохший кран, «оставленный кем-то цветок, он же кактус, который не смог отстучать телеграмму». Эти подробности создают картину заброшенного жилища, где нет воды и всё засохло под палящим солнцем, включая даже кактус. Это городская квартира, и судя по тому, что не все детали автору знакомы, это жилище не автора, а его умершего друга. Кактус, который не смог отстучать телеграмму, очевидно, о предстоящей смерти друга, вводит тему трагического опоздания и разлуки с недоступной возлюбленной, которую не успели предупредить и позвать, и друг умер без неё.

В третьей строфе, где автор обращается к слушателям, происходит слом ритма. Песни с куплетами разной ритмической структуры в русском роке стал писать Виктор Цой, а Веня Дркин довёл этот приём до совершенства. Смена ритма отмечена и сменой объекта повествования. После описания смерти друга в первой строфе и его жилья во второй автор смотрит внутрь себя и описывает свои чувства, яркие детали окружающей обстановки, которые бьют по нервам, вызывают резкую эмоциональную реакцию, но с трудом складываются в единую картину, это цветовые пятна без предметов, признаки без субъекта, сопровождаемые эмоциональными выкриками на грани выразимого:

*О, это белое злое,
ах, на чёрном ажурном,
ых, до блевоты родных и друзей*

Это описание как чёрный квадрат Малевича представляет собой формулу, куда можно подставить любое значение: белые волосы на чёрном платке, белая рука на чёрном пиджаке, белое тело в чёрном гробу, белое лицо на чёрной

морской воде. Разорванные строки и образы передают невыносимую боль, ломающую текст и ритм. Внутренний взор автора наконец вырывает и его, и потрясённого слушателя из жаркого смертельного июля в прохладный день на морском берегу, когда друг был жив и любимая была рядом с другом:

*И далёких
прохладных
и недосягаемых милых
С запахом моря.*

Четвертая строфа снова начинается обращением к июлю. Она имеет тот же ритм, что и первые две, и похожий зачин – «високосный июль» вместо «раскалённый июль». Високосным бывает год, а не июль, и это значит полный год, восполненный до целостности. В приложении к июлю это указывает на июль как венец лета, исполненный максимальной интенсивности солнечного жара. Вся эта строфа наполнена образами сжигающего огня. Обращаясь к июлю, автор говорит, что «не для всех теперь твой поцелуй отшелушённой кожи». Кожа шелушится под солнцем, и поцелуй солнца не для всех, потому что друг умер и его нет среди живых, опаляемых солнцем.

Во второй части строфы создан образ целой горы сгоревших денег:

*Возгоревший от денежных масс,
Серым пеплом покинувший нас,
Дымом очи изложет.*

Палящее солнце сжигает деньги, покинувший нас друг каким-то образом с этим связан. Деньги, которые были важны для него при жизни и возможно, его погубили, теперь не имеют значения, развеялись как серый дым в раскалённом небе.

Пятая строфа написана в размере третьей. Это самая загадочная строфа, которая начинается парафразом:

*О, где ж ты, маленький, был, когда
солнечный круг эти сукины
дети шагами делили на акры?*

Если считать, что это, как и во всей песне, обращение к июлю, то получится, что автор упрекает июль в том, что тот не остановил людей, готовых поделить даже солнечный круг. Как вариант, эти сукины дети с их нечеловеческой жадностью, достигающей до небес, имеют отношение к куче

денег, сгоревшей в предыдущей строфе, и это именно они отвечают за смерть друга, как и июль, не защитивший его.

Теперь друг мёртв: небо вокруг его шеи, потому что он уже не в этом мире, а ушёл на небо (здесь небо традиционно для многих культур выступает как место мёртвых), плуг пройдёт по его рукам, потому что он уже зарыт в землю, закаты привяжут к его ногам, поскольку дни сменяются днями без него.

Самые последние строки песни возвращаются к образу потерянной и недоступной возлюбленной:

*И обратный
плацкартный
тебя не заметивший милый
С запахом моря.*

Плацкартный вагон отсылает к образу отъезжающего в рай друга из первой строфы. Обратный поезд означает обратное движение из мира смерти в мир живых. Двигается назад и автор, тоскующий по другу, и его девушка, опоздавшая возлюбленная из навеки утраченного дня с запахом моря. Милый её не заметил, он не замечает уже никого, ни любимой, ни друга, и они оба возвращаются обратно, в раскалённый июль, где будут жить дальше со своей потерей.

Одной из трактовок этого сложнейшего стихотворения может быть упорядочивание сюжета и образов по схеме волшебной сказки, как и предлагает сам автор, настаивая, что он сказочник. Фольклорная сказка строится вокруг инициации, и в песне «Июль» мы видим образы, связанные с обрядом перехода: смерть, вода и море как переходное пространство между миром живых и мёртвых, небо как царство мёртвых, девушка, которая должна быть наградой герою и закрепить его статус после символической смерти.

Веня смело меняет смысл и образов, и сюжета народной сказки. Инициацию описывает не переживающий смерть, а его друг. Смерть героя является реальной и необратимой. За море и на небо друг уходит на самом деле. Возлюбленная, брак с которой ожидает героя волшебной сказки в будущем, героя песни ожидает в прошлом, в навечно прекрасном и недоступном дне с запахом моря. В момент смерти возлюбленной нет рядом, и это роднит традиционную сказку и сказку постмодерна: в фольклорной сказке герой ещё не встретил любимую, их встреча в будущем, а в сказке Дркина он ее уже не встретил, их встреча в прошлом. Время

течёт в другую сторону, и каждый новый день отдаляет от потерянного счастья.

В то же время песня поддаётся и ещё одной трактовке: наряду с реальной смертью друга, автор переживает свою собственную символическую смерть, как положено при инициации. В третьей строфе, центральной в песне, происходит заметный перелом ритма и эмоционального настроения, своеобразный распад личности, выход автора за пределы слов, норм и понятных образов, и из этого состояния изменённого сознания автор выбирается в реальную жизнь, пережив настоящую смерть друга и преодолев в какой-то степени своё горе.

Автор возвращается из мира мёртвых с девушкой своего друга, то есть в определённом смысле он привёл из царства мёртвых царевну, как это делают сказочные царевичи. Эта царевна, в отличие от героинь народных сказок, не обрела жениха, а потеряла его навеки. Ей нечего делать в мире живых. Друг мертвеца вернулся из царства мёртвых с невестой мертвеца только для того, чтобы в мире живых расстаться с ней навсегда. Классическая схема инициации перевёрнута в каждом своём моменте, но всё же остаётся узнаваемой и позволяет слушателю расшифровать песню как сказку.

С помощью цитат, упоминаний деталей городского быта, смены строфической формы Вени Дркин создал свою сказку на основе фольклорной сказки. Классический сюжет волшебной сказки о пути героя при инициации является базовой структурой для понимания сложного произведения, написанного в поэтике постмодерна одним из лучших авторов этого жанра в русской постсоветской культуре XX века. Интересно понять роль образов поезда, смерти, воды/моря, недоступной возлюбленной в дальнейшем творчестве Вени Дркина, используя расшифровку песни «Июль».

НАТАЛИЯ МАВРОДИ

Родилась в Мариуполе Донецкой области. С детских лет живёт в Луганске. Образование высшее. По профессии — инженер-литейщик. Автор книг стихов «Две стороны», «Времена не выбирают», книги сказок «Снежка», соавтор краеведческой книги «Гостиница «Украина» («Октябрь»). Ул. Пушкина, 3». Стихи, рассказы и сказки напечатаны во многих коллективных сборниках и периодических печатных изданиях Украины, России, Беларуси. Председатель Межрегионального союза писателей, член Исполкома

Международного сообщества писательских союзов. Заместитель главного редактора альманаха и сайта МСП «Свой вариант». Лауреат литературных премий имени Олега Бишарева, имени Михаила Матусовского и имени Владимира Даля.

КИМ ИВАНЦОВ: ГОРДОСТЬ И БОЛЬ МОЯ – «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

В феврале 1943 года в армейской газете «Сын Отечества» Юго-Западного фронта появилась небольшая заметка о подвиге и трагедии юных участников подпольной организации «Молодая гвардия».

История настолько потрясла всю страну, что уже в конце сентября того же года в издательстве «Молодая гвардия» была подписана к печати небольшая книжка «Герои Краснодона», в которую вошли документы, воспоминания и рассказы родителей и друзей героев-подпольщиков. В 1946 году в роман-газете появился первый вариант известного романа А. Фадеева «Молодая гвардия». После критики в адрес автора о недостаточной роли Коммунистической партии, в 1951 году была издана вторая редакция книги, которая на долгие годы вошла в школьную программу и была переведена на многие языки мира.

Однако споры вокруг книги, особенно второй редакции, не смолкали и не смолкают до сих пор. История, изложенная в романе, стала жить своей жизнью и воспринималась, как документальное повествование, а не художественное произведение. Реальным персонажам было приписано то, чего они на самом деле не делали, а некоторые настоящие герои были показаны в романе предателями. В частности, Виктор Третьякевич, которому возвращено его доброе имя почти два десятка лет спустя: в 1960 году был реабилитирован и награждён Орденом Отечественной войны I степени, а 22 сентября 2022 года Указом Президента России присвоено звание Героя России.

Отстаиванию правды о реальных событиях в оккупированном врагами Краснодоне, правды об участниках подпольной организации посвятил всю свою жизнь писатель-фронтовик, инвалид Ве-

ликой Отечественной войны 2-й группы, биограф подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» Ким Михайлович Иванцов – 15-летним мальчишкой ушедший на фронт, друг и одноклассник многих молодогвардейцев.

Родился Ким Иванцов (Клим Михайлович Иванцов) 21 апреля 1926 года на руднике Сорокино Луганского округа УССР (с октября 1938 года – город Краснодон¹) в семье шахтёра, стахановца Михаила Ефимовича Иванцова и домохозяйки Варвары Дмитриевны. Семья проживала на улице Деревянной². Ким, как и старшие дети – брат Дмитрий (1921 г.р.³) и сестра Нина (1923 г.р.³), воспитывались в атмосфере взаимопонимания, уважения друг к другу, справедливости, верности слову.

Учился Ким сначала в Первомайской СШ № 6 (рабочий посёлок Первомайский – окраина рудника Сорокино), а позже в Краснодонской СШ № 4 им. К. Е. Ворошилова. Его одноклассниками были будущие молодогвардейцы – Сергей Тюленин (сидели за одной партией), Любовь Шевцова, Анатолий Ковалёв, Али Дадашев. Дружил с Виктором Третьякевичем, вместе работали в ученическом комитете. Виктор был председателем, а Ким отвечал за военно-физкультурную работу. Старшая сестра Кима Нина и двоюродная Оля также были участницами подпольной организации «Молодая гвардия».

В 13-летнем возрасте Ким начал вести дневник, который впоследствии лёг в основу автобиографической повести в трёх книгах «Дневник Андрея Башмакова». Первая запись в дневнике появилась 28 октября 1939 года. В откровенных заметках наблюдательного подростка уже тогда чувствовалась склонность к писательству. В описании происходивших событий, в недетских размышлениях о судьбе Родины, о начале войны, в переживаниях о близких – хорошо представляется атмосфера конца 1930-х – начала 1940-х годов. Вызывают уважение искренность и честность записей, подчас безжалостное отношение к себе при описании без ретуши своих дерзких поступков, выглядевших в глазах взрослых хулиганством, но часто объясняемых обострённым чувством справедливости, не терпящим фальши и бесчестности, и нежеланием подчиниться несправедливым, с его точки зрения, требованиям старших.

Небольшие тетради с сокровенными мыслями и отражением чувств автора, всю жизнь были его лучшими друзьями, которым он доверял свои душевные переживания и сомнения. Удивительный факт, но Киму Иванцову удалось сохранить дневники, будучи разведчиком, что категорически запрещалось в условиях партизанского отряда.

Трудным периодом для семьи Иванцовых был конец лета 1940 года, когда отец семьи был осуждён за сокрытие прогульщиков – в свете Указа Президиума Верховного совета от 26 июня 1940 года, которым вводилось увеличение продолжительности рабочего дня и недели, а также уголовное наказание за опоздание или уход с работы более, чем на 20 минут. По воспоминаниям Кима, отец был человеком добрым, справедливым, честным, пользовался уважением. Трудовая и партийная биографии Михаила Ефимовича это подтверждают: горный рабочий, в забое с 14 лет; член ВКП(б) с 1924 года; член пленума райкома партии. В 1933 году был назначен председателем колхоза «Пятилетка» до 1935 года, с 1935 по 1937 гг. работал управляющим скотоводческой фермы № 2. В 1937 году стал заведующим погрузкой на шахте № 1-бис. Летом 1940 года назначен помощником заведующего шахты № 1-бис. А в начале сентября того же года был осуждён: 8 человек поднялись из забоя раньше времени – от 15 минут до 1 часа⁴. Основным в обвинении звучало то, что среди провинившихся были два родных брата Михаила Иванцова, в связи с чем, он, якобы, исправил всем время преждевременного окончания работы на продолжительность в 15 минут, и задержал передачу дел в суд. Вины своей он не признал. Настаивал на графологической экспертизе, поскольку исправления в документы не вносил – до последнего верил, что следствие разберётся и его оправдают. Однако, суды по вышеназванному указу носили тогда массовый характер. Был устроен показательный суд в клубе и его осудили на 2 года⁵. Срок свой отбыл полностью, несмотря на прошения об апелляции. Домой не вернулся. По слухам – умер.

Эта тема была всю жизнь болезненной для Кима Михайловича, он не смирился с несправедливостью в отношении отца. Бережно хранил письма, написанные отцом семье из тюрьмы – два затёртых, пожелтевших от времени листка в полоску, текст химическим карандашом слабо читаем. Чтобы текст сохранился, повторил его на печатной машинке.

События с отцом совпали с поступлением старшего брата, Дмитрия, в Тамбовское кавалерийское училище. Ким на тот момент учился в 7 классе. Поскольку семья осталась без кормильца и к тому же над ними нависла угроза выселения из дома, в котором они жили, решил оставить школу и искать работу. Но, к счастью, вопрос решился положительно: поскольку брат служил в рядах Красной Армии, приняли решение семью не выселять, брат помогал, присылая часть своей стипендии, а сестра нашла подработку. Поддерживало также подсобное хозяйство и кормилица-корова.

Киму не хватало отца и брата, они с сестрой, чем могли, помогали матери, но переходный возраст Кима, вспыльчивый, впечатлительный характер давали о себе знать. Отдушиной для него в это непростое время была переписка с братом. С ним он делился сво-

ими «бедами», стойчески выдерживал его назидания, но, когда считал, что прав, жёстко отстаивал своё мнение.

Разговоры о будущей войне витали в воздухе. Часто Кимаша, так звали Кима друзья, со своим другом Сергеем Тюлениным мечтали об участии в боях, о том, как храбро будут защищать Родину. «Мальчишки моего поколения стремились попасть в армию, – рассказывал в одном из интервью Ким Михайлович, – чтобы подготовиться к возможной войне. Окрылённые идеями патриотизма, мы посещали различные кружки, в том числе оборонные, развивали физическое здоровье — много ходили пешком, занимались на спортивных снарядах. Эта закалка впоследствии очень пригодилась»².

Запись из дневника Кима от 15 сентября 1940 года:

«Сегодня начался призыв в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота. В армию и флот идут люди мужественные, грамотные, сильные духом. Я завидую парням в форме воина Страны Советов. Какие они счастливые!».

Когда началась война, Киму Иванцову и его одноклассникам было чуть больше пятнадцати лет. Ким с Сергеем Тюлениным не раз ходили в военкомат с просьбой взять их на фронт. Но в связи с юным возрастом им отказывали. Бездействие было не в их характере. Они начали помогать в госпитале: писали за раненых письма, читали им газеты и книги, сообщали сводок Совинформбюро; помогали беженцам на шоссе – выносили в ведрах воду для питья, объясняли как проехать, сообщали последние военные сводки. И... обращались куда только можно с просьбой отправить на фронт. В итоге пошли на хитрость, прибавив себе несколько лет. Но поверили только не по возрасту рослому и крепкому Киму, а внешность худенького, невысокого Сергея вызвала сомнения.

Так Ким Иванцов в 15 лет стал бойцом Краснодарского истребительного батальона, потом – разведчиком Краснодарского партизанского отряда, позже – разведчиком 8-го отделения политотдела 18-й армии. При вступлении в партизанский отряд получил документы на новое имя — Клим, поскольку было известно, что имя Ким – аббревиатура от слов: Коммунистический интернационал молодежи. Немцы могли понять, что такое имя детям могли дать только родители – активные коммунисты, и документ, таким образом, мог его выдать².

1 ноября 1941 года⁶ Ким Иванцов принял военную присягу. Перед этим очередную тетрадь своего дневника предварил просьбой: «В случае, если со мной что-то случится, я бы желал, чтобы эти тетради были пересланы моему брату Иванцову Дмитрию Михайловичу, кавалерийскому лейтенанту Красной Армии. Только один он может понять всю мою жизнь по-настоящему. И.К.».

Новой трагедией для всей семьи стала гибель Дмитрия в ноябре 1941 года под Тулой.

В неполные 16 лет, за ряд успешно проведённых в немецко-фашистском тылу операций, Ким Иванцов был представлен к медали «За отвагу». Летом 1942-го прошёл с боями весь страшный путь отступления Красной Армии от Краснодона до Махачкалы. Будучи разведчиком 388-й отдельной разведроты 328-й стрелковой дивизии, участвовал в битве за Кавказ. Был ранен в ногу, позже дважды контужен. После лечения в госпиталях Сочи и Тбилиси комиссован на шесть месяцев (в возрасте 16,5 лет стал инвалидом Великой Отечественной войны). По направлению Республиканского военкомата Грузии был направлен на восстановление в селение Цители-Цкаро, а оттуда — в совхоз им. Калинина. Впоследствии, не раз вспоминал добрым словом жителей селения, приютивших и поставивших на ноги юного бойца.

Красная Армия освободила Краснодон, и Ким Иванцов отправился на родину. По настоянию райкома комсомола работал военруком в Первомайской СШ № 6. Этот период хорошо описан Кимом Михайловичем в рассказе «Военруки военных лет»⁷:

«Первомайская СШ № 6 на окраине Краснодона. Она хорошо мне знакома: здесь я учился в начальных классах. Совсем недавно, в прошлом году, здесь раздавались голоса Ули Громовой, Майи Пегливановой, Анатолия Попова, сестёр Иванихиных, Дёмы Фомина, других будущих молодогвардейцев.

Не без робости переступаю знакомый порог. Директор Прасковья Власовна Султан-Бей, высокая, крепкая, одета по-крестьянски, больше походила на колхозного бригадира.

– Сколько же тебе лет? – спросила она.

– Семнадцать... скоро будет.

– Бог ты мой! – всплеснула руками.

<...>

– Образование, поди, классов восемь?

– Семь, – уточнил я».

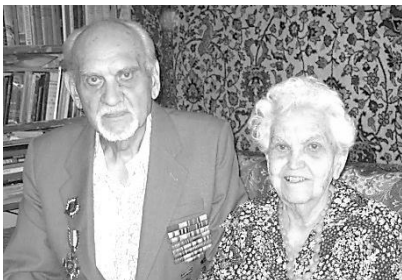
На первом же уроке встретил бывших одноклассников, которые никак не хотели поверить, что Кимаша будет у них преподавать.

Вскоре снова ушёл на фронт. Направили в Советское Заполярье. Попал в 89-й отдельный танковый батальон. Был заряжающим, потом – командиром орудия, командиром танка, к окончанию службы – командиром танкового взвода. Войну закончил в Советском Заполярье в августе 1950 года, в районе Петсамо (Печенга). Не раз был отмечен боевыми наградами. Среди них медали: «За отвагу», «За оборону Кавказа», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией».

После девятилетней срочной солдатской службы уволился в запас и в том же, 1950-м году, приехал в Ворошиловград (ныне Луганск), поступил на паровозостроительный (позже тепловозостроительный) завод, где проработал без малого 36 лет. Был слесарем, электриком, мастером, старшим мастером, начальником участка, заместителем начальника цеха, начальником цеха. За

годы работы ему неоднократно присваивалось звание «Лучший старший мастер завода», а участок, которым руководил, единственный на предприятии носил три почётных звания: «Коллектив коммунистического труда», «Коллектив высокой культуры и эстетики производства», «Коллектив высокого качества продукции»⁸.

С приходом на завод, параллельно с работой пошёл учиться в 10-й класс вечерней средней школы № 2 города Ворошиловграда. Там познакомился со своей будущей женой. Из интервью: «Придя однажды на занятия, увидел дивчину. Я посмотрел на неё и мысленно воззвал к Богу: «Это она!». Я всего два раза обращался к Творцу — в войну и вот тогда. В тот день я даже не решился подойти, расспросить — кто такая, откуда. А вот потом всё узнал. Мы познакомились, и Софья стала моей женой»².

Софья Владимировна — верная спутница жизни Кима Михайловича Иванцова, его помощница и ангел-хранитель, с пониманием и терпением относилась к непростому характеру и непростой творческой судьбе мужа, поддерживала его, часто сопровождала в поездках. Работала библиотекарем в школе. Благодаря её творческому подходу, увлечённому отношению к работе, библиотека всегда была на хорошем счету, и не одно поколение школьников благодарно вспоминает Софью Владимировну за привитую любовь к книгам, к чтению, умению работать с первоисточниками.

Все, кто попадал в гостеприимную квартиру семьи Иванцовых, обращали внимание на две фотографии за стеклом книжного шкафа. На вопросы гостей хозяева с улыбкой отвечали: «На этой фотографии нам на двоих 50 лет, а на этой — 100». После 90-летнего юбилея Кима Михайловича появилась третья фотография: на двоих — 180.

После окончания школы в 1952 году, Иванцов продолжил образование в вечернем филиале ХПИ им. В.И. Ленина, а затем полу-

чил высшее техническое образование в Луганском машиностроительном институте.

Но главным делом жизни Ким Михайлович всегда считал литературное творчество. Писателем он решил стать ещё до войны, будучи школьником. Первая публикация ученика 5 класса Кима Иванцова «Быть лётчиком-героем» состоялась в ноябре 1937 года в сорокинской газете «Социалистическая Родина»⁸.

За десятилетия творческой деятельности Кимом Иванцовым пройден немалый и нелёгкий путь. Написаны сотни заметок, зарисовок, статей, фельетонов, очерков. Они публиковались не только в местных и республиканских газетах, но и в центральных: «Правда», «Известия», «Красная звезда», «Советская культура», «Комсомольская правда», «Труд» и многих других. Печатались также в литературно-художественных журналах «Дніпро», «Дон», «Донбасс», «Молодая гвардия», «Радуга», «Юность», «Отражение», альманахах «Подвиг», «Свой вариант», коллективных сборниках, выходивших в Донецке, Киеве, Махачкале, Минске, Москве на русском, украинском и белорусском языках.

Ким Михайлович Иванцов автор более 10 книг. Некоторые пережили несколько переизданий.

Из интервью: «Первая моя книга «Про друзів-товарищів» посвящена «Молодой гвардии». <...> Импульсом, который подтолкнул это сделать, было несогласие с позицией, на основании которой данный вопрос освещался в печати. «Молодой гвардии» приписывали то, что она не делала. Руководящая роль отводилась партии. ... Но главное в этих книгах то, что я оказался единственным пишущим человеком, который вёл борьбу со всеми клеветниками на «Молодую гвардию». Одна из книг так и называется «Молодая гвардия»: правда, вымысел, клевета». К тому же, о том, что знаю и помню я о её героях, не напишет никто другой, ведь из школьных товарищей и друзей тех, кто был причастен к подполью, в живых остался я один»².

Всю жизнь в своих статьях и книгах Ким Михайлович Иванцов отстаивал правду о подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия». Ту правду, которую он знал из рассказов оставшихся в живых молодогвардейцев, от старшей сестры Нины и двоюродной Ольги – участниц «Молодой гвардии», от матери Олега Кошевого, с которой семья Иванцовых всю жизнь поддерживала дружеские отношения. И названия книг говорят об этом:

«Про друзів-товарищів» (1970), «В сердце искру сохрани» (1975), «Место в жизни» (1978), «Краснодонские мальчишки» (1979, 1986, 1989), «Производственное объединение "Ворошиловградтепловоз"» 2-е издание, (1982), «Старшая сестра» (1989), «Молодая гвардия»: правда, вымысел, клевета» (1995, 1996, 1997), «Дневник Андрея Башмакова» книга первая (1999), «Дневник Андрея Башмакова» книга вторая (2000), «Гордость и боль моя – "Молодая гвардия"» (2005, 2007).

В 1998 году Ким Михайлович Иванцов стал членом Межрегионального союза писателей (Международного сообщества писательских союзов). Творчество писателя-фронтовика не раз отмечалось наградами. Он лауреат литературных премий имени Бориса Гринченко, Владимира Дала, «Молодой гвардии», Григория Сковороды. Дважды выдвигался на звание «Почётный гражданин Луганска».

Умер 27 декабря 2016 года. Похоронен на Аллее Славы на кладбище Острая Могила в Луганске.

Архив К. М. Иванцова передан в Краснодарский музей «Молодая гвардия».

Литература

1 – Официальный сайт «Администрация города Краснодона и Краснодонского района». История Краснодона: Указом Президиума Верховного Совета Украины от 28 октября 1938 года поселок Сорокино был отнесен к категории городов и переименован в Краснодон. // [Электронный документ]. <https://krasnodon.org.ua/krasnodon/history>.

2 – «Если больно, значит живой», интервью // Экспресс-новости – 2011.- май. - №18. – С.19

3 – Сайт «Молодая гвардия». Н.М. Иванцова: Сведения о старшей сестре Нине Михайловне Иванцовой и о семье. // [Электронный документ]. <https://www.molodguard.ru/guardian30.htm>.

4 – «Покровитель дезорганизаторов производства» // Социалистическая Родина – 1940. – авг. - №193. – С.2

5 – «Суд над покровителем прогульщиков» // Социалистическая Родина – 1940. – 8 сент.

Из архива К.М. Иванцова:

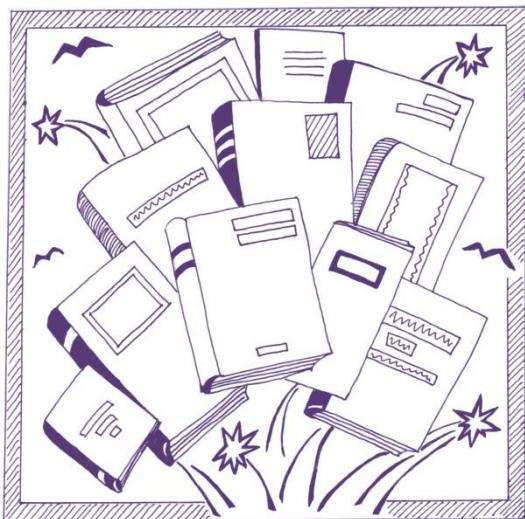
6 – Военный билет К.М. Иванцова, стр. 8.

7 – К. Иванцов «Военруки военных лет», 8 декабря 2011 года.

8 – К. Иванцов «Штрихи автобиографии», 29 октября 1999 года.

9 – Дневники К.М. Иванцова.

СОБЫТІЯ НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ЕЛЕНА ДИЧЕНКО

Родилась 28 мая 1975 года в городе Горловка. Поэзией увлекается с детства. Стихи печатались в городской периодике, альманахах «Восхождение», «Вольные стражи весны», «Звезда Рождества», в журналах «Пять стихий», «Северо-Муйские огни», в коллективных сборниках. С 1999 года в рядах Горловского ЛитО «Забой», с 2015 участник Литобъединения авторов Донбасса «Стражи весны». Дипломант

Международного фестиваля «Звезда Рождества – 2017» и Заочного фестиваля «Вольные стражи весны».

ВЕЧЕРНЯЯ ПОЭЗИЯ

...как я люблю это время, когда огоньки
точками, гроздьями
плавно плывут вдоль дорог.
Я поднимаюсь
пролёт за пролётом
к себе на порог –
и освещаю квартиру
движеньем руки.

Встреченным людям всю душу свою отдала, –
и потому не осталось в душе пустоты...
Чайник кипит на плите. Возвращаешься ты,
и обсуждаются общие наши дела.

Люди приходят домой. Загорается свет
в кубиках-рубиках новых высотных домов.
Сколько поэтов годами
искали смысл жизни умом,
чувствами зная на всё в этой жизни ответ.

Какое непростое слово «снег»..!
А по-английски чуть иначе: snow.
А может быть, и правда мы во сне?
А может, мы пришли из разных снов
туда, где до объятий полчаса,
до счастья шаг,
и свет, летящий с неба?
Не собирались судьбы изменять,
но мир внезапно завалило снегом,
и оба мы подумали: навечно.

О жизни бег, остановись на миг!..
Не всё равно – на век или на вечер?! –
под снег шагнём
как в параллельный мир.

МИЛЛЕННИУМ

Мы в самом финале двадцатого века.
До нового года осталась минута.
Вино, циферблат и сосновая ветка. Восторг -
и тревога в душе почему-то.

Потомки подумают: чем они жили?
О чём размышляли? Чему удивлялись?
Мы временем жизни не дорожили.
Считали копейки. По улицам плялись.

На самом краю уходящего века
забыв обо всём, я тебя целовала!..
До нового века
осталось мгновенье.
Мы прожили вечность.
А это немало.

в этот снег сверхглубокий упасть с головой,
и зарыться в него, и забыться совсем.
Будет таять он медленно словно любовь:
понемногу сначала, сильнее к весне.

И не станет его, как не стало любви...
Эти яркие чувства твои и мои – где они?!?

Для милых в марте
цветут подснежники,
связуя холод и тепло.
На тонких стеблях, такие неженки, –
ну как их снегом не замело?!

Цветёт подснежник – в снегу проталинка.
Пусть вьюга машет своим крылом.
Но лишь к любимым рука протянута
за переменчивым теплом.

И лишь к любимым душа повернута,
как будто к солнцу обращена!

Лишь от любимых зависит, помните,-
чтоб в самом деле
пришла весна.

...все проблемы наши от нелюбви.
От неё все беды, обиды, войны.
Всех нас жалко. И все мы любви достойны.
Нас Господь Любовью благословил:

«Возлюбите ближнего как себя!»
Посочувствуйте ближнему и поймите.
Пожалейте. Утешьте. Не осудите.

И Господь откроется вам, любя.

Чтоб огонёк Небесный не погас,
не разъедала ржавчина сомненья,
да явится Бог каждому из нас
в святой особый день
Богоявленья.

Чтоб не роптать на избранном пути
и не свернуть с него во тьму однажды,
водой крещенской, Боже, освяти
то лучшее,
на что способен каждый.

НЕБО НАД ХРАМОМ

Небо! Птицы и кресты,
а над ними самолётик:
в ослепительном полёте
покоритель высоты.

Небо! Птицы и кресты
в облаках необычайных...
Каждый шаг к Тебе есть тайна
и стремление расти.

В небо. К птицам и крестам.
Следовать за самолётом
по немыслимым высотам -
чтобы оказаться Там.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ И ПАСХА

В апреле душа ненадолго
касается вечности.
Такой это месяц: цветения
и возрождения.
Апрельские вехи – Начала и
Бесконечности.
Ты можешь не верить в спасенье,
но верь в обновление.

Ты можешь не верить в Мессию,
но верь человечности.
Как шарик воздушный, душа
в синеву порывается!..
Два праздника вечных -
Начала и Бесконечности.
Идя по дороге, увидишь:
она не кончается.

СРЕТЕНЬЕ

«Сретенье» – значит «Встреча».
Ключ, открывающий двери.
Встреча приводит к вере,
Вера приводит в Вечность.
Жизнь сопрягается с болью,
Но не велит отречься.
Главная в жизни встреча –
Встреча с Господней любовью.

Человек ищет небо всю жизнь,
Где б ни шёл он, и кто бы он ни был.
Человек смотрит вверх, пока жив –
Потому что пришёл сюда с неба.

Даже если от неба далёк,
Поглощён добыванием хлеба.
И молитвы не выучил строк –
Всё равно он пришёл сюда с неба.

КОНСТАНТИН КОВАЛЬ

Родился 16 апреля 1965 года. Окончил Донецкий государственный университет (история). Профессию журналиста освоил в старейшей украинской газете «Вечерний Киев». Печатался в литературно-художественных журналах Украины, России, Белоруссии. Автор пяти поэтических книг. Дипломант Международного конкурса «Семья – всему голова» (Гомель), Международного фестиваля «Звезда Рождества» (Запорожье), лауреат литературной премии им. Михаила Матусовского. Член Межрегионального союза писателей. За книгу «Пятое время суток» отмечен литературной премией им. Олега Бишарева.

ЛУННЫЙ АПЕЛЬСИН

Луна как перезревший апельсин
С немного потемневшей рыхлой коркой
На ниточке невидимой висит
И празднует рождественскую ёлку.

А мысли собираются в слова
Нелепых серпантинных продолжений,
Как будто бы и не было вчера
Отвергнутого вами предложенья.

Как можно вдруг подняться и уйти,
Нарушив все традиции застолья?
Эмоции – всего лишь конфетти.
Зато они скрывают наши боли

Пусть кобальтом трагичен небосвод
И звёзды как разорванные бусы –
У праздника всегда один исход
На цитрусово-хвойном послевкусие.

КОФЕ В ЗЁРНАХ

Зима, как женщина с утра, немногословна,
Когда ещё её окликнет Лот.
На завтрак пять минут и кофе в зёрнах,
Ещё одна минута и на лёд.

Исход-уход – кому какое дело
До свыше обозначенной судьбы.
На остановках снежные пробелы
И люди как солёные столбы.

И дворники, как праведники в белом,
Вклиняются в случайный разговор
О том, как прозябает между делом
Спасённый в Пятиградии Сигор.

И снега отметают с чувством долга
С ещё не допротопанных дорог...
И вы в такие дни немногословны,
Но кофе в зёрнах был не так уж плох.

АБРИКОС

Март запутался в числах и улицах,
Серый холод стоит, как стена.
Абрикос у подъезда сутулится
И по-старчески шепчет: «Весна...»

В блёклых окнах желтеет смущение -
Луч надежды, как восковый жгут.
Настроенье совсем не весеннее,
Но тепла, как пришествия, ждут.

На чай переводят старания,
Обжигая ладони и рот.
Жаль, в прогнозах ошмётки туманные
На неделю, на месяц и год...

ГРЕЧИШНЫЙ МЁД

Да будет осень рыжая как мёд
Из тех далёких гречневых угодий,
Где облако беспечное плывёт
И песенные водят хороводы.

Да будет благолепие надежд
В безветрии, мечтающем о бризе,
И ситец всех неношенных одежд
С оборками старинными по низу.

Да будет новый день как воробей,
Живущий под стрехою не впустую,
И девки, не сыскать нигде добрей,
И целые охапки поцелуев.

Да будет в травах жёлтых поздний цвет
И лист в туманной луже как кораблик,
И несколько простуженный рассвет
И полные подолы спелых яблок.

Да будет мир чарующий, простой,
Не путанный, чудной, многоголосый,
И участи не знающий иной
И выпивший меда за то, что осень!

ГДЕ НАХОДИТСЯ ПАРИЖ

Что мне Эйфелева башня
И Лионский перезвон?
Март беспечен и неряшлив
Цедит лунный совиныйон.

Недописанные письма
Словно ветер в голове –
Постижение вечных истин
В бесконечной маете.

Мне ли грезить о спасенье,
Коль спасенье не дано?
То ли праздное брожение,
То ли бражное вино.

Лабиринт одноэтажек.
Тишина стекает с крыш.
И совсем уже неважно
Где находится Париж.

Беспокойство варит воду
Из надуманных забот.
Лёгкий хмель уже заводит -
И ведёт – ведёт – ведёт...

ГЕРДА И КАЙ

Вечер плывёт, ускоряя часы и минуты.
Снежную пыль бесконечно метёт и метёт.
Датский волшебник с утра в серпантине запутан.
Вечное слово – далёкой Лапландии лёд.

Дух новогодний из запахов ёлочных соткан.
Время открыток, прочитанных вдруг между строк.
Дети не спят до двенадцати, бегают к окнам
И замирают на каждый случайный звонок.

Там во дворе у порога шальные салазки.
Не опоздать бы – иначе обидно до слёз.
Герда и Кай вспоминают забытую сказку –
И принимают её представление всерьёз.

Робость долой! Шатуном сквозь декабрьский валежник.
Всё и сейчас, как тогда на открытом катке.
Тают снежинки на всё ещё зимних одеждах.
Шорох ресниц на горящей с мороза щеке.

ЕЛЕНА ТРОЯНСКАЯ

Когда последнее полено
Отплачет дымною слезой,
Века презревшая Елена
Вернётся к осени домой.

Ключом побряцает у двери –
Уж не сменил ли кто замок.
И свет зажжёт, и плащ свой серый
Повесит молча на крючок.

Не торопясь окинет взором
Немного запустевший быт,
Вздохнёт о доблести героев
И согласится всех забыть.

Затем окликнет Менелая,
Коль третьих видеть не дано:
«Мы с этой Троей так устали...
На ужин чай или вино?»

ХОД КОНЁМ

Новый век – измученная лошадь
От чужих немислимых поклаж
Торит путь своей судьбины тощей
И башкой кивает: что за блажь.

Рафинадом ей не угоститься
На помин пегасовой души -
Вся то жизнь, разыгранная в лицах,
Не домчала знаковых вершин.

О крылах не стоит заикаться -
Их давно пустили на бульон.
Даже в тех, уже забытых, царствах
Был ли кто надеждой окрылён...

Полно бряцать о свершеньях новых -
Не Парнас, но сена принесут.
Хоть на третьей сломанной подкове,
Растерявшей вечной скачки суть.

АННА МАТВЕЕНКО

Родилась в 1965 году. Всю жизнь проживает в Кировском районе г. Донецка. По основному образованию – биолог, по дополнительному – «общественный журналист». Более тридцати лет работает в школе учителем биологии. Пишет стихи и прозу. Член Союза писателей Донецкой Народной Республики Межрегионального союза писателей. Публиковалась в альманахах, литературных журналах, коллективных сборниках. Автор книги рассказов «Мозаика» и сборника поэзии и прозы «Витражи». Гран-при фестиваля «Вольные стражи весны» в 2020 году и победитель в прозаической номинации этого же фестиваля в 2025 году. Лауреат многих Всероссийских и Международных конкурсов. В этом году отмечена литературной премией им. Олега Бишарева за вклад в литературу Донбасса.

БАБУШКИНА СКАЗКА

Что такое сказка? Фантастика, фантазия, притча? Кто-то когда-то придумывает сказку, и она уходит в свой волшебный мир: сказки, как и люди, рождаются. И так же, как всё живое, сказки умирают – тогда, когда люди их забывают.

Говорят, что сказка – ложь, да в ней – намёк.

Но всегда ли сказка так уж нереальна? Иногда в сказке, поверьте, много правды...

Как-то раз Спящая Красавица, Белоснежка и просто Красавица собрались на очередные посиделки в замке бывшего Чудовища, а ныне – Прекрасного Принца.

Светлая мраморная беседка под тенистыми кронами деревьев, тёплый ветерок, щебет птиц и щебет подружек, обсуждавших свои насущные дворцовые проблемы и любимых мужей, которые опять разъехались куда-то по делам своих королевств и бросили ненаглядных жён одних – всё было очень мило. Всё было, как всегда и ничто не предвещало беды.

Но вдруг...

– Ах! – воскликнула Спящая Красавица: по её тоненькому пальчику стекал красный ручеек.

Она случайно порезалась серебряным ножичком, которым чистила румяную грушу. Яблок на столе не было: Белоснежка не выносила даже вида яблок!

Спящая Красавица посмотрела секунд пять на пораненный палец, пробормотала: «Нет, только не это! Опять...» – и упала в обморок.

С тех пор, как она сто с лишним лет назад укололась веретеном, вид даже одной капли крови вызывал у неё паническую атаку.

– Ой, что же нам делать?! – Просто Красавица и Белоснежка в ужасе заматались по беседке, путаясь в пышных юбках, и налетая друг на друга.

В Аленький цветочек не была встроена опция первой доврачебной помощи, гномов на randеву подружки не пригласили, мужья были далеко – не докричишься за тридевять земель в тридесятые царства, а слуг в волшебном замке не было по определению.

Ситуация становилась угрожающей. Палец кровоточил, обморок, судя по всему, был глубок и выходить из него Спящая Красавица не собиралась.

Паническая атака нашла себе новые жертвы. «Спасите! Помогите!!!» – неслись из беседки совсем уже немелодичные вопли, перемежаемые рыданиями.

И тут из-за ствола старой цветущей липы вышла девушка. Юная, невысокая, с круглым личиком, милыми конопушками на курносом носике, и серьёзными серыми глазами под разлётom соболиных бровей.

И очень странно одетая. Настолько странно, что паникёрши так и застыли, раскрыв рты и хлопая глазами, с которых уже успела стечь на щёки ранее наложенная дорогая косметика.

На незнакомке были строгая закрытая рубашка непонятного зеленовато-болотного цвета и такого же цвета прямая юбка, длиной немного ниже колена. Не шёлковые, не батистовые и не атласные – из жесткой даже на вид ткани. На талии – кожаный ремень с металлической пряжкой. На ремне – две фляжки. А на ногах – сапоги. Не тупельки на высоком каблучке, с бантиками, пряжками и камушками – высокие сапоги, тяжёлые даже на вид!

Никакой косметики. Никакой пышной прически – только толстая тёмно-русская коса, перекинута на грудь. Никаких шляпок и диадем – странный головной убор из той же зеленовато-болотной ткани, сбоку прямоугольный, а спереди раскрывающийся складками, почти как шатёр. И единственное украшение на нём – яркая эмалевая звёздочка рубинового цвета.

Через плечо девушка несла большую сумку с красным крестом. Того же цвета, что и вся её одежда, но из ещё более грубой материи.

– Что тут у вас случилось? – строго спросила прищелица.

– А... Вот... – растерянно пробормотала Белоснежка и кивнула на пребывающую в беспамятстве Спящую Красавицу. Просто Красавица даже сказать ничего не могла, только рукой указала на обморочную подружку.

Рука заметно подрагивала.

– Сейчас посмотрю, отойдите только, не мешайте, – девушка быстро вошла в беседку и склонилась над Спящей Красавицей. – Тут ничего страшного нет, не бойтесь!

Она раскрыла сумку, вытащила скатанную в рулончик белую сеточку, что-то, похожее на корпию и пузырёк с темной жидкостью. Капнула из пузырька на ранку чем-то коричневым, положила сверху «корпию» и замотала белой сеточкой. Откуда-то возникли ножницы, сеточка была обрезана, край её разрезан на полоски и обвязан вокруг пальца. А потом из сумки появился ещё один пузырёк, который поднесли к носу пострадавшей.

В воздухе запахло резко и неприятно. Спящая Красавица чихнула, сморщила точёный носик и открыла глаза, недоуменно уставившись на незнакомку.

– Ну, вот и всё. Только... вы бы умылись, девочки. На вас же смотреть страшно! – и спасительница протянула зарёванным Белоснежке и Просто Красавице снятую с пояса металлическую фляжку.

Во фляжке оказалась простая вода. Всё ещё пребывающие в некотором ступоре красотки вытащили кружевные платочки и, помогая друг другу, начали молча оттирать с лилейных щёчек чёрные потёки.

– Кто ты такая? – тихо спросила Спящая Красавица. – Спасибо, что спасла меня, но... Ты очень странная... Из какой ты сказки и как тебя зовут?

– Из сказки? – девушка грустно улыбнулась. – Вот вы все, конечно, из сказок и я даже знаю, из каких. Знаю ваши имена. Но меня вы, конечно, не знаете. Зовут меня просто: Маша. А вот из сказки ли я, даже сказать не могу.

– Как такое может быть? – удивилась Белоснежка. – Ты точно из сказки! К нам могут приходиться только сказочные герои!

– Ну какой же я герой? – рассмеялась Маша. Сами посмотрите, разве я на героя похожа? И не из сказки я, а из истории, которую рассказывала одной девочке её бабушка.

– А нам ты эту историю расскажешь, Маша? Расскажи, пожалуйста! Очень интересно, как ты смогла к нам попасть, – попросила Просто Красавица и налила госте ароматный чай в фарфоровую чашку. Белоснежка заинтересованно посмотрела на новенькую и придвинула ей блюдо с воздушными пирожными.

Маша аккуратно поставила рядом с собой свою странную сумку, присела на гостевое кресло, взяла в руки чашку, подняв брови, удивлённо прошептала «такая тоненькая!», отпила глоток и посмотрела на троих красоток.

– Ну, тогда слушайте!

Жила-была в одном городе маленькая девочка. Город был большой, и стоял он на несметных подземных богатствах: скрывались под ним в земле чёрные камни, которые могли гореть

и отдавать людям теплоту Солнца, запасённого ими миллионы лет тому назад. Добывать эти камни было нелегко, а порой и просто опасно. И могли это делать только мужественные люди. Они построили глубокие шахты и каждый день опускались в темноту, чтобы на земле были свет и тепло.

Работали рядом с этими мужественными людьми и родители маленькой девочки: папа рассчитывал, как и где правильно проделывать под землёй ходы, чтобы больше добывать чудесных камней, а мама учитывала, что нужно, чтобы эти ходы построить. Они оба были заняты весь день, приходили домой только вечером, и девочку воспитывала бабушка, которая её очень любила.

Всё бы хорошо, да случилась несчастье: девочка тяжело заболела. Болела долго, боялись даже родители, что могут её потерять, но смогли достать они редкое лекарство и девочка выжила. Только вот ведь беда: стала иногда девочка задыхаться по ночам. И были эти ночи долгими и тяжелыми...

Вот тогда брала бабушка свою внучку на руки и рассказывала ей одну историю:

«Когда-то давно, когда в нашей стране шла страшная жестокая война и люди делали всё, чтобы победить врага, жила в одном городке недалеко от линии фронта девушка Маша. Была она умницей, отлично закончила школу, прошла курсы медсестёр и очень хотела попасть на фронт, чтобы помогать раненым бойцам. Каждый день ходила она в военкомат. Но Маше всё время отказывали. Дело в том, что Маша была совсем маленького роста, и никто не верил, что она уже взрослая. Даже когда Маша показывала документы, ей говорили: «Нет, девочка, сначала вырасти! А пока – иди домой!»

Красавицы удивлённо оглядели Машу: ну да, не высокая, но не такая уж она и маленькая! А девушка улыбнулась, пожала плечами – мол, так всё и было, и продолжила:

«Маша плакала и уже совсем не знала, как добиться своего. Но однажды она услышала: завтра рано утром на фронт уходит грузовик с солдатами. И Маша решила: будь что будет! Но она обязательно должна попасть туда, где сражаются за свободу Родины её земляки!

Ночью она пробралась к грузовику, залезла в кузов и спряталась под лавкой. Она была действительно очень маленькой и утром её никто не увидел.

Долго ехал грузовик, трясясь по просёлочным дорогам. Переговаривались друг с другом бойцы, а Маша лежала тихо-тихо, чтобы её не заметили раньше времени. Ей хотелось есть и пить, но она терпела и молчала.

И вот, наконец, грузовик остановился. «Выходи, стройся!» – прозвучал приказ.

Солдаты спустились из кузова грузовика, встали в строй перед своим новым командиром, и тут из-под лавки появилась встрепанная и помятая из-за долгой тряской дороги маленькая фигурка.

– Ты кто такая? Откуда? – опешил командир.

А Маша пригладила волосы, одернула своё платье, вытянулась во весь свой маленький рост и звонко сказала:

– Товарищ старший лейтенант! Я – Маша Иванова, медсестра. Позвольте встать в строй!

Командир только головой покачал:

– Какая медсестра, какой строй! Ты же от горшка два вершка, тебе только в куклы играть!

– Никак нет, товарищ старший лейтенант! Мне уже 18 лет, и вот мои документы!

Маша подошла к командиру чётким строевым шагом и подала ему все свои бумаги: и паспорт, и свидетельство об окончании курсов медсестёр с отличием.

Что было делать командиру? Обратного Машу не вернёшь – грузовик уже успел уехать. Документы в порядке. Хоть и кроха, а взрослая. И видно, что военную дисциплину знает. Так что отправили её в санчасть, помощницей. Форму военную, гимнастёрку с юбкой, Маша сама себе перешила – такой маленькой формы на складе не нашлось. Но сапоги пришлось носить на трое портянок, потому что маленьких сапог на Машину крохотную ножку тоже не было.

И осталась Маша там, куда так стремилась. Показала она себя отлично: врачам помогала, перевязки бойцам делала, даже раненых в госпитале полевом от операционного стола на койки переносила – откуда силы брались! И выздоравливали её подопечные как по волшебству.

– Ай да Маша! Маленькая, да удаленькая! – удивлялись вокруг.

А Маша улыбалась и никому не говорила, как на самом деле ей было тяжело. Она знала, что бойцам намного тяжелее: враг ожесточённо сопротивлялся. Но русские, советские воины шли вперёд, уничтожая фашистов и освобождая захваченные ими земли. Были потери, но это не останавливало солдат.

В очередной раз завязался жестокий бой. Командир поднял бойцов в атаку, но был ранен. И так получилось, что и санитаров, которые выносили с поля боя раненых, тоже пули не миновали.

И тогда Маша сказала начальнику санчасти:

– За ранеными пойду я.

– Куда, Маша? Что ты? Не с твоим ростом тяжёлых мужчин с поля боя выносить!

– Я справлюсь. Я маленькая, но сильная! Да и больше ведь некому, – заявила Маша, и все промолчали. Что делать, действительно – больше некому. Санитары ранены, солдаты – в

бой пошли, врачи за операционными столами стоят, пули извлекают да раны зашивают. Только на Машу, выходит, вся надежда.

Взяла Маша санитарную сумку через плечо, сменила юбку на галифе (на всякий случай заранее тоже их себе перешила), прицепила на пояс фляги со спиртом и водой, да и выбралась из окопов на поле боя.

Страшно Маше: пули свистят, взрывы гремят... А что поделаешь – раненых спасать нужно!

Где за кустиком, пригнувшись, где за земляной насыпью от воронки, а где и ползком на открытом месте – добирается Маша до раненого бойца, повязку наскоро делает, чтобы только кровь остановить, глотнуть из фляги даёт, чтобы сил добавить, да и тащит на себе, чтобы скорее к врачам доставить. А солдатик ей помогает, как может, откуда и силы берутся: маленькая Маша, как такой не помочь?

Вытащила Машенька всех, никого без помощи не оставила. И командира своего вынесла, сумела, хотя тот без сознания был. Тяжело пришлось, но смогла, на силе воли тянула. А то, что маленькая она – так оно и лучше: ни одна пуля Машу не задела, ни один осколок не зацепил, ни один немецкий снайпер её не заметил.

Выиграли наши тот тяжёлый бой.

И снова Маша в госпитале: врачам помогает, перевязки делает, с ложечки раненых кормит, постели им меняет. А те смотрят на Машу и удивляются: как всё успевает такая кроха? И выздоравливают быстрее, чем врачи рассчитывали, сразу в строй возвращаются.

А когда командир в себя пришел и узнал, что и как в том бою произошло, попросил он чернильницу да и написал рапорт. А какой – никому не сказал, отправил своим командирам, вышестоящим.

Оправился старший лейтенант после ранения. Прошло время. Затишье выпало между боями. И вот как-то раз собрал командир своих бойцов на построение и велел Маше обязательно на том построении быть.

Удивилась Маша – она ж вроде к санчасти приписана? Но с командиром не спорят. Стоит Маша в ряду самой последней, за бравыми солдатами и не видно её. И вдруг слышит:

– Мария Иванова! Выйти из строя!

Ох и испугалась Машенька! Что ж такое, вроде никаких по службе нареканий не было у неё? Но что делать? Голову подняла и, шаг печатая, из строя вышла.

– За проявленное на поле боя мужество Мария Иванова награждается медалью «За отвагу»!

Маша и дышать от неожиданности перестала. Стоит – сама не своя, ушам своим не верит. Она – и вдруг награда! Да за что? Что она такого сделала?

А лейтенант подошел к ней и прикрепил на гимнастёрку сверкнувшую на солнце медаль.

– Служу Советскому Союзу! – только и успела произнести Маша, а потом голова у неё закружилась и...

Нет, Маша не упала. Как можно упасть, когда тебя наградили медалью? Только...

Маша вдруг начала расти. Прямо на глазах у изумлённого командира и бойцов. И вот перед строем стоит не крохотная Машенька, а невысокая, но совсем взрослая девушка. А на груди её гордо сияет медаль «За отвагу».

– Такая вот у меня история, – сказала Маша и прикоснулась к груди, на которой слушавшие с открытыми ртами красавицы вдруг увидели ту самую медаль – будто пелена с глаз спала. – Не знаю, можно ли её назвать сказкой, но после того, как бабушка рассказывала обо мне больной девочке, у её внучки появлялись силы, чтобы бороться и побеждать недуг.

– Нет, это – сказка. Сказка о настоящих героях! Маша, ты – герой! – воскликнула потрясённая Белоснежка.

– Ну, какой я герой! – усмехнулась Маша. – Я делала то, что была должна делать. И вокруг меня были те, кто делал гораздо больше для нашей Родины. Для нашей Победы. Мы победили тогда, в той жестокой войне.

– А что было потом? – спросила Спящая Красавица. Она уже полностью пришла в себя и смотрела на свою спасительницу с искренним восхищением. – Что было потом с этой девочкой, с тобой и с твоей сказкой?

– Девочка выросла, – задумчиво сказала Маша. – И, наверное, потому, что её научили не сдаваться болезни, она сама стала учить детей. А сказку, которую ей рассказывала бабушка, она вспоминала всё реже и реже. И я почти уже готова была уйти куда-то далеко по лунной дорожке. Вы ведь знаете, что туда уходят сказки, о которых забывают. Но...

– Но? – эхом переспросила Просто Красавица.

– Но через годы на её прекрасную землю, в её замечательный город, богатый волшебным солнечным камнем, снова пришла война. Странная, необъявленная война, которую те, кто её начал, лукаво назвали АТО – антитеррористическая операция. Хотя никаких террористов на её земле не было. А были простые люди, которые хотели говорить на родном языке и помнить свою историю. Историю, давшую начало моей сказке.

И выросшая девочка снова обо мне вспомнила. И стали вспоминать всё чаще.

Когда видела, как уходят на защиту своей земли от новой напасти совсем молодые юноши и девушки, зрелые мужчины и те, для кого эти юнцы, взявшие оружие, годятся во внуки.

Когда видела, как разрушают города её малой Родины, и понимала, что нужно держаться.

Когда обстрелы будили её по ночам и было очень страшно – она вспоминала меня и тех, кто был рядом со мной, кто не сдался, кто выстоял и победил. Она вспоминала любимую бабушку, которая рассказала ей обо мне, о выросшей девочке Маше. Бабушку, которая пережила ту, Великую войну и силой своей воли и веры сохранила семью – да, так было. Но это – немного другая история, – Маша покачала головой. – Вам я эту историю рассказывать не буду.

– Какая всё-таки у тебя странная сказка, Маша. Странная и необычная. Гордая сказка. Мы подобных сказок не слышали никогда, – задумчиво сказала Спящая Красавица.

Маша посмотрела на трёх притихших девушек. Они были очень красивы: пышные платья с бантами, воланами и рюшами, пена кружев, затейливые прически, блеск драгоценностей. А вокруг – искрящийся мрамор беседки, шелестящая листва цветущих деревьев, пение птиц. Тонкий, почти прозрачный фарфор чайного сервиза на столе перед ней, горка с пирожными и конфетами, фрукты и букеты в вазах...

И вспомнила свою сказку: свист пуль, взрывы снарядов, стоны раненых бойцов, брезентовые стены полевого госпиталя, усталые лица врачей.

Красавицы, к которым привели её тропинки мира фантазии, не смогли бы прожить в её сказке и одного дня. И как же легко и приятно жить в той сказочной реальности, к которой сами они принадлежат!

Но перевязала порезанный палец Спящей Красавице она, Маша. Почему-то ни Белоснежка, ни Просто Красавица сделать такую простую вещь не смогли. Почему?

Да потому, что это просто не пришло им в голову – самим оказать раненой подруге помощь. Самим, без Аленьких цветочков, дружных гномов и любящих мужей. Не было такого в сюжетах их сказок. Они – девушки слабые и изнеженные. Им просто необходима защита, и защищать их приходится заколдованным чудовищам, принцам и гномам.

А это значит, что Машина сказка сегодня очень важна и нужна. Ведь в её сказке люди берут свою судьбу в свои руки. И сами делают всё, чтобы сберечь и сохранить свой мир, свою землю. Не жалея для этого ни сил, ни жизни.

И Маша тоже нужна и важна. Ведь если ты узнаешь, что маленькая девушка смогла выполнить свой долг перед Родиной и вырасти над собой – ты тоже сможешь сделать то, что должен

сделать для своей великой страны. Даже если ты не боец, не солдат, не воин.

Будет ли это подвигом? Станешь ли ты героем?

А что есть подвиг и что есть – героизм?

Чинить оборванные обстрелами провода и давать и дальним посёлкам, и районам больших городов электроэнергию – подвиг?

Тушить пожары, выносить пострадавших из разрушенных домов – героизм?

Спешить на помощь раненым – подвижничество?

Люди, о которых вспоминала сейчас сказочная девушка Маша, знали, что в любой момент туда, где они работают, может снова попасть снаряд. Или скинуть боеприпас прилетевший с вражеской стороны дрон. Эти люди не думали о подвиге. Они делали то, что должны были обязательно сделать.

И иногда погибали...

Маша горестно вздохнула про себя. А потом встала с такого мягкого и уютного кресла, поправила по-уставному выцветшую от времени пилотку, подняла тяжелую брезентовую сумку, полную медикаментов и привычно закинула её жесткий ремень на плечо гимнастёрки.

– Ну что, новые подруги, прощаемся?

– Маша, как это – прощаемся? – всполошились красавицы.

– Спасибо за чай, за угощение, но мне пора, – твердо сказала Маша.

– Ну, куда же ты теперь? А как же мы? А вдруг опять... – Спящая красавица замолчала и с ужасом посмотрела на свой забинтованный палец.

– Вот, держите. Прочтёте и сами сможете себе помочь, если что!

– Маша лукаво улыбнулась, вытащила из сумки сероватую книжицу и положила её на стол.

– «Гигиена красноармейца и первая помощь в бою» – прочтала название на обложке Белоснежка и вскинула на Машу удивлённые глаза. – Но мы же... Не красноармейцы! И у нас не идут бои!

– Но ведь первая помощь вам всё равно понадобится, а вы её оказать не смогли! – засмеялась Маша. Так что изучайте, лишним не будет! А я пошла. Кажется, обо мне хотят написать рассказ. Прослежу, чтобы ничего не напутали.

Маша весело подмигнула растерянным красоткам, помахала им на прощание рукой и шагнула на призрачную тропинку, возникшую из ниоткуда сразу под ногами. Тропка мира фантазии никогда не рассказывает своим путникам, куда она их приведёт. Но Маша твёрдо знала: по этой тропинке она придёт именно туда, где больше всего будет нужна.

К тем, кому нужно верить в свои силы – и победить.

ЕКАТЕРИНА РОМАЩУК

Родилась 20 марта 1985 года в городе Горловка Донецкой области. Стихи пишет со школьной скамьи. Член литературного объединения «Забой», руководитель (смотритель) ЛитО авторов Донбасса «Стражи весны». Была участником Съезда молодых литераторов Донбасса, «Славянск- 2008». В 2011 году становится членом Межрегионального союза писателей. В 2013 году окончила Горловский институт иностранных языков. В 2021 году получила второе высшее образование в Донбасском государственном педагогическом университете. В 2022 году вместе с семьёй переезжает в город Липецк. Замужем, имеет троих детей. Лауреат Региональной литературной премии имени Олега Герасимова, дипломант конкурса имени Павла Беспощадного «Донбасс никто не ставил на колени» и литературной премии имени «Молодой гвардии». В этом году за вклад в литературу Донбасса отмечена литературной премией им. Олега Бишарева. Автор поэтических сборников «Рассвет», «За гранью Слова» и «Контрасты».

Война без правил. Тихая война,
Молчанием линчующая души.
Уже не важно, чья была вина
И кто из нас страну сумел разрушить.
Кто первым за спиной стоял с ножом,
А кто вторым отважился ударить –
Не важно. Я – «чужая», ты – «чужой»
Как титулы на сердце вырезаем.
Раздвоен мир. Воздвигнута стена,
Навеки разделяя души наши.
Война без правил. Тихая война
Заранее обоих проигравших.

ТЬМА НАД СТРАНОЙ

А нас опять бомбят... который день,
И тишина теперь нам только снится.
Тень над страной давно уже не тень,
А тьма, как у покойника в зеницах.
Мы верили в такой желанный мир
И даже в государство Украина,
Которое так превозносят СМИ,
Всё заклеивив печаткою «едина».
Но мира нет, и государства нет,
И даже нет того, кто всё разрушил.

Тень оттого не превратилась в свет,
Что тьма фашизма поглотила души.

Мы – жертвы необъявленной войны,
Но мы не те, кто сдастся перед боем.
Мы как заноза для своей страны
За то, что помним подвиги героев,
За то, что мы не признаем фашизм
И нам врагом останется Бандера.
Мы – внуки тех, кто верил в коммунизм
И никогда не плюнем в эту веру.
Мы не умрем, сказав «побеждены»,
Ведь души ветеранов за плечами.
Мы – жертвы необъявленной войны,
Которых мир в упор не замечает.
Но есть другие, зрячие глаза
У Господа, что все молитвы слышит.
И плачут кровью в храмах образа
По тем, кто запятнал убийством души.

Война опять стучит в моё окно,
Скрипит когтями по оконной раме.
И вновь снаряды разрывают ночь,
И хочется бежать скорее к маме.
Нет. Не могу. Ведь рядом дети спят.
(Я сильной быть должна, чтоб страх не выдать).
Им снится сон про семерых козлят,
А за окном... (и к горлу ком обиды).
У смерти и войны похожий взгляд:
Тяжелый, обжигающий, бесстыжий...
Глаза закрою. Я должна понять,
Что всё проходит. Нужно просто выжить.

Обними меня. Тихо и нежно.
Мягким пледом из ласковых слов.
Разбуди в моём сердце надежду,
Стань реальностью сказочных снов.
Подари вдохновения крылья
И взлетая, за руку возьми.
Заслони от беды и унынья,

Превратись для меня в целый мир.
Пусть неведомы станут тревога,
Одиночество, слёзы и грусть.
Если скажешь, что этого много –
Знай, на меньшее – не соглашусь!

СУМАСПЕДШАЯ

Темнота поглотила дома,
Превращая их в серые призраки.
Я тихонько сходила с ума,
Находя в себе должные признаки.

Рисовала тебя на холсте,
Но не кистью, а пальцами тонкими...
И смеялась в лицо темноте,
Что приколоты к небу иголками.

Целый город окутала тьма,
Среди белого дня вдруг пришедшая.
Я тихонько сходила с ума,
А быть может давно... сумаспедшая.

Спасибо, Господи, за то, что я любима,
За сыновей и маленькую дочь.
За то, что если мне необходимо
Ты, Господи, всегда готов помочь.

За то, что вижу небо голубое
И что хожу ногами по земле.
Спасибо, Господи, что рядом всё родное,
За кров и пищу на моём столе.

Поверь, что не ищу дорогу к раю -
Мне раем стал огромный шар земной.
«Спасибо» каждый вечер повторяю
И верю, Господи, что слышишь голос мой.

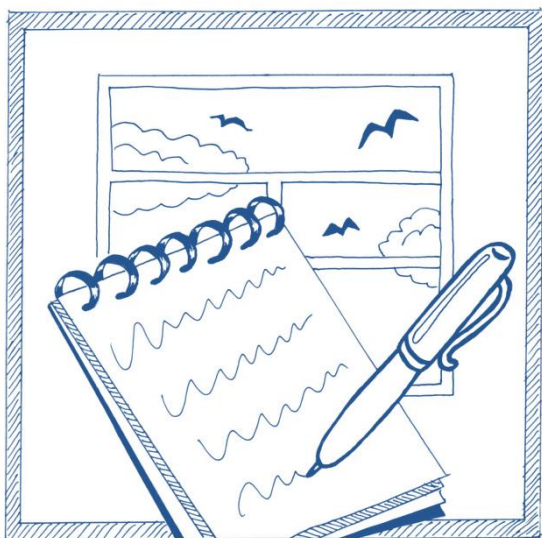
Пролетают годы как недели,
Но честнее слов на свете нет:
Главное, чтоб дети не болели,
А в родительском окне не гаснул свет.

Месяцы опять спешат по кругу,
Время сквозь ладошки, как вода.
Важно, чтоб мы были друг у друга
И не предавали никогда.
Как бы жизнь не расставляла цели,
Пронесу через пороги лет:
Главное, чтоб дети не болели ,
А в родительском окне не гаснул свет.

Так хочется, как прежде, о любви
Хоть пару строк по клетчатой бумаге...
Но ходит смерть по горловой крови,
Без страха замарать босые ноги.
Опять разрывы слышно за окном,
Шум канонады оглушает свистом.
Мне б о любви... а я молюсь о том,
Чтоб смерть не отбирала самых близких.
Когда-нибудь закончится война
И там, где кровь, распустятся тюльпаны.
Ну а пока... опять всю ночь без сна
И вместо слов - в стихах сплошные раны.

Ты знаешь, не уходят просто так,
Уходят если нестерпимо больно,
Когда внутри немая пустота
Убила всё, что называл любовью.
Не ждут, когда их позовут назад,
Демонстративно сдержанно и долго.
Уходят тихо, раз и навсегда,
Не оглянувшись даже у порога.
Обычно «ни к кому» и в «никуда»,
Залечивать истерзанные спины.
Ты знаешь, не уходят просто так,
Всегда на все находятся причины...

СТИХИЯ ПУБЛИЦИСТИКИ

ЕЛИЗАВЕТА ХАПЛАНОВА

Поэт, публицист, краевед. Родилась в Макеевке Донецкой области. По первому образованию – юрист. В 2021 году переехала в Москву в связи с учёбой в Литературном институте им. Горького, который окончила в 2024 году. Секретарь Союза писателей России по творческим вопросам и член правления Межрегионального союза писателей. Главный редактор альманаха «Литературная Макеевка» и журнала «Пять стихий» и приложения к нему – газеты «Новый горизонт». Автор нескольких поэтических и краеведческих книг. Лауреат нескольких литературных премий. Автор и ведущая литературно-патриотического проекта «Слово Донбасса», проводимого при поддержке Союза писателей России. Член Славянской литературно-художественной академии (Варна, Болгария).

ВЕСНА В ДОНБАССЕ

Пасхальный десант Союза писателей России

Союз писателей России - это мощная боевая творческая единица, где нет места унынию, слабости и... отдыху. В марте делегация СП из 30 человек побывала в донецких городах, посетила библиотеки, вузы, школы, кадетский корпус им. Захарченко, военные части, шахту. А 12 апреля мы вернулись уже с Луганщины, где, приближая мирную жизнь, высадили десятки рябин и сосен в Луганске и Краснодоне в честь 80-летия Победы.

15 апреля ранним утром творческий десант в составе майора ВС РФ — И.Н., лектора из Кузбасса Михаила Рудакова и поэта, секретаря СП России по творческим вопросам

Елизаветы Хаплановой вылетел военным бортом в зону проведения Специальной военной операции для выполнения поставленных задач. А задачи у нас предельно конкретные и ясные – вложить в души солдат своё тепло и поддержку, а в сердца - светлую веру в единство России, её армии и народа.

В Луганске к нам присоединились единомышленники — Ансамбль песни и пляски Краснознамённого центрального военного округа (г. Екатеринбург). Слово и песня в едином порыве, на одном дыхании пронеслись по луганским и донецким просторам, воодушевляя и жителей в городах и посёлках, и солдат на боевых позициях. О том, какие расстояния пришлось преодолевать, говорят за себя места выступлений — от Луганска до Донецка, через Краснодар, Перевальск, Свердловск, Красный Луч, Алчевск, Снежное, Харцызск, Амвросиевку, Торез, Моспино, Енакиево, Макеевку...

60 бойцов с осколочными ранениями встретили нас в одном из госпиталей Луганской Республики. Как ведёт себя человек, когда его изматывает боль или когда он в инвалидной коляске? По-разному... Но мы не встретили ни одного унывающего лица, не услышали ни одной жалобы. Словно вопреки судьбе, все парни улыбались! И мы, немного уставшие от переезда, просто обязаны были здесь, в холле больницы, выложиться в полной мере, отогреть сердца бойцов для радости и весны. Когда после выступления полсотни ребят, выстроившись друг за другом, подходили благодарить, обнимали, приглашали приехать снова, несли из больничных палат гостинцы, мы поняли, что их удалось согреть. А я порадовалась ещё и обнаруженному среди них начинающему автору, с которым договорились поработать над поэтическим словом...

Следующий день был особенно насыщен и дорогой, и напряжением, и встречами... Едва выехали за пределы луганской дислокации, в УАЗике что-то взорвалось, загорелось, нас окутали клубы дыма. Пришлось прямо на трассе оперативно выгружать музыкальную аппаратуру, вещи и себя.

Через несколько часов (на другом транспорте) мы продолжили путь. А лежал он, ни больше ни меньше, в соседнюю — Донецкую Народную республику, где в городе Амвросиевка нас ожидала детвора в возрасте от 4 до 16 лет. Детский дом «Росток» стал приютом для 109 детей республики. Они пришли в актёрский зал нарядные, в белых рубашечках и блузках. В глазах и настороженность, и любопытство... И нам вдруг стало понятно, что вот сейчас и здесь мы должны сдать самый строгий экзамен — на искренность, доброту, чуткость... на любовь.

Мальчик лет пяти неожиданно выбежал из толпы навстречу. Не знаю, заслуживала ли я столь крепких объятий, но забыть Даниила точно не смогу. Попросила его сохранить в себе эту радость, распахнутость, лучезарность... и обязательно быть счастливым. Не могла не заглянуть и в библиотеку детского

дома – уютный небольшой кабинет, где всё расставлено и создано с любовью к детям. Сотрудники поделились местными проблемами и рассказали о нехватке самой необходимой литературы. Поскольку наш Союз сформировал уже не одну библиотеку, надеюсь, сможем помочь и этим ребяташкам...

Следующая точка — один из многочисленных населённых пунктов ДНР... С 2014 года он находился в «серой» зоне, затем здесь расположился «Айдар» и ВСУ, а летом 2022-го наши ребята выбили противника из почти опустевшего поселения. И здесь нас ждала встреча с бойцами. Сразу бросилась в глаза организованность, собранность, спокойная выверенность в каждом действии. У входа в блиндаж выстроился аккуратный ряд солдатской обуви – в помещениях идеальная чистота.

Ребята были явно уставшие и, наверное, им было бы в радость прилечь на часок отдохнуть. Но слушали внимательно речь лектора, заинтересованно – стихи, и оочнчательно оживились, когда зазвучали любимые фронтовые песни в исполнении солистов ансамбля Инсафа Абдулина, Романа Резепина, Андрея Ботталова, Артема Бутяева, Артура Набиуллина, очаровательной солистки Ланы Соколовой. Настоящий восторг вызвала виртуозная игра на скрипке заслуженного артиста республики Хакассия Александра Шульгина, а ещё – наш с ним дуэт, в котором слились воедино музыка и поэзия. С каждой минутой лица солдат преображались, глаза зажигались живым огнём, а

это то, ради чего стоит вновь и вновь ехать сюда, порой рискуя собой, но никогда не пожалев об этом.

Поблагодарили нас бойцы необыкновенно тепло, подарили белоснежные розы и накормили настоящим солдатским обедом – гречневым супом вкупе с ядрёной горчицей, густой рисовой кашей с мясом и кукурузой, вкуснейшим лимонным чаем. Так что мы в полной мере ощутили себя побратимами наших солдат, а они, и это главное, – поняли, что мы всем сердцем с ними.

В третий день дорога лежала ещё дальше и вновь на донецкое направление. Нас встречал полк, сформированный из военнослужащих Татарстана и Башкортостана. Общаясь с одним из солдат, услышала сожаление: «очерствели здесь мы...» После выступления я его спросила, оттаяло ли на душе. Его ответ и улыбка успокоили. Всё же не зря преодолевали долгие часы и километры, не зря старались лечить усталые души словом и музыкой.

Военный борт, вылетевший из другого региона и заставивший себя немало подождать, всё же приземлился в Ростове, чтобы забрать нас в своё крылатое пристанище и доставить домой. Радовал полупустой чемодан — книги патриотической поэзии Союза писателей России снова нашли своих читателей.

А в сердце хранится воспоминание о том, как хорошо, выйдя из блиндажа на свет, увидеть настоящую дурманящую белым цветом и лесным ароматом весну, какая бывает только в Донбассе...

«Пять стихий» литературно-художественное издание.

Журнал не является коммерческим проектом.

Издание безгонорарное.

Корректор – А. Я. Чайка

Художник – Г. Н. Иванова

На прощанье, как принято в театральных кругах, мы проводим последние овации нашего друга в последний путь. В этом номере издания мы указываем в составе редколлегии одного из первых региональных представителей нашего журнала в 2012 году, незабвенную Алевтину Николаевну Евсюкову, которая ушла из жизни в конце апреля 2025 г. Вечная память!

Адрес редакции журнала: 284646

Донецкая Народная Республика,

г. Горловка-46, ул. Пушкинская – 57/48

В соответствии с законом «О средствах массовой информации»

Донецкой Народной Республики от 29 июня 2015 года.

Материалы принимаются после положительного решения редколлегии. Редакция имеет право отказать автору без указания причин, и не вступая в переписку.

Редакция допускает самостоятельное изготовление бумажного варианта журнала по макету, предоставленного авторам в PDF формате, при условии, что самостоятельно изготовленные экземпляры будут соответствующего качества.

Подписано к выпуску 27.01.2025 г.
Гарнитура: SchoolBook, Prosto, Traktir.
Номер выпущен в формате PDF

Учредитель: Нечипорук Иван Иванович (Горловка).

